

И. БУНИЧ

КЕЙС ПРЕЗИДЕНТА

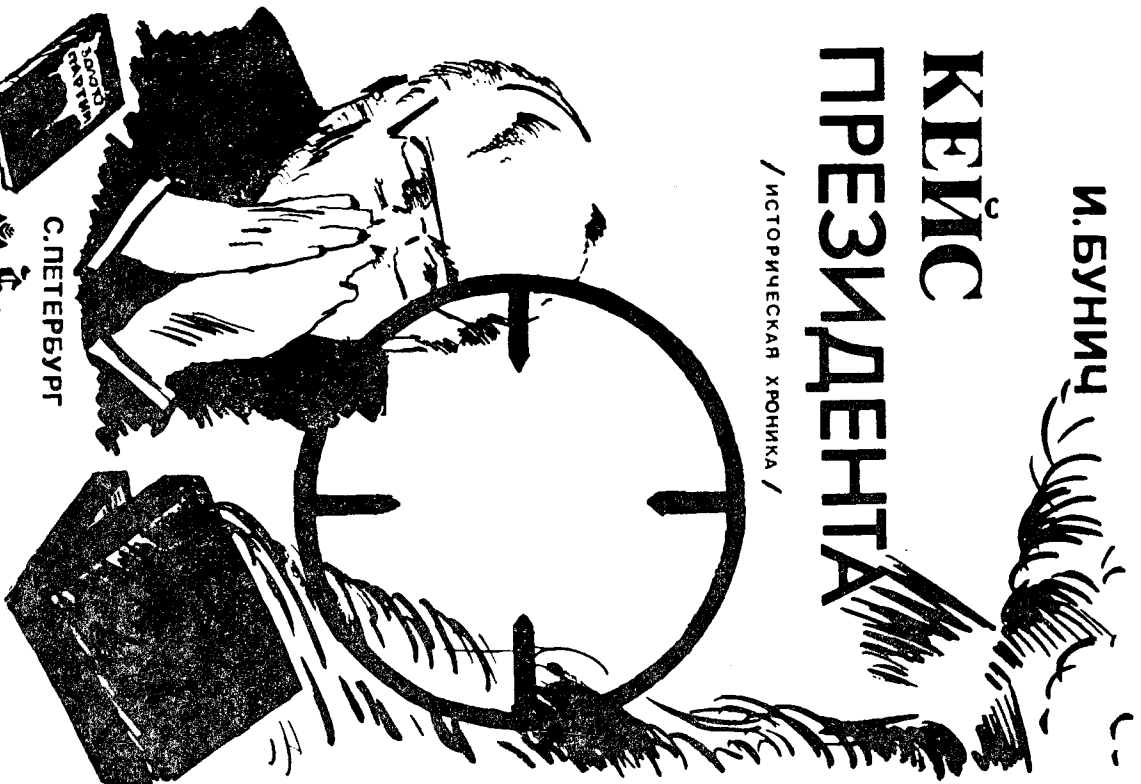
КОНСТИТУЦИОННЫЙ
ЗАКОН
(ОСНОВНОЙ ЗАКОН)
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

И. БУНИЧ

КЕЙС ПРЕЗИДЕНТА

/ ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА /

С. ПЕТЕРБУРГ

Издательство
«Ланс»

1993

Внимание! Предупреждаем, право на издание и перевод этой книги принадлежит Фирме «Шанс».

Фирма «Шанс» принимает заказы на переводы и издание книг на любом языке.

Телефон для справок: (812) 243-12-87.

Attention! All copyrights for publication and translation of this book belong to «Shans» Company.

«Shans» Company takes orders for translations and publication of books on any language.

Phone for information (812) 243-12-87.

В весенний день 1991 года у здания ЦК КПСС оставался блестящий черный лимузин. Выскочивший адъютант открыл заднюю дверь машины. Стоявшая у дверей охрана выгнулась по стойке «смирно». Офицеры взгляли под козырек. Резкие звонки призывали к вниманию охрану внутри здания. Массивные двери бесшумно открылись, пропуская в здание, где определялась вся внешняя и внутренняя политика огромной страны, одного из самых высших должностных лиц СССР — Председателя Комитета Государственной Безопасности генерала армии Крючкова. Толстые ковровые дорожки заглушали шаги в широком коридоре, ведущем в комплекс помещений, занимаемых Генеральным Секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым. Последнее время, став президентом СССР, Горбачев редко посещал свой кабинет на Старой площади, но Крючков настоял, чтобы встреча произошла именно здесь. Перед президентом страны он испытывал нечто напоминающее комплекс неполноценности. Президент! Что за президент СССР? Такого еще не было. А Генеральный секретарь — это понятие и ближе, роднее даже. Брежнев, Андропов, Черненко, царство им небесное, были настоящими генсеками, а не лезли в какие-то там непонятные президентты, как на Западе. С генсеком и говорить проще, и понимания больше, особенно если учесть, что сам Крючков член Политбюро ЦК, и приехал доложить Горбачеву сообщение чрезвычайной важности: ближайший сотрудник генсека-президента, такой же член Политбюро как и Крючков — Александр Яковлев — оказался старым и матерым американским шпионом. Новость ошеломила Горбачева. «Колумбийский университет!» — почти воскликнул генсек-президент, сразу догадавшийся, где могло произойти грехопадение Яковлева. Вель тот учился в Колумбийском Университете Соединенных Штатов Америки. Крючков скоробно кивнул. Да, именно там завербовали одного из главных идеологов КПСС и прорабов перестройки. Горбачев сел на свое место за огромным столом из красного дерева, привезенным в свое время с дачи Орджоникидзе. Ходили слухи, что за этим столом сидивал сам Николай I. Взял ли президента стал строгим: «Доказательства есть?» Лицо Крючкова вытянулось: «Да... То есть какие нужны доказательства, Михаил Сергеевич, когда и так все ясно...» «Что ясно?» «Что шпион». «Вам ясно. Мне нет. Представьте документы. Вынесите на закрытое заседание Политбюро». «Колумбийский университет», — напомнил Крючков. «Да, Университет», — согласился Горбачев, — вот мы с вами, Владимир Александрович, Колумбийских Университетов не кончали...»

Что-то резануло Крюкова по сердцу. Внимательно взглянул на генсека, но не нашел ответного взгляда. Куда-то вверх смотрел Горбачев, откуда хитро прищуривался Ильич с портрета. А уж его-то где только ни могли завербовать: и в Германии, и в Австрии, и во Франции. «Доказательства есть?» — снова спросил Горбачев, с каким-то непонятным интересом рассматривая шефа КГБ: шутит он или серьезно? Наверное, переутомился, но снимать его с должности нельзя. Именно на резилции Крюкова основан весь план, который уже нельзя изменить. Садясь в машину, шеф КГБ не мог отделиться от мысли, что думает о том, сколько времени провел за границей президент-генсек... В июле 1991 года только что выбранный президент Российской Федерации Борис Ельцин и его верный соратник Руслан Хасбулатов уединились в поместьи, которое, как они надеялись, не прослуживалося КГБ. «Они уходят и уничтожают Союз», — сказал Ельцин, протыгивая Хасбулатову ксерокопию секретного-секретного совещания на Старой площади. «Да, — согласился тот, — Указ о денацификации уже не успеет сработать». «Может быть, еще успеет, — не согласился Ельцин, — если удастся нейтрализовать Крюкова и его команду. Ельцин всегда был идеалистом. Разве можно нейтрализовать монстра, который подчинялся собственным инстинктам, а вовсе не Крюкову. Взгляди Хасбулатово заветишься каким-то странным огнем. Так неожиданно светится заснеженные вершины тор его родины, которая столько лет жила надеждами на свободу. «Мы уже ничего не успеем сделать», — покчал головой Хасбулатов, — нам не сорвать их выступления. Да и нужно ли это?» Президент России взглянул на часы. Приближалось время играть в теннис, а Ельцин еще со времен свердловского обкомства любил жить по строгому распорядку. В августе 1991 года молодой, широкоплечий, подтянутый десантный генерал с Золотой Звездой Героя Советского Союза стоял перед председателем КГБ СССР Крюковым. Генерал нравился Крюкову, с такими парнями не страшно начинать любое дело. «Задачу поняли? Всю эту сволочь арестовать и отвезти на одну из наших баз. А там посмотрим». «Так точно, — ответил генерал, — задача понятна, не в первой нам. Все будет в лучшем виде...» В сейфе у генерала уже лежал приказ: по получении сигнала немедленно изолировать Крюкова. Подпись под приказом не оставляла сомнений в том, что он будет выполнен. Коммунистическая империя агонизировала. Военно-конспиративная по сути, кровавая по духу, вскормленная на идеологии мирового господства океанами народной крови — она уми-

рляла долго и мучительно. Предсмертные судороги и конвульсии измучающего монстра, продолжающего держаться в своих измирных лапах несметный ядерный потенциал, будоражили и тревожили мир. И тем не менее, оставалась надежда, что былой авторитет и ответственность ядерной сверхдержавы даже ни смертном одре предотвратят вспышку предсмертного бешуния. Мир надеялся, но напрасно. Великая ядерная сверхдержава и экономически, и нравственно стремительно деградировала до уровня «банановой республики»...

Перестройка, задуманная в середине восьмидесятых годов и подраха политбюро и ЦК КПСС, ставила две основных задачи: как заставить рабов лучше работать, ибо были уже бесрезультатно перепробованы все возможные методы принуждения вплоть до расстрела, и как получить остро необходимую помощь с Запада, ибо к этому времени фактически ни одна страна свободного мира не желала иметь никаких дел с «империей зла». За семьдесят лет своего существования империя жизни в СССР приняла все черты классического капиталистического социализма. Общество четко разделено: немногочисленные, кумуляющиеся в роскоши партийно-государственными элита, данно уже построенная для себя исключительно обшесмый народ «коммунизм»; карательная и идеологическая стража, способная на любые преступления против собственного народа во имя права быть допущенной поближе к элитарной кормушке, на которую номенклатурная стража извела с торашими от жадности глазами; многочисленные, раздвоенный, оболваненный, люмпенизированный народ, чье материальное и духовное обнищание стремительно достигало, к тому же самому беспределу, что и роскошь элиты. Ужасный между колонией проволокой лагерей, где томились целые нации, и колонией проволокой границ, бешошадно обнищанный, сознательно спаиваемый народ, лишенный свободы любого творческого порыва, впаи в социальную лентацию и фактически не имел уже никаких желаний кроме инстинктивного желания выжить. Огромная армия, которую режим считал одной из своих главных опор, чьи трубы и барабаны по поводу побед полувековой давности заглушали любое живое слово в стране, преступно втянутая в афганскую авантюру, терпела унижительные поражения, демонстрируя свою полную беспомощность во всем диапазоне современного военного дела. Стагнировала промышленность и ее «святыни» — военно-промышленный комплекс, безнадежно отсталый от мировых стандартов и пожирая сам себя. Резкое понижение мировых цен на нефть — единственный продукт, за который еще можно было получать иностранную валю-

ту — и сокращение объема ее добычи из-за в прах устаревшего оборудования богезенно уменьшили приток твердой валюты в страну, угрожая уже благосостоянию самой элиты, привыкшей купаться в долларах наподобие сауловских принцев. Совершенно секретные сводки ложились на стол перед марзаматическими старцами из Политбюро, вызывая к действию. Самая высокая в мире летская смертность, самая низкая продолжительность жизни, катастрофически падающая производительность труда. Коррупция, пронизавшая все общество по вертикали и горизонтали. Любимое воровство всего, от с трудом полученных иностранных займов до тарелок в рабочих столовых. (Одни воруяют, чтобы выжить, другие уже просто не могут не воровать, закапывая в землю трехлитровые банки, наполненные золотыми монетами и бриллиантами. Вооруженные отряды партии — КГБ и армия — требуют десятикратного увеличения своей численности и асигнований, прозя выйдя из-под контроля. Партийно-чекистскую и военную верхушку раздирают интриги, разлагает коррупция и вседозволенность, делая ее совершенно недееспособной. Один за другим мрут престарелые генсеки. Эта эпоха получила весьма яркое название «период застоя», хотя ее скорее можно назвать «эпохой самопожирания». Ноги страны подломилась под тяжестью ее окаменевшего, затопленного трупным ядом организма, и стало отчетливо видно, что уже невозможно двинуться ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево. Эпоха закончилась с появлением на сцене нового, небывало молодого, умного, хитрого и энергичного Генерального секретаря КПСС Михаила Сергеевича Горбачева.

Начиналась новая эпоха — эпоха Перестройки. Элита, сумевшая понять, что дряхлые и впавшие в прострацию кремлевские старцы своим нежеланием и неумением что-либо предпринимать для оживления режима ставят под угрозу сами условия существования элиты — те самые роскошные условия, которые партия большевиков построила для себя на народных костях и которые менять отнюдь не собиралась, выдвинула нового генсека в затаенной, но твердой надежде, что тот оживит систему, не меняя ее. Горбачев — плоть от плоти партийно-чекистской номенклатуры, выживший знаменитого партпромыслы Андропова, сунувшего его в политбюро на освободившееся место убитого загнорупки Кулакова, казалось, отвечал всем требованиям разлагающейся элиты и не мог не оправдать ее доверия. С бесстыдством и безответственностью, свойственным всем коммунистическим лидерам, начиная с Ленина, Горбачев начал новую эпоху

с новых непродуманных авантур. «Жилище-2000», антиалкогольная компания, грозившая перераста в новый виток массового террора, всевозможные интенсификации и ускорения окончательно добили большую страну. Но новый генсек полон сил, его энергия подобна энергии вулкана. Стоит лишь обновить партийную и государственную номенклатуру и все проблемы решатся сами по себе. Один за другим выносятся в отставку первые секретари республиканских компартий, крайкомов, обкомов, горкомов. Идет чистка до уровня секретарей первичек. Отпавшие от роскоши и безделья, они почти не сопротивляются, тем более, что Горбачев заручился поддержкой почти всех членов возглавляемого им всемогущего политбюро. Но на смену выгнанным мерзавцам и казнокрадам приходят новые, со всеми врожденными инстинктами своих предшественников, но более молодые и энергичные. Дорвавшись наконец до настоящей кормушки и не зная отпущенного им срока, они позволяют себе такое, на что не решились даже их разжившие предшественники в эпоху «застоя». Генсек не сдается, он гонит и их, но на смену приходят еще худшие негодяи. Партийные инкубаторы уже создали стойкий генетический тип руководителя.казалось, что уже ничего слепать нельзя, но в молодом генсеке неожиданно просыпается настоящий политик. Вслед за ПЕРЕСТРОЙКОЙ объявляется ГЛАСНОСТЬ. Сообщники по политбюро категорически против, но Горбачев доходячиво им объясняет, что иначе совершенно невозможно получить западные кредиты, без которых, как хорошо известно товарищам, не обойтись. Из лагерей освобождаются со скрипом и неохотой политические заключенные. Гласность выплескивает на страницы книг, журналов и газет, на экраны телевизоров всю страшную правду о семидесятилетнем владычестве банды преступников, именующей себя коммунистами, над раздавленной и изнасилованной страной. КПСС — в панике. Сначала отдают на расстрел Сталина, которого облагивают до костей и съедают сами кости. В ужасе КПСС пытается укрыться за черной дымовой завесой антисемитизма, отдавая толпе на расстрел не только давно уже съеденного Троцкого, но и Свердлова, чье имя еще носили города, заводы и боевые корабли. Но вместе со «зловещими еврейскими» из ленинского окружения мгновенно разорвали на куски и самого вождя мирового пролетариата. Далее отступать было некуда. Переутанная партия, отказавшись от 6-й статьи Конституции, спряталась «в окопы», пытаясь сформировать какую-то новую идеологию «во спасение» и выдвинув в сторожевое охранение уже совершенно карикатур-

ных деятелей вроде Нины Андреевой и Ивана Полозова. Армии, униженная Афганистаном и оплеванная при возвращении на Родину, открыто брехала, чуточку сопротивляясь каким-либо переменам и гласности. Сенсационный полет немецкого пилота Руста, пролетевшего через все зоны ПВО и посадившего свой самолет прямо на Красной площади в Москве, позволил Горбачеву сменить всю военную верхушку во главе с маршалом Соколовым. Новым министром обороны был назначен генерал Язов, никому ранее неизвестный командующий Дальневосточным округом и чем-то приглянувшийся Горбачеву во время поездки во Владивосток. Вместе с новым назначением Верховный Совет подписал Указ о ликвидации звания маршала Советского Союза в мирное время, дававший понятие обществу мира, что было значенно армии в новом перестроенном обществе значительно понижено. Именно поэтому во главе ее и поставлен генерал, не принимавший ранее участия в военно-аппаратных играх и интригах, и «незамазанный афганской авантюрой». Однако и ссориться со старой армейской верхушкой Горбачев не захотел. Оставшийся не у дел бывший начальник Генштаба маршал Ахромеев был назначен на специально созданный пост военного советника при Горбачеве, а рыцарь исполнителей откровенных военных авантур генерал-лейтенант Громов, командующий войсками в Афганистане, вместо отдачи под суд был произведен в генерал-полковники и назначен командовать Киевским военным округом. Но если партия, идеологически уйдя «в окопы», сохранила незбылой всю свою структуру от ЦК до райкомов, если потрясенная и взбужденная армия вынуждена была по жертвовать своей вершущиной, но сохранила свои мощные политорганы и прямое подчинение партии, то КГБ — самая зловещая из опор режима — не подвергся даже косметическим преобразованиям. Глава этого заведения генерал армии Чебриков по доброй сталинско-брежневской традиции был членом всемогущего Политбюро, постоянно напоминающего своему генсеку, что с ним будет, если он не оправдает оказанного ему доверия. Пытаясь вырваться из железных объятий своих сообщников, Горбачев, смело маневрируя, придумывает «институт президентства» и становится первым Президентом СССР. Должность выборная и уже никакой чрезвычайный пленум не может его с этой должности снять, если он не оправдает доверия Политбюро. Генерал Чебриков (правая рука покойного Андропова) идет с «повышением» в группу генеральных инспекторов, оставляя пост Председателя КГБ своему заместителю Владимиру Крючкову

Как и большинство его предшественников, Крючков прошел закалку в сталинском комсомоле и бериевском МГБ. В 1956 году, во время народного восстания в Венгрии, будучи секретарем (от КГБ) советского посольства в Будапеште, вместе с послом Юрием Андроповым сделал все для кровавого подавления восстания. Особой его заслугой, первенство в которой, разумеется, досталось самому Андропову, было заявление в советское посольство и арест венгерского премьера Имре Надя-первого, сделавшего попытку порвать с тоталитарной сталинской империей. (Ходили слухи, что Надя был повешен прямо на территории советского посольства, чему Андропов и обязан своей дальнейшей головокружительной карьерой.) Так это было или иначе, но Андропов не забыл своего сообщника и, став в 1967 году шефом КГБ, немедленно назначил Крючкова сначала начальником Первого Главного Управления КГБ (внешняя разведка), а затем одним из своих заместителей. Профессиональная деятельность Крюкова на верномном ему поприще руководителя воспитанной лещевыми лещетивами и телесериалами советской разведки ознаменовалась небывалым количеством провалов и повальным бегством огромного числа наших «шпирицев» на Запад. Однако это нисколько не отразилось на его карьере. Напротив, после организованного им убийства брежневского шурина генерала КГБ Цвингуна, Крючков с Андроповым вторично повязались кровью гнусного антиправительственного заговора. Став (с подачи Горбачева) Председателем КГБ и, естественно, членом Политбюро, произведенный в генералы армии, Крючков, казалось, сохранил в общем хаосе полное хладнокровие. Он не устраивал истерик, как многие партаппаратчики, не срывался на рык, как представляли пооруженных сил, а молча и целенаправленно продолжал свою деятельность. Осведомительные сводки ясно говорили, что оснований для паники нет. Все партийные и государственные структуры остались незбылыми. Демократические крикуны слабы и немногочисленны. Это очень даже хорошо, что они проявили себя. Списки наиболее опасных составляются и корректируются, вкладываются в компьютеры и рассылаются во все региональные управления. К сожалению, констатируют сводки, старая коммунистическая идеология и фразеология, так и не обновленная из-за общей деградации идеологических структур ЦК КПСС, действительно перестала действовать на широкие массы, чем и пользуются так называемые «демократы», воспевая совершенно чуждый нашему народу образ жизни. Для спасения режима необходима новая идеология, которую можно было противопо-

ставить вопль о свободе, демократии и частной собственности. Пока в КГБ ломали голову над новой идеологией, понимая, что на одном антисемитизме далеко не уедешь, события стремительно начинали выходить из-под контроля. Как ветром сдуло марionеточные коммунистические режимы в Восточной Европе. Рухнула Берлинская стена и объединилась Германия. На телевизионных экранах всего мира калейдоскопом пошли кадры: трупы застреленных супругов Чаушеску, гебистские генералы с сорванными погонами, дающие дрожащими головами показания следователям, плачущие от страха недавно еще всемогущие генеральные секретари и партаппаратчики, арестованные или тайно вывезенные в СССР на военных самолетах. Гролом прогремел указ нового президента Польши знаменитого Яхса Валенсы о лишении профессиональных партийцев пенсий и конфискации незаконно принадлежавшей им недвижимости. Все это показывало парализованному от шока коммунистическому аппарату в нашей стране, что его ждет в самом ближайшем будущем, если он будет продолжать трусливо отсиживаться в «кокопах». Но генсек-президент еще в их руках. Обласканный президентом США и западно-европейскими лидерами, он получает, как и обещал, миллиардные кредиты, которые КПСС, молча и сопя от удовольствия, спешно расхищает по своим многочисленным бездонным карманам. В каждом своем выступлении президент-генсек подчеркивает свою приверженность социалистическому выбору и уверяет, что причулашая за его спиной партия может быть реформирована на основе обновленного марксизма. Это повергает в шок уже почти весь мир, но дает возможность партаппарату чувствовать себя увереннее. Огчаинные крики демократов, что надо спасать не партию, а страну, президент-генсек не слышит. И это вызывает недоумение, ибо страна действительно гибнет, а партия продолжает процветать. Начиная со страшной Чернобыльской катастрофы, погибающая сверхдержава сотрясается экономическими, политическими и стихийными катастрофами. Взрываются шахты, заводы и поезда, тонут атомные подводные лодки и шикарные океанские лайнеры, бьются самолеты. Страшные землетрясения накрывают Армению, Грузию и Азербайджан. Отовсюду идут сообщения об оползаях, смерчах, наводнениях и эпидемиях. Но и это не самое страшное. Империя начинает рассыпаться. Первыми поднимают голову Прибалтийские республики, объявляя преступным давний стовор Моголова — Рибентропа, лишавший их независимости. Закавказские республики вторят им, напоминая, что они были оккупированы и лишены незави-

симости в 1921 году. То же творится и в Молдавии, и в республиках Средней Азии. Все это дает шанс издыхающему режиму продлить свое существование. На смену затасканым марксистско-ленинским догмам приходят громкие фразы о «тысячелетней русской государственности», о «незыблемости Союза ССР», о «Великой России». Коммунисты быстро перекармливаются в «державников», и страну потрясает новый поток хотя и плохо продуманных, но хорошо организованных преследований. В Азербайджане, в страхе перед приходом к власти демократического Народного фронта, партия и КГБ организуют страшную резню армян. Диверсанты из КГБ взрывают телецентр. Под предлогом наведения порядка в Баку врывается армия, убивая всех подряд и приводя к власти члена ЦК КПСС Муталибова. В Тбилиси армия откровенно расстреляла мирную демонстрацию у здания местного ЦК, применяя при этом разрывные пули и боевые отравляющие вещества. Резня начинается и в Средней Азии — страшная, азиатская резня друг друга, что помогает старому партаппарату сохранить власть под грубо перелачиванными вывесками. Растет напряжение в Прибалтике, куда стигаликается войска специального назначения. Прибалтика — это не Кавказ и Средняя Азия. Она близка к Европе и географически, и по духу. Здесь нельзя действовать методами резни и погромов, но по-другому действовать режим не умеет... Мрачными памятниками сталинской псевдоархитектуры во всех городах страны высятся огромные здания ЦК и обкомов. Зашторенные зеркальные окна, массивные казенные подъезды, охраняемые солдатами КГБ и ОМОНа с автоматами наперевес. Партия ушла в «кокопы». Что творится за этими окнами? Какие указания передают телегайны, какие приказы передаются по незаконно контролируемой правительственной спецсвязи? Куда спешат черные «Зилы», «Чайки» и «Волги»? Чем занимается миллионная армия аппаратчиков, инструкторов, лекторов? Какие сигналы идут через шупальца огромного спрута, парализовавшего всю экономическую жизнь страны? «Я знаю, чем они занимаются!..» воскликнула по этому поводу мужественная московская журналистка Татьяна Иванова, — они басуют!», но была права лишь отчасти. Потерпев сокрушительное поражение на выборах, обанкротившаяся КПСС, вместо того, чтобы публично покаяться и тихо уйти с политической сцены, занялась откровенным саботажем по старому сталинскому сценарию организации всенародного голода. Магазины даже в столицах бесстыдно сверкали абсолютно пустыми прилавками. В провинции выстраивались огромные очереди за хле-

половина депутатов пришла в Верховный Совет от КПСС без выборов, фактически по назначению, как представители родовой аристократии в средневековых парламентах Европы. Но и результаты повторных выборов оказались неясными. Горбачев и Лукьянов пошли на подлост выборов, издав более 400 бюллетеней «против», чтобы провести это заведомое ничтожество на должносте второго лица в государстве. И правые, и левые недоумевали: «Зачем? Неужели именно так Горбачев реализует свое обещание «обновить руководство за счет наиболее авторитетных представителей общества»? И мало кто знал, что назначить Янаева на этот пост приказал Крючков звонком на Старую площадь. Понимая, что ему самому неутратно становиться при его должности главы государства, всемогущий шеф «государства в государстве» готовил себе будущее подставное правительство. И Горбачев ответил: «Есть!» Он с малого детства боялся КГБ и никогда не забывал, что и охранники, дежурившие ночью у дверей его спальни, подчиняются Крючкову. Но за чем Крючкову понадобился Янаев, президент еще не понимал... Между тем в «подвалах ЧК» родилась новая идеология, имперская по форме, национальная по духу и социалистическая по содержанию. Другими словами — национал-социалистическая. На Старой площади новая идеология была встречена с восторгом. Структуры коммунистов и фашистов всегда были братьями-близнецами, поэтому верхушка партии не очень комбинировала при ничтожном сдвиге — от интернационализма к национализму. Как грибы после дождя, стали появляться всевозможные патристические издания, громко требовавшие «наведения порядка в стране», который невозможен при нынешнем составе правительства. Им вторили бесчисленные советы ветеранов, состоящие главным образом из отставных офицеров армии и КГБ. Радиостанции с территорий воинских частей напечатали напряженные в Прибалтике, Армении и Молдове, провоцируя антирусские настроения. Поток русских беженцев хлынул из национальных республик в Россию. Здесь их никто не ждал, и не было никакой возможности в условиях прогрессирующего экономического паралича оказать прибывшим какую-либо помощь. Сенсацией стало выступление по телевизору командующего Приволжским военным округом генерал-полковника Альберта Макашова, открыто призывавшего разогнать советы всех уровней и выразившего готовность немедленно под его личным руководством взять штурмом Верховный Совет РСФСР.

Генерал знал, что говорил. Он только что вернулся из

Багдада, где провел совещание группы советских военных советников при иракском диктаторе Саддаме Хусейне. Активная внешняя политика, которую Горбачев вел с твердой последовательностью, привела к нормализации и значительному потеплению отношений с Соединенными Штатами и НАТО, размыла складывавшийся десятилетиями образ врага. А без врага коммунистическая система не могла существовать и начинала сразу задыхаться, как выброшенная на мелководье акула. Необходимо было что-то предпринять, чтобы резко дестабилизировать международную обстановку. Саддам Хусейн — самый гнусный из оставшихся на земле диктаторов, правивший Ираком с такой жестокостью, которой страна не знала со времен калифов, давно с нарастающей тревогой и без всякого удовольствия следил за переменами в СССР. В течение десятилетий Советский Союз снабжал его современным оружием и обучал огромную армию. Вела восьмилетнюю войну с соседним Ираном, Саддам Хусейн, хотя и не добился значительных успехов, но надежно обеспечил с юга советскую авантюру в Афганистане. Тенер, все понин с полуслова, он с готовностью принял план Макашова, который полностью соотвествовал его собственным устремлениям. Южный сосед Ирака, Кувейт, обладавший несметными нефтяными богатствами, но фактически беззащитный, должен был стать той естественной целью, удар по которой со стороны Ирака отвлечет внимание Соединенных Штатов и всего мира от событий в СССР. Так и случилось. В течение нескольких часов огромная армия Саддама Хусейна оккупировала Кувейт, объявив его своей провинцией и отказавшись вести какие-либо переговоры относительно законности своего поступка. Представленный перед совершившимся фактом новой акции международного разбой, потрясенный мир несколько ослабил внимание к событиям в СССР, чем и воспользовались сообщники генерала Макашова. Реакция грозно поднимала голову. Образовавшаяся в Верховном Совете так называемая депутатская группа «Союз», якобы обеспокоенная перспективами целостности страны, обнаглевшая от прямой поддержки аппарата КПСС, армии и КГБ, стала устраивать истерики на съездах и заседаниях Верховного Совета, обвиняя Горбачева и его ближайших сотрудников чуть ли не в государственной измене. Плечом к плечу с ними стояли всевозможные коммунистические фракции, из которых наиболее крикливой и разнузданной оказалась партия коммунистов России, возглавляемая Иваном Полозковым. «Патристические» газеты громко вопили о неизбежной гибели страны, стонущей «под игом

сионистов и демократов». Уход войск из Восточной Европы рассматривался как национальная катастрофа. Истерика, умело раздуваемая партийными структурами, сопровождается какими-то странными передвижениями войск вокруг Москвы. Танки, бронетранспортеры, десантники в полном боевом снаряжении группируются и сосредотачиваются на подступах к столице. На все официальные запросы Министерства обороны отвечает, что войска подняты для сбора картошки, не собранной по вине демократов на подмосковных полях. Абсурдность этого утверждения понятна всем, но шеф КГБ Крючков на официальный запрос публично отвечает на сессии Верховного Совета: «...по данным военной контрразведки, никаких передвижений войск, которые бы настораживали, не наблюдается». Все ждут реакции Президента. И она последовала: генералу Язову указом Горбачева присваивается звание Маршала Советского Союза, которое Горбачев совсем недавно упразднил для мирного времени также своим специальным указом. Окрыленные поддержкой президента генсека, боевые отряды партии, сосредоточившиеся в группе «Союз», переходят в решительное наступление на 4-м внеочередном съезде народных депутатов СССР. Выдвинув вперед двух наиболее воинственных и крикливых из своих членов — полковников Алксниса и Перушенко, они открыто обвиняют представителей демократического движения страны в прямых связях с ЦРУ США. Ледяным холодом тридцатых и сороковых годов повеяло в зале. Полковник Виктор Алкснис, инук расстрелившего Сталиным знаменитого комкора, таннистично закатывая глаза и ссылаясь на имеющийся у него доступ к секретной информации Главного разведывательного управления Генерального штаба, сообщает, что в одной из прочитанных им шифровок говорилось о встрече резидента ЦРУ с руководителями демократических движений Прибалтики, Белоруссии, Украины и России «в одной из восточно-европейских стран». Резидент проводил совещание на тему «Как развалить СССР и образовать Балтийско-Черноморский союз». Получив указание «шефа», лемократы-агенты ЦРУ размахались по своим республикам, чтобы продолжить свое «грязное дело». Наставившись эффектом от своей разоблачительной речи, полковник переходит к открытым угрозам в адрес министра иностранных дел Эдуарда Шевардадзе, обвиняя его в «капитуляции» перед империализмом, выразившемся в уходе советских войск из Восточной Европы, а затем берет за самого Горбачева. «Президенту пора определиться, с кем он, — рычит с трибуны Алкснис, — иначе мы будем ставить вопрос персонально о

нас, Михаил Сергеевич!» Президент сидит с непроницаемым лицом. Он только что вернулся из-за границы, где, излучая улыбки, уверял западно-европейских лидеров в неизменности своего курса на реформы и преобразование, о необратимости происходящих в СССР процессов демократизации. После возвращения из-за рубежа Горбачеву пришлось выслушивать массу нотаций от своих сообщников на Старой площади, куда прехекал из своей резиденции на Лубянке сам Крючков. Преобразование и реформы зашли слишком далеко! Пора остановиться, ибо под угрозой уже ставится сам социалистический выбор, о неизменной приверженности которому президент говорит при каждом удобном случае. Серые глаза Крючкова буравят его насквозь. Президент молчит. Он молчит и на съезде, никак не реагируя на злобные нападки заправшегося полковника, на которого с опловской гордостью благодушно смотрит новиспеченный маршал Язов. Но тут лопается терпение у Шевардадзе. Министр иностранных дел поднимается на трибуну и заявляет о своей отставке, открыто предупреждая приникшую к телеэкранам страну о готомичеишном перевороте и наступлении диктатуры. Шевардадзе подчеркивает, что воинственные полковники — всего лишь интеллигентские шланки, за которыми прячутся гораздо более грозные силы. Информационная служба МИДа может соперничать с любой разведывательной, а сам Шевардадзе — бывший генерал КГБ и первый секретарь ЦК Компартии Грузии — имеет и личные, абсолютные надежные каналы информации, чтобы непродуманно бросаться словами. Но президент молчит. Отставка Шевардадзе принимается. Его заменяет Александр Бессмертных — бывший посол СССР в США, известный даже в своем ведомстве под прозвищем «Бесхребетных», более занятый своей третьей молоденькой женой и убранным роскошного особняка, нежели проблемами страны. Такой делает все, что ему прикажут. Однако этого мало наступающим после выхода из своих комфортабельных окопов коммунистам. Их уже не устраивают ни премьер-министр страны Николай Рыжков, ни министр внутренних дел Вадим Бакин. Николай Рыжков, хотя и является верным слугой партаппарата, в новых конкретных условиях проявил себя трусливым и нерешительным. Это стало ясно по его поведению во время шахтерских забастовок и в громком скандале с разоблачением опекаемого премьером кооператива АНТ. Подчиняться приказу, Рыжков, стимулируя сердечный приступ, уходит в отставку. Он охватил более всего страхом за судьбу собственной дачи, которую благодарная партия подарила ему в пожизненное поль-

зование, мелкая возня вокруг дачи вызвала бурю возмущения в демократической печати. На место премьера выдвигается ранее мало кому известный Валентин Павлов, бывший министр финансов, выпускник Московского финансового экономического института, активный комсомольский работник, он уже тогда обратил на себя внимание жестким прагматизмом и любовью цитировать и к месту, и не к месту живых «классиков» марксизма. КГБ обратил внимание на расцветавшего экономиста, но не взял его к себе из-за непомерной самовлюбленности и слишком сильной склонности Павлова к сибаритству. Начальству на Лубянке импонировала фарсовая самонадеянность Павлова, его активные выступления на партобранах, где похожий на раздутьегося упыря финансист боевито доказывал, что «в белых перчатках политику не делают», и если ты настоящий коммунист, то главный твой принцип — активное нападение. На кого? Это было ясно, когда в КГБ прочли и одобрили рукопись книги Павлова «О налогах с населения» (вышла в 1990 году). Внедренный в министерство финансов и перемещенный в нужный момент на пост министра, Павлов сделал очень много, чтобы экономически перестройка буксовала на месте или откатывалась вспять. В стране наступил финансовый хаос. Арестовывались и блокировались счета. Сотни невнятных и противоречивых инструкций, поступающих в банки, не давали возможности работать не только зарождающимся малым предприятиям и кооперативам, но, порой, и государственным индустриальным гигантам. Срывалась земельная реформа. Налоги и система их сбора превращали любую экономическую деятельность в бессмысленную мазурбацию. Но это было только начало. Основную свою задачу, оказавшуюся не по силам вялому Рыжкову, предстояло еще выполнить. С ужасом взглянув на нового премьера, Горбачев махнул рукой — делайте, что хотите. Промолчал и утвердил. Министр внутренних дел Владимир Бакатин, несмотря на свое партаппаратное прошлое, вызвал ненависть со стороны своих старых друзей со Старой площади, обвиняющих его в бездействии власти и потакании экстремистам. Лукьянов, уже задавивший своими аппаратными методами и ловкими ротациями Верховный Совет, обвинил Бакатина виновным в параличе исполнительной власти, поскольку министра внутренних дел никак нельзя было подбить на разгон и арест Верховных Советов Прибалтийских и прочих республик, упорно принимающих законы о собственной независимости, что естественно, противоречило законам СССР, принятым еще в слабые времена Иосифа Виссарионовича. В своем обраше-

нии к Лукьянову 19 ноября 1990 г. Владимир Бакатин разумно писал: «Зря мы ищем причины паралича власти в недостатках милицейских структур. Это уже следствие. Есть немало причин более высокого порядка, но одна из главных в том, что у нас за 73 года не создан, да и не мог быть создан правовой и исполнительный механизм, пресекающий беззаконие власти...» Если Бакатин и хотел что-либо доказать своим посланием, то доказал только то, что с такими мыслями ему совсем не место на занимаемом посту. Его с треском гонят с занимаемой должности и из Президентского совета. На пост министра внутренних дел назначается Борис Пуго. Начав свою карьеру на комсомольской работе в 60-х годах, Пуго своей почти садистской жестокостью обратил на себя внимание КГБ, куда и перешел в 1976 году, стремительно продвигаясь по скользящей от грязи и крови чекистской служебной лестнице. Всего через четыре года — в 1980 году — он стал уже председателем КГБ Латвии, а в 1984 году — первым секретарем ЦК Компартии Латвии, совмещая, по латвийской задумке, оба поста. Начавшиеся в стране неформенный «слежки» положение Пуго в Риге, где он беспощадно подавлял некое «инакомыслие», распыливая тысячи людей по концлагерям и синопсихушкам, несколько шатким. Он был отозван в распоряжение ЦК КПСС и вскоре всплыл на Старой площади в качестве председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. То, что Старая площадь делала своего «старого бойца» на пост министра внутренних дел, говорило о подготовке «последнего и решительного боя», который загнывающая партия считала себя еще в силах дать новорожденному демократическому движению. И чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений, что времена либеральной говорильни заканчиваются, заместителем Пуго был назначен знаменитый «афганский герой» генерал Борис Громов, карьерист самого худшего пошиба, прославившийся холодной беспощадностью как к собственным солдатам, так и к гражданскому населению. Командуя армией в Афганистане, Громов легким мечту получить за свое бездарное руководство Золотую Звезду героя. В высоких коридорах министерства обороны ему дали понять, что он может рассчитывать на «звезду», если деблокирует Хост — крупный афганский город, который партизаны держали в осаде уже в течение нескольких лет. Все попытки советских войск прорвать кольцо осады приводили лишь к большим потерям, но не давали никакого результата. И тут выяснилось, что деблокировать Хост не так уж сложно. Командиры партизанских отрядов и старейшины племен, блокирующих Хост,

заявили, что за деньги они готовы увести свои отряды в горы и освободить ведущие в город дороги. Все зависит от суммы. Сумма была названа. Вожди и старейшины, посоветовавшись, заявили, что за названную сумму они готовы деблокировать Хост на две недели. Этого было вполне достаточно для получения вожаками партизан, все дороги заминированы итальянскими и американскими минами. Мин тыщи и как их разминировать, знают только инструкторы в Пешеваре. Специалисты в штабе Громова быстро подсчитали, что нужно минимум месяца четыре, чтобы очистить дороги от такого количества мин, устройство которых в советской армии знали считанные профессионалы. «Это ваши дела», — сказали представители партизан и, забрав деньги ушли. Ни минуты не колеблясь, генерал Громов погнал свои войска на мины. Это была старая традиция, восходящая к временам Великой Отечественной. Вечный дефицит необходимого саперного снаряжения и презрение к человеческой жизни делали подобный способ разминирования оперативно быстрым и тактически наиболее эффективным. Хост был деблокирован, о чем с упоением, под звуки фанфар, сообщила вся Советская пресса. Генерал Громов — уже с Золотой Звездой герой — вскоре был вынужден увести остатки своей измученной и деморализованной бесконечными неудачами армии из Афганистана, что было предельно средствами массовой инфомации как очередная великая победа. Теперь генералу предстояло применить отработанные в Афганистане методы на собственном народе. (Киевляне еще когда-нибудь оценят, как им крупно повезло, что генерал Громов был убран с поста командующего Киевским военным округом в Москву на полицейское поприще.) Наступление реакции тем временем продолжается. Из президентского совета с шумом и улопотканьем гонят Бакатина, Шатагина, Примакова, Щербадзе, Яковлева — всех, с кем Горбачев начинал свои реформы. На их место приходит классическая советская тройка — Крючков, Пуго и Язов — два генерала КГБ и маршал, Зюганов и Дзасохов — от ЦК КПСС, Павлов — вытесванный ими премьер и мало кому известный, предпочитающий пока держаться в тени — Олег Бакланов. Последний, по-своему, особенно интересен. Секретарь ЦК КПСС, в прошлом генеральный директор крупного оборонного завода, а затем министр общего машиностроения, в это время он курирует от ЦК Военно-промышленный комплекс страны — тот самый непосильный груз, который страна уже нести не в состоянии. Задуманный еще Лениным в

мечтах о мировой революции, возведенный Сталиным на крошечные и костях миллионов человеческих жизней, Военно-промышленный комплекс представлял из себя всю работоспособную промышленность страны. Военная индустрия постоянно модернизировалась и расширялась, производила кованое оружие, завалявая им страну и весь мир. Страна в страшной экономической кризисе. Остатки хлеба заводы, мясокомбинаты, текстильные, придильные и обувные фабрики, фармацевтические предприятия, мукомольные комплексы. Построенные до революции, некоторые еще в царствование Александра III, они ни разу не модернизировались, отремонтировать их невозможно, поскольку уже нигде в мире нет заготовок к французским и немецким машинам начала века. А ВПК продолжает завалявать страну оружием. Новые реактивные истребители и бомбардировщики, продемонстрированные в Бурже, вызывают восхищение всего мира. Советские подводные лодки — самые бесшумные среди существующих. Танков уже столько, что не хватает экипажей, чтобы их обслуживать, но конвейеры, работающие круглосуточно, продолжают сжигать топливо добавлять в огромный арсенал все новые и новые сотни боевых машин. Положение становится все хуже до предела. В стране нет продовольствия, одежды, лекарств и жилищ. По дорогам Европы идут колонны автомашин с западной продовольственной помощью. В аэропортах садятся камуфлированные военно-транспортные самолеты США и НАТО, набитые ящиками с макаронами и банками с тушенкой. С экранов телевизоров раздаются призывы дать валюту для умирающих детей, чтобы они могли лечиться за границей. Их много — они повсюду. Вымирающее будущее нашей страны. На Родине для них нет ни лекарей, ни больницы, ни врачей. Киевский ЦК КПСС сорвал эвакуацию детей Чернобыля, но поступить хотя чем-нибудь из своих несметных богатств уже даже не для спасения. И в дни облегчения их смерти, не хочет, даже не слушает. И в это же самое время, впервые в нашей истории (гласность!) все видят, как со ступеней Николаевского завода спускаются на воду огромные авианосцы, а от ступеней Ленинградских заводов уходят в море атомные крейсера, превращая по своим размерам бывшие линкоры, президент с супругой идут по пирам Пирамидного вальд строя чудовищных по размеру подводных лодок. Мир недоумевает. Уже пять лет Горбачев бегает по миру с сумой, вымаливая кредиты для своих нищей страны. Во имя этих кредитов он ввел гласность и тогдашней стране, пожертвовав сателлитами из Восточной Европы, пообещал (подумать только!) восстановить

дипломатические отношения с Израилем. И при этом продолжает строить авианосцы, атомные лодки и несметное количество другой вполне современной военной техники. «Может быть стоит ее выпускать чуть меньше?» — осторожно советуют делкатные лидеры европейских стран. Есть такое понятие — конверсия, когда военные заводы, отдавая должное обороне, выпускают также и товары широкого потребления. Однако первые же робкие упоминания о конверсии вызывают бурю в Военно-промышленном комплексе. Директора военных заводов, увешанные лауреатскими медалями и учеными степенями, решительно отказываются выпускать какие-то неслепые инвалидные коляски (тысячам афганских инвалидов коляски поступают из ФРГ) и утюги. Их куратор в ЦК КПСС — Бакианов — полностью согласен со своими подопечными. Зачем народу коляски, утюги и разные там кастрюли, когда у него столько танков, самолетов и даже авианосцев! Он устраивает президенту встречу с директором ми военных предприятий. Несокрушимым фронтом директора убеждают Горбачева, что страна идет к гибели. Пора кончать с либерализмом и гласностью, а прежде всего — хватит заигрывать с Западом. Те же слова звучат на совещании первых секретарей обкомов и крайкомов. Стая буквально рвет на куски своего вождя. Прежде всего необходимо отменить гнусный закон о печати, распустивший средства массовой информации: пора кончать с реформами и призвать, что они провалились. На совещании звучат выпрепные завывания по поводу «идеологического социализма», «завоеваний социализма», «исторического выбора нашего народа» и прочие речитативы в жанре партийного плача. Президент уверяет собравшихся, что не только он, но еще и его дед сделали «социалистический выбор», с которого он никогда не свернет. Он не решается отменить закон о печати, хотя и занимается об этом на весь мир, давая понять немногочисленным демократическим газетам и журналам, что они все печатаются в партийных типографиях и на бумаге, выделяемой КПСС. Его ставленник Леонид Кравченко блокирует телевидение и радио, разгоняя журналистов и ведущих, запрещая ненавистные партаппарату программы. В здании ЦК на Старой площади в огромном кабинете генсека проходят секретные совещания Государственного совета обороны. Председательствует Горбачев. Присутствуют его товарищи по партии: секретари ЦК Зюганов, Шенин и Бакианов (официального зама генсека — Ивашко — не допускают. Личность бутылфорская). От КГБ: естественно, сам Крючков, его заместитель генерал Грушко. От армии: маршал Язов, начальник гене-

рального штаба Моисеев и начальник ГРУ генерал Михайлов. Обстановка складывается более чем благоприятно. Американцы попались на наживу, которую им товарищ Саддам Хусейн подсунил, захватив Кувейт. Наши прогнозы оправдываются. Соединенные Штаты, снимая корабли и войска с многих направлений, стягивают их в Персидский залив, пытаясь оказать давление на Багдад. Но Саддам Хусейн тверд и смел. Он смеется над американскими угрозами. Его армия огромна и прекрасно оснащена самыми современными нашим оружием, обстреляна восьмилетней войной с Ираном и ристая в бой, чтобы окончательно сокрушить империализм и спонизм. Кроме того Ирак имеет большие запасы химического и бактериологического оружия, а также на пути к созданию атомной бомбы. В таких условиях американцы вряд ли решатся на конфликт, а если и решатся, то потерпят сокрушительное поражение. Это означает, что Хусейн захватит и Саудовскую Аравию и будет контролировать более половины мировых запасов нефти. Итак, американцы зажаты между переплетенной полной потери лица в случае немилости и полного Вьетнама — в случае развязывания войны. Это открывает перед нами широкие возможности. Не следует забывать, что мы связаны с Ираком договором о дружбе и союзе. Во-вторых, американцы, стягивая войска к заливу, ослабили многие направления, что коренным образом изменило обстановку в Центральной Европе и создало предпосылки... «Насколько точны эти сведения?» — интересуется президент. Генералы раскрывают свои секретные номерные папки. Колонки тщательно выверенных цифр, графика, диаграммы. Последние данные и анализы, обработанные на современнейших компьютерах, тайно вывезенных из США и Японии. Расчеты огневой мощи, оперативной насыщенности, пропускной способности дорог, стратегических ресурсов. Разведанные о боевой подготовке армии США, ее моральном состоянии, ее проблемах, связанных с материальным обеспечением, наркоманией, алкоголизмом и расовыми отношениями. Их вывод основан не на пустозвонстве, не на слепом пренебрежении к потенциальному противнику, а на строго научном анализе: в случае конфликта американцев ждет весьма чувствительное поражение. Генералы совершенно искренни. Они далеки от мысли обманывать генсека президента или как-то вводить его в заблуждение. Как и все сидящие в кабинете на Старой площади, они еще не понимают, что время отсчитывает им последние часы, безпопиртно уходя в историю. Что общая деградация страны очевидна, сильно коснулась и их самих и созданной ими военной

науки. Привязанные собственными мифами ко Второй мировой войне, они во многом думают и планируют по-прежнему устаревшим критериям, не заметив революции в военном деле, следившей всю их огромную военную машину совершенно бессмысленной и устаревшей. Генерал Макашов, чей доклад (после возвращения из Ирака) лег в основу этого совещания, не только безответственный политический экстремист, призывавший штурмовать и разгонять советы всех уровней. Он прежде всего генерал, окончивший с золотой медалью две академии, и дело свое, военное дело, знает превосходно. Он все проверил сам, и его план захвата Кувейта, несмотря на несколько упрощенное его выполнение иракским командованием, был блестяще воплощен в жизнь. Несметные богатства Кувейта захвачены за несколько часов и без всяких потерь. Все это хорошо, но президент не давал санкции на проведение подобной акции. «Это, товарищи военные, знаете ли чревато, — пытается на ходу сформулировать свои мысли президент, что у него всегда плохо получается, — это, знаете ли, самодеятельность...» «Почему самодеятельность, — обижаются генералы, — с Ираком действуют двусторонние договоры о дружбе и союзе, секретные протоколы к которым предусматривают и сотрудничество в ситуациях, подобных обсуждаемой... Договор заключен в стародавние брежневские времена, и о нем как-то забыл Горбачев в водовороте своей кипучей деятельности, а о протоколах просто ничего не знал, ранно кик и о протоколах к пакту Молотова — Риббентропа. Секретарь ЦК КПСС Зюганов берет генералов под защиту. Товарищ Зюганов, отвечающий за международные связи КПСС, напоминает генсеку, что создание в мире режимов наподобие садамовского осуществлялось в так называемых рамках «радикализации» мирового рабочего движения с целью ускорения ликвидации прогнившей системы империализма, дни которой, как известно, сочтены. Президент обдумывает ситуацию, мысленно прикидывая, сколько уйдет «содрать» с президента Буша за нейтральную позицию Советского Союза, ибо валютные поступления — главное, что ныне интересует Горбачева. Именно это он обещал своей партии. Однако такая растущая военная рукаводства совсем его не радует. Беспокоество генсека раздает и Крючков. В армии, благодаря предательской деятельности группы «Щит» и ряда народных депутатов — агентов ЦРУ — падает авторитет политорганов и парторганизаций, а вместе с тем и дисциплина. Безусловно, необходимо создать параллельную структуру вооруженных сил, независимую от министерства обороны и способную нейтрализовать

любые неожиданности, которые может преподнести армия. Крючков предлагает перевести в подчинение КГБ три воздушных-десантные и две танковые дивизии. Подобные меры приняты, наряду с уже находившимися в подчинении КГБ сухопутными, морскими и воздушными частями погранвойск, многочисленными отрядами спецназа и подчиненными Пуго внутренними войсками и милицией, создадут надежный протинионсе армии. «Может быть, информируем Верховный Совет?» — произносит Горбачев, подписывая необходимые распоряжения. Президентские ушмешки играют на лице Крюčkова и его заместителей. Лукьянов еще не до конца выдрессировал депутатов, чтобы им можно было доверять подобную информацию, которая неизбежно тут же попадет к противнику. Кого имел в виду шеф КГБ под словом «противник», он не уточнял. Впрочем, никто уточнения не требовал. Противник был хорошо известен. Более семидесяти лет он вызывал панический страх своей многочисленностью и ненавистью. Именно он заставлял огромную военно-карательную машину действовать в условиях постоянной конспирации, бесстыдно лгать, изрыть все крупные города системами подземных ходов на случай непредвиденного бегства, держать вертолеты на крышах официальных зданий и заграничные пасторты в сейфах. Против этого противника вели все виды войн. Войну на истребление — подвергая его массовому уничтожению, войну электронную, тратя миллиарды на глупилки, войну психологическую, оболванивая его всеми возможными способами, войну биологическую, вызывая мутацию продуманными рецептами «бормотух» и продовольствия, и даже ядерную с химической, как показал опыт Чернобыля и Киришей. А противник все не сдавался. Пять лет уже бурлили огромный концлагерь, занимающий шестую часть суши с 300 миллионами то ли заключенных, то ли военнопленных... Опасения Крюčkова были не напрасны. Как ни старался член Политбюро ЦК КПСС Анатолий Лукьянов, протасенный Горбачевым на пост председателя парламента (а именно это слово употреблялось все чаще), в Верховном Совете, пусть редко и слабо, но еще звучали голоса протестующих и требующих разьянений. Кто санкционировал более чем страшные передвижения крупных воинских контингентов в Прибалтику, в Закавказье и в Молдову? Что делал генерал Макашов в Ираке? Почему Витебская десантная дивизия переподчинена КГБ? Почему не расселяются отравленные Чернобылем села Украины и Белоруссии? Слабые голоса топают в рыке воинственных полковников, визге «народных учителей» и в завываниях «акынов». Меняется и тон само-

го Горбачева. В его лексикон прочно входит определение «так называемые демократы», которых президент открыто обвиняет в развале страны и в параличе экономики. Верный Лукьянов во всем смотрит на депутатов, умело пресекая любые попытки неповиновения. Куда-то исчезли Шеварднадзе, Бакатин, Петраков и Шаталин. Затравлен экономист Явлинский вместе со своей программой выхода из экономического кризиса. На экранах телевизоров все чаще появляются Крючков, Пуго, Язов, Янаев и Зюганов с Дзасоховым. Резжут слух уже почти позабытые формулировки: «Превышение члена Политбюро ЦК КПСС товарища Зюганова в...» В подобной обстановке взоры измученного народа все более и более устремляются к мощной фигуре Бориса Ельцина. Бывший первый секретарь одного из крупнейших обкомов — Свердловского — Ельцин на заре перестройки был вызван Горбачевым в Москву, включен в Политбюро и назначен первым секретарем МК с фалстастической задачей реформировать партию в лице ее боевого авангарда — московского горкома, разжиревшего до полной бесформенности на воровстве и взятках. О бывшем шефе МГК Гриншине ходили легенды как об Гарун-аль-Рашиде. Приняв порученное ему дело за чистую монету, Ельцин начал с того, что позакрывал горкомовские спецраспределители, посадил аппаратчиков на зарплату, назначил ряд финансовых расследований и стал преследовать тех, у кого обнаружилось более трех дач и пяти автомобилей. Эти действия совпали по времени с сенсационными разоблачениями следственной группы Гудяна и Иванова, раскрывшей хищения государственной собственности в таких масштабах, что вся страна стала копаться в справочниках, вспоминая, какая цифра идет после миллиарда. Из полуфеодалов среднеазиатских республик следы преступников явно вели в Кремль. В печати замелькали фамилии партийных вельмож вроде Лигачева, Соломенцева и Чебрикова. Следственную группу немедленно разогнали, а московские аппаратчики взбунтовались против своего первого секретаря. На XIX партконференции Ельцина со скандалом выгнали со всех партийных постов и запрятали куда-то на должность замминистра по строительству. Однако даже не подтвержденные слухи о том, что он пытался закрыть спецраспределители и нескрываемая ненависть со стороны партийной верхушки создали ему такую популярность, что на выборах народных депутатов Ельцин набрал огромное количество голосов, а несколько позднее буквально пробился в яростной борьбе с лидером РКП Иваном Полозовым на пост Председателя Верховного Совета России. Ельцин не-

медленно вышел из КПСС, увеличив свою популярность еще больше, хотя со всех сторон был обложен хищными и беспринципными партийными функционерами, пробившими к нему посты его заместителей. Все это происходило под аккомпанемент самого грязного шельмования Ельцина всеми партийными газетами от «Правды» до журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Центральная «Правда» поведала читателям, что Ельцин, как и всякий русский человек, является пьяницей, пьет непрерывно с утра до вечера, а во время недавнего визита в США в состоянии смертельного опьянения даже выступал по телевидению. Видимо боясь, что подобное заявление, не дай Бог, еще больше увеличит популярность Ельцина, журнал «Молодая гвардия», редактору которого Анатолию Иванову позавидовал бы и сам Юлиус Штрейхер, не будучи он повешен в Нюрнберге, помещает целое «научное» исследование, доказывая, что фамилия Ельцин не более, чем сознательно измененная еврейская фамилия Эльцер... Как председатель Верховного Совета России Ельцин фактически не имеет реальной власти. Добрую половину депутатов составляет так называемая группа «Коммунисты России» во главе с Иваном Полозовым. К ним примыкает группа «Россины» — провинцисты, возмущаемые молодым, нахальным авантюристом Сергеем Бабуриным. Демократы весьма настороженно присматриваются к Ельцину, не забывая его обкомовское прошлое. Совсем недавно демократическая Россия проводила в последний путь свое знамя — великого русского гуманиста академика Андрея Сахарова, безвременно умершего от издевательства и пыток в застенках КГБ. Сейчас они разобщены, лишь изредка выступают единым фронтом против положковцев. Но положительной программы у них нет. Нет и общепризнанного лидера. А между тем обстановка становится все более напряженной. Огненные зигзаги, пройденные через Алма-Ату, Фергану, Душанбе, Ереван, Тбилиси, Баку, Кишинев, перемещаются на север. Прибалтийские республички упорно стремятся к независимости. Все тверже и тверже звучат голоса, требующие роспуска компартий и национализации партийной собственности. На защиту своей собственности партия вызывает войска, которые захватывают типографии, издательства и радиостанции. Десантники, под предлогом поиска дезертиров и уклоняющихся от воинской повинности, врываются в липовские дома, хватают литовских парней прямо с больничных коек. На демонстрации протеста устраиваются контрдемонстрации спешно созданных на партийные деньги «интерфронтов», требующих покончить с «экстремизмом и национализмом». В лексиконе

Горбачева появляется новое выражение «деструктивные элементы», с которыми будет вестись самая решительная борьба. 9 января 1991 года по каналам советской военной разведки и КГБ пришло экстренное сообщение: правительственные и военные структуры США заактивировали боевые средства связи и управления. Анализ агентурной и спутниковой информации убедительно показывал, что в понедельник 14 января американцы намерены начать боевые действия против Ирака. Несколько месяцев уговоров Садама Хусейна уйти из Кувейта не привели ни к чему. Багдадский диктатор становился все более воинственным, грозил Америке страшным ответным ударом и обещая на белом коне въехать в Иерусалим. На Лубянке царило радостное возбуждение: вскоре американцы, втянутые в жестокие кровопролитные бои, терпя унижительные поражения, потеряют свою мировую престиж и не смогут уже давить на СССР, ставя свою финансовую помощь в прямую зависимость от проведения демократических реформ в коммунистической империи. Они будут платить только за то, что мы не вмешиваемся в конфликт на стороне Хусейна. А пока настал час навести, наконец, порядок в стране. Начать решено было в Прибалтике — в ее двух наиболее горячих точках: Вильнюсе и Риге. Командующий Прибалтийским военным округом генерал-полковник Кузьмин, получив все указания из Министерства обороны, отнесся к затее без всякого энтузиазма. Он пытался выразить маршалу Язову, убеждая его «не подставлять армию». Пусть партия и КГБ разбираются сами. Договорились, что армии «окажет содействие» внутренним войскам и ОМОНу в наведении и поддержании порядка. Крючкову становилось ясно, что части Прибалтийского округа не слишком надежны и вовсе не горят желанием закрывать своими телами затеивающую партию в Вильнюс спецкоманду КГБ «Альфа» — отряд профессиональных убийц, созданный еще в андроповские времена и подчиненный наиболее секретному 7 управлению КГБ. Правда, командир «Альфы» полковник (позднее генерал) Карпухин с некоторой озабоченностью докладывал Крючкову, что общее «разложение» общества коснулось и его людей. Дисциплинированно выполняемые работы, запрограммированные только на «выполнение задачи», стали последнее время задавать своему командиру вопросы, наличие которых «программой» не предусматривалось. В частности, среди вопросов были и такие позорные, как вопросы «о низкой зарплате» и «отсутствие жилья». Крючков пропустил мимо ушей слова Карпу-

хина — «Альфа» недавно вернулась с юга, где парни проявили себя прекрасно, убивая всех, кого было приказано убить. Партия, самая трусливая из правящей триады (партия — КГБ — армия), в последний момент испугалась действовать открыто. В Вильнюс и Ригу со Старой площади полетели шифrogramмы в адрес местных первых секретарей ЦК Бурожкивчюса и Рубикса спешно сформировать «Комитеты национального спасения», которые должны быть анонимными и действовать от лица «трудищихся» с задачей захвата власти в республиках после разгрома ненавистных народных фронтов. Напрасно Крючков и начальник Главного Политуправления Вооруженных сил генерал-полковник Николай Шляга, в недавнем прошлом руководивший работником секретариата ЦК, брошенный в ГлавПУР «для усиления кадров», пытались убедить перетрусивших вождей действовать открыто, а не скрываться, подобно террористической организации, под масками анонимных комитетов. ЦК было непереклонным, поскольку обстановка была, мягко говоря, весьма деликатной; с тех пор как в Прибалтийских республиках к власти пришли Народные фронты, а компартии потеряли практически все влияние, именно этот регион привлекал внимание ЦК, поскольку там было очень трудно организовать беспорядки. Слишком высок был уровень почти европейской цивилизации. В отличие от других союзных республик, где уже во время перестройки почти повсеместно пролилась кровь (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Армения, Грузия, Белоруссия), где совершались погромы, погромы, убийства, террористические акции, в Прибалтике за все время существования новой власти не было ни одной жертвы, ни крупных беспорядков, ни погромов. Оснований для силового вмешательства, как ни крути, просто не было. Но и терпеть все эти безобразия дальше не было никакой возможности. Причем, речь уже шла не только о Прибалтике, но и о всей стране. Близость Литвы к Европе позволяла спровоцировать реакцию Запада, глупость и гуманизм которого пока позволял беспрепятственно получать валюту, оседающую на партийных счетах. После падения цен на нефть партия не брезговала никакими средствами для получения валюты, участвуя активно даже в мировом наркобизнесе через тоннажи фиделя Кастро. Все богатства огромной страны были «экспропрированы» загребущими лапами КПС(С). Правда, и расходы предстояли немалые. Товарищ Силим Хусейн, например, потребовал за свои услуги три миллиона долларов. Собирали секретариат, заслушали товарищей Лисихова и Шенина, постановили: удовлетворить.

На товарища Садама сейчас много надежды. Доверие ему оказано большое. Могло ли быть такое решение принято без ведома Генерального секретаря в партии, организованной по образцу ордена «меченосцев», зажатой жесточайшими связями железной дисциплины? Не поддавайтесь на соблазн простых ответов... 11 января группа «Альфа», передождая в форму вытрезненных войск, прибыла на военный аэродром под Вильнюсом. Карпухин объявил задачу: необходимо захватить телецентр, а затем здание парламента. Надо было, конечно, обе акции проводить одновременно, но не хотелось дробить силы. Генерал-полковник Кузьмин согласился только содействовать, а затем взять «объекты» под охрану, но участвовать в вооруженных акциях он войскам разрешения не даст. Кроме того, у него нет никакого конкретного приказа от министра обороны на применение оружия. Ладно, чисто-ли, содействуйте. Обойдемся без вас. Карпухин предупреждает своих людей, что здания телецентра и парламента оцеплены вооруженными «боевиками «Саюдиаса». Надо их убить как можно больше по бакинскому варианту. Карпухин не видит никакого восторга на лицах вымуштрованных исполнителей. Мало того, происходит совершенно неслыханная вещь: лейтенант Шацких решительно отказывается принимать участие в акции, связанной с убийством людей. Тако-го еще не бывало за всю историю существования группы «Альфа», хотя мудрые инструкции предусматривали возможность и такого события, естественно считая «расстрел на месте» единственным выходом из подобной ситуации. Что и было немедленно сделано. В душе Карпухин даже был доволен: труп лейтенанта Шацких было решено подкинуть к зданию телецентра в качестве доказательства существования «вооруженных боевиков». Завернутый в брезент труп мужественного офицера грузили в машину. Перепутанный представитель военного округа — генерал ВДВ Сергей случайно увидел эту картину и спросил Карпухина: «У вас груз-200?» Тот ничего не ответил и сел в машину... * Ночью

* Кровавые события в Вильнюсе, помимо всего прочего, продемонстрировали весьма низкий профессионализм участников провокации. Полностью отсутствовала радиодисциплина. На каналах УКВ открыто перешваривались безответственные и откровенно пьяные армейские начальники, даже не подозревая, что их прослушивают и записывают на пленку. «Альфу» называли: «полосатенькими, что вперед», «те, что вперед», «те, что штурмовали здание», «те, что из Москвы прилетели». Прием всем тут же распространяли, что они везут «груз-200», как на армейском сленге называют труп. Командиры подразделений не понимали друг друга и перешаривали: «Полосатенькие? Это чекисты из Москвы?» «Груз-200? Что за груз?» «Ну вспомни Афганистан. Черные топыланы. Понял?» «Покой-

13 января группа «Альфа», убив 13 человек и ранив более ста, захватила здание телецентра в Вильнюсе. Их действия подерживал армейский танк, который стоял вблизи здания, грозно крутя башней с заданным вверх орудием, но активного участия в событиях не принимал, если не считать одного заданного им человека. Передав охрану телецентра десантникам, «Альфа» кинулась к парламентам, где ее ждал скрипис и весьма неприятный. Здание парламента по приказу президента Литвы Ландсбергиса окружили десятки тысяч людей. Становилось ясно, что без армии здесь не справиться. Армейские танки и бронетранспортеры шли по ночным улицам литовской столицы, паля для устрашения холостыми из орудий, но никаких других действий предпринимать не желали. Карпухин бросился к коменданту города, прося батальон десантников. Доведенный уже до истерики генерал-полковник Кузьмин просто заорал на коменданта, требуя немедленно убрать боевую технику с улиц города, даже не услышав о просьбе представителя Лубянки. Операция провалилась. В Риге уже не решились на подобные действия. Была sporadическая стрельба на улицах, но не более того. И в довершение всего оскандальглась в очередной раз советская разведка, клонув на подопуемую американцами дезинформацию: военные действия в Ираке не начались 14 января. Военные действия не начались, но начался грандиозный скандал. На срочном собрании Верховным Советом был задан конкретный вопрос: кто дал приказ открыть огонь в Вильнюсе? Растерявшийся маршал Язов мамлил что-то совершенно невнятное об уставе караульной службы. Борис Путо был более откровенен, заявив, что «Комитет национального спасения» Литвы направил в Верховный Совет республике группу из ста человек с требованием прекратить антисоветские теле- и радиопередачи. Их отказались слушать и даже избili. «Сторонники зловровых сил и народные дружинники, — продолжал вещать Путо с трибуны Верховного Совета, — пытались у здания радио и телевидения пресечь клеветническую кампанию, но охранники встре-

ник что ли? А откуда он у них?» и т. п. Труп лейтенанта Шацких был обнаружен среди убитых у здания телецентра. Никто вначале не знал даже — солдат он или офицер, десантник или из внутренних войск. И ВДВ, и ВВ хором публично клялись, что у них никто не погибал. Поскольку «Альфа» кидила на дела не как государственная структура, а как банда террористов, никаких документов или других признаков идентификации на трупе обнаружено не было. Фотография убитого была помещена в газетах — и, что значит гласность, почти сразу установили, что он офицер КГБ. Труп нечестного лейтенанта был отправлен в Москву, где и похоронен в присутствии чиновника из отдела кадров с Лубянки.

тили их палками и кастетами. Тогда «Комитет национально-го спасения» обратился за помощью к командиру гарнизона Советской Армии в Вильнюсе, и он отдал приказ направить воинский контингент с танками и бронетранспортерами. Со стороны представителей «Саюдиса» началась стрельба. Был убит один военнослужащий... После этого воинские формирования открыли стрельбу вверх, потом на поражение. В результате убиты 13 человек... 163 человека обратились за медицинской помощью. Внутренние войска взяли под охрану радио- и телецентр... Ни президент СССР, ни кто-либо из центра руководства страны не давал распоряжений о применении армейских подразделений в Вильнюсе. Это инициатива командира гарнизона, выполнившего просьбу «Комитета национального спасения». «Однако, — закончил свое яркое выступление министр внутренних дел, — вооруженные силы действовали правомерно». Это уже была чистая «подлянка», подставляющая армию. Уже тогда многие из слышавших речь Путо генералов начали делать правильные выводы, какие планы имеются у «родной партии» относительно самой большой армии в мире. Командующий гарнизоном Вильнюса пригласил журналистов и твердо заявил, что подчиненные ему подразделения не только не открывали огня, но и не имели боевых патронов, ибо на выдачу боевых патронов необходимо санкция министра обороны. Никто ему тогда не поверил, но вопросы посыпались один за другим. Что это за анонимные комитеты национального спасения, имеющие право вызывать войска из-за того, что им не нравятся теле-редации? Имеют ли право только коммунисты вызывать армию или армии откликнется на призыв и других политических партий? Что за лица входят в комитет? Вызванный на заседание Верховного Совета президент-генсек Горбачев был на даче и не знал ничего. Тогда вопрос был поставлен так: если президент знал, а значит разрешил, то он преступник, если же не знал, то он не президент, если может позволить вооруженным силам страны откликаться на призыв каких-то анонимных «комитетчиков» и заниматься подобной самодеятельностью. Многие уже забыли, что президент еще и генсек... Пока мировая и наша общественность требовала отчета о случившемся побоище в Вильнюсе, в ночь с 16 на 17 января американская авиация нанесла первый удар по товарщицу Саддаму Хусейну. Это немного оттягло от внутренних скандалов, тем более что прогнозы генералов о неминуемом поражении США уже обошли почти все советские газеты, как правого так и левого толка. Но уже первые дни войны показали, что непобедимый маршал Саддам Хусейн не в со-

стоянии оказать американцам ни малейшего сопротивления. (И был разгромлен вырезбегти настолько быстро и с такими непоправимыми потерями со стороны сил союзной коалиции, что и СССР наступило тягостное молчание. Все помнили, что пракскую армию готовили советские военные специалисты и что она была вооружена нашим оружием. Военная инспекция оказалась несоответственной даже на своем самом любимом поприще. Встал вопрос, что за оружие кует наш могучий ВПК, если оно в реальных условиях или вообще не стреляет, или стреляет, но не попадает. В генеральном штабе прятали в сейфы совершенно секретные сводки, докладывающие с тревогой о том, что когда американцы в далеком Персидском заливе включили на боевой режим свои средства радиопротиводействия, оказались «забитыми» все средства связи, контроля и управления кавказского и причерноморского округов. Но этим уже заниматься было некогда. События в стране развивались со стремительностью падающего на землю самолета с отказавшими двигателями. 19 февраля Ельцин, пробившись после долгих усилий на экраны телевизоров, не тратя время на выбор выражений, открыто называет врагами все центральное руководство, призывает народ податься на борьбу. Он объявляет о своем полном недоверии к Горбачеву и призывает его немедленно уйти в отставку и назначить общенародные выборы нового президента. Реакция не замедлила. Шесть партийных функционеров, занимавших посты заместителей Ельцина на посту председателя Верховного Совета, выступают с заявлением, несильно ущемив Ельцина. Вышедший прокурор Светлана Горячева честными фразами, составленными в стиле лучших образцов партийных доносов, промолгало требует призвать Ельцина к ответу и объявить ему недоверие как Председателю Верховного совета России. Из семи заместителей Ельцина только Руслан Хабдулатов не подписал этого заявления, но и его позиция пока недостаточно ясна. Но призыв Ельцина был услышан. Демократы, позавыв прежние подопечные и собственные распри, решили сплотиться вокруг него. Шахтеры Вюрккуты, Донбасса и Кузбасса грозят начать политическую забастовку в случае отречения Ельцина. Но сначала Крючкова в дело вступает новый премьер Павлов, развивая против народа финансовый террор, извечный предшественник террора политического. Народ — это бедняга — надо поставить на место. Он ни о чем не должен думать, кроме как о куске хлеба. Достигнув полной внезапности, как союзная авиация в Персидском заливе, Павлов объявляет о замене сторулевых и пятидесятирублевых

купюр на новые, давая два дня на обмен. Нищие люди, сжимая свои последние гроши, бросаются к сберкассам. По всей стране образуются длинные, страшные очереди, где люди падают в обморок и умирают от инфарктов. Мотивировка, разработанная в КГБ гласит, что западные банкиры, набрав огромное количество старых сторублевков, готовились скупить весь Советский Союз. Но такого не додумался бы и сам Ленин, будь он жив. Западные банки, кормящие уже пять лет Советский Союз, с возмущением требуют объяснений от Горбачева. Улыбающийся президент успокаивает банкиров, говоря, что «слово премьера не следует понимать обобщенно». Между тем Павлов делает следующий шаг, вздувая все цены в среднем в четыре — пять раз. В один миг нищими становятся почти все граждане, поскольку предусмотрительный премьер принимает меры, чтобы заморозить зарплату. Хотя всем ясно, что повышение цен не имеет под собой никакой экономической подоплеку, а используется в качестве средства террора против распоясавшегося народа, премьер, гнусно улыбаясь с телевизионных экранов, объясняет населению, что расчет, произведенный аппаратом минфина, показывает, что вполне можно прожить на 140 рублей. Вводятся новые налоги и таможенные правила, губя на корню малые предприятия и первые ростки частного бизнеса. Партия выпила из окопов. Увы, семидесятилетние монополии не встать, линия КПСС каких-либо навыков конкурентной политической борьбы. Партии просто нечего сказать народу, а переходить на обычные марксистско-ленинские заклинания и завывания уже нельзя. Остается только то, что партия всегда умела делать прекрасно — наносить неожиданные и страшные удары по народу. В разгаре всех этих событий собирается III внеочередной съезд народных депутатов России, созданный коммунистами с целью свержения Ельцина. Страх перед собственным народом, никогда не покидавший коммунистов, на этот раз их сильно подводит. Перепутанные, они от лица своих депутатов просят ввести в Москву войска, чтобы обеспечить их охрану (от кого?) и не допустить митингов. Колонны БТРов оцепляют парламент. Депутаты проходят в зал между шеренгами солдат в касках и бронжилетах, с автоматами, дубинками и щитами. В ответ на это десятки тысяч людей выходят на улицы Москвы, объявляя о своей солидарности с Ельциным и демократами. Шахтеры начинают политическую забастовку, требуя ухода в отставку союзного правительства во главе с Горбачевым и Павловым. Проведенный правительством референдум «О единстве Союза» объявляется

журльническим и не имеющим силы. В результате на съезде иппившие в панику коммунисты не только не осмеливаются поднять вопрос о недоверии к Ельцину, но по призыву своего интриганного «вождя» Поздкова послушно голосуют за предоставление Ельцину дополнительных полномочий и описания президентского правления в России. Выборы президента — первого свободно избранного президента в тысячелетней истории России — назначаются на 12 июня 1991 года. Экономический паралич страны, политические бон и шахтерские забастовки очень способствуют умело распускаемым слухам о возможном военном перевороте. Недавние события в Вильнюсе и Москве заставляют в эти слухи верить. Армия заблаговременно снова поддается под удар общественного мнения, совершенно не понимающего истинного положения вооруженных сил, зажатых между особыми и политическими отделами ЧК и КПСС. Провокатор Алкснис, давая интервью чехословацким журналистам, со свойственной ему наглостью, открыто излагает якобы собственную позицию. Путь из кризиса в СССР поковник Алкснис видит в использовании чрезвычайных мер, конкретно — в создании комитета общественного спасения. «В стране есть силы, — утверждает он, — способные объявить чрезвычайное положение: МВД, КГБ и армия. Армия будет играть главную роль, первую скрипку». «Ряд политических партий, — разъясняет Алкснис мечту ЦК КПСС, — уйдет при этом в подполье и начнет негегальную деятельность, против чего придется принимать «законные меры». Поковник подтверждает журналистам свои ранее сказанные слова о том, что комитеты национального спасения в Прибалтике были созданы по инициативе Горбачева, который, затем трусливо от них отказавшись, потерял право на свой пост... В стране продолжает литься кровь. Война в Закавказье начинает принимать все зловещие формы второго Афганистана. Войска внутренней службы Бориса Пуго и отряды ОМОНа обрушивают на армянские села огонь реактивных минометов, обстреливают их с воздуха, дают танками. Солдаты жгут деревни, убивают и куда-то уномят жителей. Армянские партизаны совершают ответные налеты, убивая военнослужащих и захватывая их в плен. Распорожение Ельцина, принятое после событий в Вильнюсе и говорящее о том, что военным служачиц, призванные на территории России, не могут использоваться в межнациональных конфликтах, никто не собираетсч выполнять. Русские мальчишки продолжают проливатьсяю и чужую кровь во имя кувшинорых аппаратушков со старой площади. В Прибалтике бесчинствует ОМОН.

Горят таможенные посты, безоружные люди лежат лицом вниз на асфальте под дулами автоматов, гибнут журналисты и полицейские. Телепортёр Невзоров, ободренный змеиными улыбкаами первого секретаря обкома Бориса Гидасова, прославляет распосясавшихся банитов, подстрекая их на новые бесчинства. В Москве первый секретарь МГК Прокофьев организует на предпринятых столыци цикл лекций, разъясняющих трудящимся, что слова демократия и сионизм являются синонимами. В это же время не дремлющий Крючков вносит в Верховный Совет СССР проект нового закона о КГБ, предоставляющий его ведомству такие детальные права, о которых тайная политическая полиция не смела мечтать даже во времена забытого Лаврентия Павловича. Лукьяновский парламент почти без возражений проштамповывает новый закон. Сам Крючков неожиданно оказывается в эпицентре вслыхнувшего политического скандала. В кабинете Ельцина обнаруживается подслушивающая аппаратура. Привыкший рубить списки Ельцин приказывает вскрыть смежные с его кабинетом секретные помещения КГБ и демонстрирует аппаратуру журналистам. Крючков не моргнув глазом объявляет все это «тнусной клеветой» — аппаратура не подслушивала, а «информационной защиты». После этого дело быстро похоронили в какой-то очередной депутатской комиссии. Крючкову некогда заниматься подобными мелочами. Его ведомство охвачено мощным творческим порывом. Неблаготворные скотки, которых вели к светлому будущему, елиником сильно покомичили о себе. Придется их пропустить, через еще одну масоробку массового протестарского террора, чтобы еще на сто лет отбить охоту вопить на митингах, ставя под сомнение священное право КПСС править ими — рабами по духу, рабами по уровню жизни, рабами по рождению. Однако под такое мероприятие как массовый террор необходимо привести известную идеологическую базу, понятную всем. Былое определение «враг народа», несмотря на свою гениальную простоту и доходчивость, сегодня уже несколько устарело и потеряло от частого употребления былую остроту. Секретно политический отдел КГБ любозно оттачивает и передает на утверждение Крючкову новый «ярлык» — «агент влияния». Крючков в восторге. Это как раз то, что нужно. Если говорить честно, то это блестящее определение государственных преступников не является совершенно новым. Еще в 1977 году Андронов, вечно страдающий от того, что в стране невозможно установить дисциплину без ясного осознания каждым своей преступной деятельности и вытекающих отсюда последствий, прика-

чили подготовить документ с весьма поучительным заголовком «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан». «Агентом влияния, разъяснял документ, мог оказаться каждый советский гражданин, который вольно или невольно своей деятельностью или поведением способствует распространению влияния западной идеологии или образа жизни в Советском Союзе. Другими словами, посадить можно было любого, кто, скажем, ходил в американской футболке, влияя на всех остальных тем, что в СССР такие футболки не выпускаются. Захватив в 1982 году власть, Андронов, втннутый в водоворот смертельных кремлевских игр, сплнул в этом водовороте, так и не успев дать этому документу ход. Теперь он, слегка переработанный, чтобы соответствовать духу времени, лежал на столе Крюčkова, готовый к действию. Задуманное мероприятие требовало подготовки, на которую уже не хватало времени, следомого митингами и рабочими забастовками. На ряде заводов был спешно размещен заказ на срочное производство 250 тысяч наручников. С большим трудом и путем блестяще проинженерной дезинформации необходимый для этого металл удалось получить у Министерства сельского хозяйства. Тысячи тонн бумаги, изытой в основном из партийных записок, завезены в ведомственные типографии, где в сотнях тысяч экземпляров печатаются новые ордера на арест, бланки протоколов обысков и допросов, бланки на депортацию, постановления на высылку, распоряжения на создание трибуналов. Тайно вывезенные из Америки компьютерные системы уже начали распечатку списков, подлежащих уничтожению, аресту, интернированию, депортации, высылке, задержанию. Не хватает бумаги и времени для составления полных списков. Поэтому многие циркулярные и директивные документы имеют общий характер: «Всех выступлений и публикаций, всех членов партий демократическая Россия, демократический Союз, всех депутатов межрегиональной группы, всех, ранее отбывавших наказание по ст. 70 и 79и прим... Всех советских граждан, работающих на различные радиостанции и другие средства массовой информации, всех дававших интервью западным средствам массовой информации и негативных к существующему строю аспектах, всех членов стачкомов...» ВСЕХ! В лагерные комиссии Морозов и Нерман лепят секретное указание подгонять к приему «контингента». Из всех тюрем и следственных изоляторов затребованы справки о количестве посаженных мест «при максимальном наполнении». Дыматься компьютеры, гнущая от перегрузки линии закрытой связи... Пока

на Лубянке трудятся в поте лица, президент-генсек перестает вообще появляться в Кремле, деля свое время между поездками за границу и пребыванием в своей загородной резиденции на подмосковном курорте в Ново-Огарево. Все крепче Горбачева сжимают шупальца партии, КГБ, военнопromышленного комплекса и армии. Очулавшись от шока, вызванного результатами войны в Персидском заливе, генералы требуют денег на новый виток гонки вооружений для достижения утраченного паритета с Америкой. Им вторит Военно-промышленный комплекс. Родная партия близка к истерике из-за отсутствия твердой валюты. Их можно полагать — одно хорошее сафари в Кении стоит 50 тысяч долларов, а не очень шикарный особняк на Лазурном побережье тянет почти на миллион. Товарищи Шенин, Дзасохов и Ивашко вкупе с генералами Штыгой и Овчинниковым из ГлавПУРа с тревогой отмечают падение влияния армейских парторганизаций, деморализованных постоянными слухами о департизации, деполитизации государственных структур и прочим вздором, распространяемым безответственными средствами массовой информации. Принимается решение о создании еще невиданного органа — Всееармейского комитета. В присутствии президента-генсека собирается Первая Всееармейская партконференция, единогласно принимающая решение о создании Суперпарткома. Горбачев сидит в огромном зале среди партаппаратчиков, напыщенных военной формой, украшенную высшими военными знаками и кодами боевых орден, полученных непонятными способами. Секретарем Всееармейского парткома назначается (выбирается?) генерал-лейтенант Михаил Суруков — член Политбюро ЦК КПСС. Ему ставится главная задача: во взаимодействии с особыми отделами искоренить всякое инакомыслие в вооруженных силах на основе высокой партийности. Президент одобряет эти «совершенно своевременные меры», но весь занят своей главной задачей — добиться новых кредитов для своего ненасытного трехглавого дракона, чтобы тот не сожрал его самого. По дипломатическим каналам он начинает зондировать почву своего участия в предстоящей встрече глав правительств семи ведущих западных стран. Такого еще не бывало. На Западе реагируют сдержанно и удивленно. Зачем? Всем, впрочем, ясно зачем: будет снова просить денег. Недавно, не поставив в известность ни Верховный Совет, ни руководство России, Горбачев дал команду продать на Запад 300 тонн золотого запаса. На какие нужды? Информации просочилась, но ее объявили клеветнической. Министр Внешних Экономических связей Катусhev — старый парт-

аппаратчик, уделавший еще с раннебрежневских времен — и телеинтервью категорически опровергает «все измышления» по поводу продажи золота. А что он может еще сказать? Сразу после его интервью на экране светятся буквы бесчисленных отчаянных призывов: «Помогите собрать 10000 долларов, чтобы спасти детей, спасти парней, искалеченных в Афганистане...» и до бесконечности... На таком фоне в России проходит первая в ее истории избирательная кампания по выборам президента. Единным строем против ренегата — Ельцина — выступают все партийные структуры. Целая шерenga партийных кандидатов на этот пост брошена партией и бой с единственной задачей отобрать нужные Ельцину голоса и сорвать выборы. Но Ельцин, одержавший уже несколько крупных побед в Российском Верховном Совете, слыша ободряющий гул рабочих забастовок, держится твердо и с достоинством. В качестве вице-президента он неожиданно предлагает довольно уже известное в стране полковника Александра Руцкого. В прошлом боевой пилот, дважды сбитый в Афганистане (первый раз — партизанским «Стингером», второй — пакистанским истребителем), последний предсмертный туман реанимационных палат и унижение плена, Руцкий прикинул к полковниковской банде. Однако быстро разобравшись, что ему совсем не место среди свирепых рыл первых и вторых секретарей комитетов КПСС, составивших костяк полковниковской партии, Руцкий, лично совершив левый разворот, сколотил собственную депутатскую группу, дав ей совершенно сказочное название «Коммунисты за демократию». Группа «Коммунисты России» оказалась расколотой; перетрусивший Полозков, дав сигнал к отступлению, закончил тем самым свою политическую карьеру. Ельцин не забыл этой услуги, оказанной в трудные времена Высочайшего совета, и предложил Руцкому идти вместе и дальше. Тот согласился. Таким образом сформирован и боевой. Главным в предвыборной программе был пункт о немедленной департизации всех государственных и военных структур на территории России. На Старой площади понимали, что это отнюдь не шутка, и мобилизовали все силы и средства, чтобы Ельцин президентом не стал. Но, увы, к этому времени изолировавшаяся и заворовавшаяся партия не имела ни одного кандидата, который мог бы серьезно противостоять Ельцину. В бой против Ельцина был брошен Рыжков — бывший премьер, уже показавший свою полную несостоятельность в качестве руководителя. «Забыв» о недавнем инфаркте, он выдвинул свою кандидатуру, а пост бывшего вице-президента предложил генералу Борису

Громову, восседавшему на должности заместителя Пуго. Вторым противником Ельцина, неожиданно для многих, оказался генерал Макашов, собиравшийся совсем недавно разогнать советы всех уровней. Не покупавшись на заглавие ее «Либеральной-демократической» партии, Численность новой «партии» не знал никто, но ее лидер Владимир Жириновский сразу привлек к себе внимание талантом незаурядного клоуна. Собирая митинги по всей стране, он общается отобрать у туток Дарданеллы, вернуть Финляндию в лоно России, учредить губернии и ликвидировать само понятие «Прибалтийские республики». А равно резко понизить цены на водку. Весь этот бред, по крайней мере, излагал с жаром по всем правилам жанра клоунады. Слушатели хочут до слез, задают вопросы, аллюдируют. А что может сказать слушателям Рыжков? Он что-то мамлит о «немеркнущих ценностях социализма», путается в показанных относительно собственности дач. На вопросы о здоровье (все помнят инфаркт) отвечает уклончиво, мол, сейчас ничего, а там посмотрим. Сразу же проигрывается ситуация: став президентом, Рыжков немедленно уйдет в отставку «по состоянию здоровья» и президентом станет генерал Громов. Это уже страшно. Громов говорить не горазд. Он волком смотрит на избирателей, прищурившись, как через прищип. Рубленные фразы о порядке, дисциплине и повышении производительности труда уже только путают. Настораживает и то, что вся номенклатура высшего уровня от Горбачева до председателя комиссии по парламентской этике профессора Денисова, усиленно агитируют за Рыжкова. Оторванные от жизни, они не понимают, что своей поддержкой отнимают у бывшего премьера последние шансы. А программа генерала Макашова с превращением России в огромный танкодром, где демократы и космополиты будут копать окопы, вызывает хохот. Нежность Невзорова, сообщившего о том, что Макашов горел в танке, заставила журналистов внимательно взглянуть в лицо генерала, но они не обнаружили ничего, кроме сходства Макашова с Гитлером. «Нынешнее поколение,— передавал в те дни из Москвы корреспондент радио «Свобода» Дмитрий Волчек,— поставленное перед выбором между казармой и бардаком, безоговорочно выбирает бардак...» 12 июня Ельцин уверенно побеждает в первом же туре выборов и становится первым в истории Президентом России. В тот же день проводились выборы мэров Москвы и Ленинграда. К руководству столицами пришли соратники Ельцина: Гавриил Попов и Анатолий Собчак. КПСС потер-

пела полное сокрушительное поражение, но не сдается. На жарких телеэкранов возникает искаженное ненавистью лицо легионерского обкомовского идеолога Бегова. Кура сипа-рету та сигаретой, срывающимся от злости голосом он предлаживает, что любая попытка протянуть руку к партийной собственности приведет к гражданской войне. Они еще уверены, что кто-то пойдет воевать за то, чтобы они спокойно продолжали пьянствовать за глупыми заборами своих особняков... «Свободные выборы победили социалистический выбор!» — ликует демократическая пресса и совершенно напрасно. Ничего не изменилось. 13 июня газеты публикуют заключение Прокуратуры СССР по поводу кровавых январских событий в Вильнюсе. Генеральный прокурор СССР Трубин, подводя итог событиям 13 января, приходит к тому же выводу, к которому его высокое правоохранительное учреждение приходило и ранее, разбирая обстоятельное трагедии в Новочеркасске в июне 1962 и боины в Тбилиси в апреле 1989 года. Прокуратура считает, что «применение оружия против населения в Вильнюсе оправдано». Выводы сами побитые. Сами пострадавшие. Не надо было бунтовать, сопротивляться, толкать друг друга под танки... 14 июня на трибуну Верховного Совета СССР проывается Элла Паффигова — секретарь Комиссии Верховного Совета по вопросам приватизации и льгот. «Мы не первый раз рассматриваем недостатки и злоупотребления в Министерстве обороны,— заявляет она,— Первое слушание было посвящено дачам и заповедникам этого ведомства. Наша комиссия приняла постановление о нарушениях, допущенных Министерством обороны в их использовании, а Министерство финансов провело ревизию, которая подтвердила наши выводы. На последних слушаниях о злоупотреблениях транспортной авиацией фигурируют в основном уже знакомые нам по «личным делам» имена маршалов и генералов. Это те же люди, что раскупали по дешевке мебель с освобождаемых дач. Барство пышно расцвело среди генералитета. Оно и поднимает армию изнутри». Сидящие в зале многочисленные маршалы и генералы гневно сверкают глазами, возмущенно перешептываются. Последнее время их просто травят. Почему все комиссии прорываются именно к их дачам? Почему телевидение еще не показало ни одного сюжета, а комиссия по приватизации даже не заикалась о партийных дачах — гораздо более шикарных и дорогих? Почему Павлов, на которого они возлагали столько надежд, натравливает на них ревизоров из своей бывшей вотчины — Министерства финансов. Им ведомо, что родная партия, отвлекая ар-

мини роль сторожевого пса, дрессирует их по методике, разработанной для сторожевых собак. На ноги вскакивают представители группы «Союз» с воплями: «Не трогайте арmino!», «Не будоражьте народ!», «Прекратите очернительство!... Под шумок начавшегося скандала на трибуну поднимается премьер-министр Павлов. Спокойно и ненавязчиво он просит у Верховного Совета дополнительных полномочий и законодательных прав. Его дружно поддерживают Лукьянов и вышестоявшая им группа «Союз». Проснувшиеся депутаты недоумевают: зачем премьеру полномочия, которые уже имеет Президент? «Для введения чрезвычайных мер, — докладывает Павлов, — в промышленности мало кто возмражает, но многие не понимают — почему это должен делать Павлов, а не Горбачев? Анатолий Лукьянов прекращает полемичку и объявляет, что в понедельник, 17 июня, будет проведено закрытое заседание в Верховном Совете. Перед депутатами выступит Язов, Крючков и Пугач с докладами «О положении в стране»... 15 июня в продажу поступает отдельный отиск статьи маршала Сергея Ахромеева «Быть или не быть Советскому Союзу», ранее опубликованный газетой «Советская Россия» — рупором национал-большевизма. (В ходе предвыборной кампании «Советская Россия», ничего не говоря о программе Ельцина, требовала от будущего Президента России отчета: почему у его жены такое странное отчество — «Иосифовна».) Маршал Ахромеев, в прошлом начальник Генерального штаба, один из тех, кто подбил больного и вынужденного в детство Брежневна на афганскую авантюру, уверяет, что она не продлится более двух недель, ныне занимает пост военного советника президента Горбачева. Отмечая в своей статье, что мы жили и живем при самом прогрессивном строе и в самой справедливой политической системе, маршал уверяет, что все стоящие перед страной проблемы могли быть успешно преодолены, если бы не злокозненное вмешательство и подрывная работа империалистов, продажных демократов... Сейчас они сосредоточили огонь против последней опоры государственности и социализма — армии. Добейся они успеха — и государство развалится, страна окажется в империалистической кабале, народ в капиталистическом рабстве. Маршал, по его словам, обнаружил заговор, источающий смертельную угрозу Отечеству и, со свойственной ему солдацкой прямоотой, называет злейших врагов государства по именам: Ельцин, Попов, Собчак, Афанасев. Сферы деятельности врагов четко разделены. Ельцин сеет хаос в стране. Попов расчленил Советский Союз. Собчак громит КПСС. В заклю-

чение Ахромеев, с той же прямоотой, призывает: защитить армию от нападок и очернительства, бюджетных сокращений, разрушительной конверсии, легкомысленных договоров о выводе войск с зарубежных плацдармов, потери классовых ориентиров в определении стратегического противника. И, наконец, открытым текстом звучит уже не призыв, а почти приказ: опираясь на армию и другие здоровые силы общества, восстановить в стране старый порядок. Президент Горбачев никак не прокомментировал слова своего ближайшего советника, которого он совсем недавно делегировал в США как человека, имеющего полномочия говорить от имени Президента. 17 июня на трибуне Верховного Совета перед притихшими депутатами появляется сам Крючков. Идет закрытое заседание. Голос шефа КГБ звучит зловеще-спокойно: «ЦРУ США разрабатывает планы по активизации праждсбной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентов влияния из числа советских граждан, промывать их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политической, экономической и наукой Советского Союза... Одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства. Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи...» В зале гремят за кадрovou политикой в стране отвечала иници. Раньше за кадровую политикой в стране отвечала КПСС — и все было в порядке. А сейчас, оказывается, ЦРУ (не считаясь с затратами!), и огромная созидательная работа нашего народа, шедшего под предводительством партии от успеха к успеху, пошла насмарку. Куда же смотрит президент? «Мы пишем обо всем в наших документах Президенту», — подчеркивает Крючков, пожимая плечами и давая понять, что тот палец о палец не ударяет. «Полвека назад, — трагическим голосом продолжает Крючков, — началась война против Советского Союза — самая тяжелая война в истории наших народов. Вы, наверное, сейчас читаете в газетах о том, как разведчики информировали наше руководство о том, что делает противник, какая идет подготовка и что индией стране грозит война. Как вы знаете, тогда к этому не прислушались. Очень боюсь, что пройдет какое-то время

и истории будут копаться в сообщениях не только Комитета государственности, а и других наших ведомств и будут поразжаться тому, что мы многим вещам, очень серьезным, не придали должного значения... Скажу больше — есть прямые данные о разработке планов умиротворения и даже оккупации Советского Союза...» Притихшие парламентарии слушали шефа КГБ с разными чувствами. Многие еще помнят, как совсем недавно «всеведущий и всевидающий» Крючков «Разоблачил» западных хлеботорговцев, уже много лет в счет кредитов кормящих Советский Союз. По уверению шефа КГБ «они» продают нам за золотого зараженное, отравленное зерно. Разразился скандал, от Советской стороны требовали подтвердить или опровергнуть обвинение. В ответ Советский Союз хранил суровое молчание. Мы бедные, но гордые... Выступившие следом за Крючковым маршал Язов и министр Пуго, подчеркивали правильность выводов Крюčkова, предрекали национальную катастрофу и призывали к чрезвычайным мерам, проводя аналогии с беспечностью общества накануне 22 июня 1941 года. Становилось ясно, что конец партийного всевластия оказался для них даже страшнее кровавой грозы Великой Отечественной. То очевидное обстоятельство, что их система давно обанкротилась, обрешки великий народ на унижение и нищету, их насколько не волновало. Все беда от саботажников и ЦРУ, а также от порочной политики Президента. Речь Крюčkона считалась секретной, но КГБ сам же организмовал «утечку» информации, передав касету с речью своего шефа спящему прямому агенту Невзорову, а затем и редакторам некоторых, финансируемых их ведомством газет вроде «Пульса Тушино», «Народного слова» и «Русского Клича». Незавестно, какую цель ставил Крючков, организовывая «утечку» своей секретной речи, но политические обозреватели как в СССР, так и за границей увидели в ней прежде всего попытку компрометации курса Горбачева, что было весьма странно, если учесть, что и Крючков, и Язов, и Пуго были членами президентского совета безопасности. Главный редактор еженедельника «Новое Время» Александр Пумпянский в статье «Все ЦУ дает ЦРУ» высказал свое мнение весьма резко и открыто. «Глава такого сурово государственного ведомства, как КГБ,— подчеркивал Пумпянский,— не может бросать тень на главу государства... Во всем мире достоинства секретных служб лежат совсем в иной области. Там ценится умение добывать информацию и держать язык за зубами. И, конечно, абсолютная лояльность. Государственная безопасность — дело не политическое и не идеологическое, а профессиональное. Еще в 60-е,

70-е годы мы слышали об анализах и прогнозах ЦРУ. Тогда КГБ помогали разоблачать злобные выдумки классового врага о якобы наступающем на нас кризисе. Сейчас, когда кризис преисполнит все худшие предсказания, выяснилось, что никакого имени ЦРУ. Вот что происходит, когда в профессиональном деле занимаются идеологизированном. Нарушив законы собственной службы и бросив вызов президенту, Н. А. Крючков не оставил выбора. Теперь он должен подать и отставку. Либо президент должен его уволить...» Но не происходит ни того, ни другого. Президент молчит, вообще никак не реагируя на «бунт» трех ведущих министров. Напротив, в газете «Правда» в защиту Крюčkова выступает ближайший помощник Горбачева по партии Олег Шенин — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК по идеологии. Статьи члена Политбюро называются «Мнение по поводу» и содержат грубый окрик в адрес зарвавшегося еженедельника. «Главный редактор еженедельника,— раздраженно от мечает секретарь ЦК,— по-видимому решил, что Президент страны М. С. Горбачев не сможет без его помощи определить, кто из членов Совета Безопасности СССР и в какой степени соответствует занимаемой им должности, о чем и поведал в достаточно бестактной форме союзной и мировой общественности. Напротив, считает весьма жено со Старой площадью,— речь Крюčkова была мудрой, взвешенной и совершенной по не оскорбительной по отношению к президенту. И вообще, советует Шенин, не лезьте не в свое дело... Президент молчит, но введенный Крючковым новый термин «агент влияния» неожиданно берется прокомментировать полковник Алкснис. Агент-провокактор с удовольствием разъясняет, что если кто-то «агент влияния», это не значит, что человек является агентом ЦРУ, шпионом, который под одеялом ночью фотографирует секретные документы. Нет, агент влияния — это просто человек, с которым налаживаются добрососедские отношения и ему советуется, рекомендуется — не за деньги конечно,— поступать тем или иным образом. Знал ли «все-знающий» Алкснис, имеющий, по его собственным словам, доступ к секретной информации, что компьютеры КГБ уже несут распечатку сотен тысяч «агентов влияния» на бланках «Успортация», «Интернирование», «Профилактика» и даже «Инейтрализация», что может означать все — вплоть до ликвидации? А Горбачев молчит. На экранах телевизоров вместо него все чаще мелькает пьяная физиономия вице-президента Януса. Горбачев явно сторонится своего вульгарного, нечистого и полупития, комсомольца-вице-президента. Они никогда не появляются вместе, даже когда этого требует прото-

кол. Не так давно Янаев, принимая делегацию бастующих шахтеров, видимо, по-пынке, но с комсомольской искренностью воскликнул: «Ребята, если я не решу ваших проблем до 25 мая, назовите меня козлом!» И, естественно, ничего не решил. В шахтерских городах и поселках выходят газеты и листовки с огромными заголовками «Янаев — КОЗЕЛ!» Рабочий класс уже давно перестал уважать свой «боевой авангард». Шахтерские забастовки грозят парализовать весь энергетический комплекс страны. На грани остановки металлургические заводы и транспорт. Но Янаев, пренебрежительный государственный мудрости, заявляет корреспондентам: «Если они (шахтеры) считают меня козлом, то я с ними вообще больше разговаривать не буду!» Он продолжает принимать какие-то делегации, вручать какие-то награды, улыбаясь послам из стран третьего мира... 21 июня Горбачев неожиданно появляется на сессии Верховного Совета СССР. Впервые с момента пребывания на посту президента он гневно обрушивается на депутатскую группу «Союз», обвиняя ее в попытках «дестабилизации» как всего общества, так и сотрудничества с республикой и президента. Он с гневом и яростной жестокостью называет фамилии Алксниса, Петрушко и Блохина. Он высмеивает поповозновения Павлова на дополнительные полномочия. Премьер сидит, как побитый щенок. На осторожные вопросы, что делает президент о недавней речи трех его ведущих министров на закрытом заседании Верховного Совета, Горбачев отвечает: «Мы беседовали с товарищами. Все в порядке... и с Павловым у нас никаких разногласий нет». Все понимают — выехали Лондон, встреча с европейской семьей — президент снова перешел на крутое маневрирование. Западная пресса отмечает, однако, что рассказы «вооруженных» министров о заговоре ЦРУ и угрозе нападения звучат все напористее и чаще... Тревогу заглушает торжественное выступление Ельцина в должности президента России. Его приветствует народ и благословляет патриарх. Давно уже разочарованный, запуганный Горбачевым народ ждет от Ельцина быстрых и решительных действий. Остановив шахтерские забастовки и договорившись с Горбачевым о новой форме союзного договора по схеме «9 + 1», объявляет свой Указ о департизации. Все партийные структуры ждали этого указа, но его объявление вызвало шок в КПСС, которая солидно, как и в старые времена, готовилась к пленуму своего ЦК, убеждая себя в том, что она — правящая партия, рассуждая о том, как править и куда, а тут оказалось, что с ней просто управлялись указом. Управлялись грубо и по-хозяйски — без обсуждения в Верхов-

ном Совете, без изнуряющих голосований, без аппаратных уприсков и согласований, не оставляя никаких иллюзий, кто действительно правит. В принципе указ Ельцина не содержал ничего страшного для КПСС. Он не касался ни ее структур, ни ее собственности, а лишь запрещал — только на территории РСФСР — иметь парторганизации в системе промышленных предприятий, государственных организаций и вооруженных силах. Но у КПСС аж дух захватило от обиды и возмущения. Посыпались ссылки на статьи Конституции, апелляции к международным пактам о правах человека, обращение в Комитет конституционного надзора. «Удар по миллионам коммунистов, которые не мыслят себя вне трудных коллективов!» — истерично вопила партийная пресса, сознательно передергивая факты, тогда как на самом деле это был удар по параллельной государственной структуре. Удар по неконституционной структуре, подмывшей законную власть и явочным порядком захватившей право управлять и решать. Огромным мешком мокрого песка висела КПСС на парализованной стране, не давая ни шелохнуться, ни вздохнуть. И уступать не собиралась, грозно намекая, что собирается отстоять свои права и свое имущество танками. Имущество партии: дворцы и небоскребы обкомов, горкомов и райкомов по всей стране, типографии, санатории и больницы, специальные обкомовские цеха на машинобинатах, кондитерских фабриках и хлебозаводах. Обкомовская колбаса, обкомовские конфеты, обкомовское молоко. Партия созидала отделенный от страны материальный мир, этакое замкнутое внутри СССР, роскошный оазис посреди нищеты, где иначе едят и пьют, иначе летают и ездят, иначе отдыхают и лечатся, иначе умирают и иначе сходят в могилу. Можно было еще выбить себе визу куда-нибудь в Париж, но в это Запретное — никогда. Оно охраняется тщательнее государственных границ и никто кроме избранных не имеет туда доступа. Однако все это — лишь небольшая часть принадлежностей партии. Главная же ответственность партии — все, что есть в нашей стране, вся промышленность, весь транспорт, все колхозы и совхозы, все учреждения культуры — практически все, что есть на одной шестой планеты, включая, естественно, и население. Именно в ЦК КПСС, а не где-нибудь утверждалось все главные руководители, не только партийные, но и хозяйственные, и даже выборные советские. Над каждым министром дамочным мечом висел соответствующий заводиком из ЦК. Его имени не знал никто в стране, но его власть была безгранична. Огромные суммы перечислялись, переводились, тратились с таинственной ссылкой:

«По указанию директивных органов». Директивные органы — одна из подпольных кличек КПСС. И теперь это все отдать вот так — по Указу какого-то там президента? Извините. Никто всерьез не собирается выполнять приказ Ельцина, понимая, что последнее будет началом конца. Партия апеллирует к своей последней надежде — к своему генсеку. Но тот собирается в Лондон на встречу с семеркой. Ему не до партийных интриг. Впрочем, на сцену собравшемся пленуме, Горбачев выражает готовность сложить с себя должность генсека, «если товарищи так настаивают». «Товарищей» охватывает паника. Президент соглашается и улетает в Лондон. Давно уже президент чувствует на западе гораздо спокойнее, чем дома. Сколотилась уже своя компания: президент Буш, Джон Мейджер, Миттеран, канцлер Коль. Все уже давно на «ты». «Как твои дела, Майк?» Сочувствующие взгляды, сердечные улыбки, крепкие рукопожатия. Но денег не дают. Под обещания больше ни цента. Под конкретные программы дадим. Но конкретных программ нет. «Я не понимаю, Майк, — спрашивает президент США, — почему ты так цепляешься за устаревшие структуры? Они же прогнили насквозь. Дунь — и они рассыпятся». Последнее аналитические выводы ЦРУ обреченно дали ситуацию в СССР и Буш внимательно их прочел перед отлетом в Лондон. Горбачев бледнеет, красное родимое пятно на его лбу становится ярким, как пятно крови. За его спиной стоит начальник его личной охраны генерал КГБ Медведев, его личные переводчики — офицеры КГБ. Он нигде не может позволить себе ни одного лишнего слова. «Дунуть некому», — улыбается он в ответ, хотя ему совсем не до смеха. Впервые за шесть лет Горбачев возвращается в СССР с пустыми руками. И товарищи из Политбюро могут правильно поставить вопрос, что кредит доверия к нему исчерпан. Буш пытается подбодрить его. На конец июля назначен визит американского президента в Москву на подписание договора о сокращении стратегических вооружений. «Все будет О'Кей. Только не прячьте ракеты за Урал, как вы уже это сделали с танками». В здании ЦК КПСС идет совещание. Присутствуют члены Политбюро товарищи Шенин и Дзасохов и, конечно, Крючков. На этот раз один. Крючков уже знает результаты переговоров Горбачева с семеркой. Впрочем, эти результаты можно было предвидеть заранее. Но была некоторая надежда на личное обаяние президента — генсека. С сообщением выступает шеф КГБ. Положение критическое. Есть информация, что Горбачев дал обязательства Западу покончить с КПСС и социализмом в нашей стране. Пока он эксперимен-

тирует руками Ельцина, но вскоре подключится и сам. Он предает партию. Необходимы решительные меры. Горбачев должен быть устранен от руководства страной, передав, как и положено по конституции, президентскую власть Янаеву. Конечно, Янаев не годится даже для простого представления. Это понятно. Но он обявлял о введении в стране чрезвычайного положения и, сославшись на недостаток опыта или на здоровье попросил об отставке, и опять же — по конституции — передаст президентскую власть Анатолию Лукьянову. Члены Политбюро согласно кивают. Именно так. На ближайшем пленуме Лукьянов будет выбран генсеком и, сохранив за собой должность Председателя Президиума Верховного Совета, вернет страну на проверенный путь, существовавший до 1988 года. Олег Шенин напоминает, что нужно покончить вообще с институтом президентства, как с чуждым нашему обществу. Товарищ Дзасохов напоминает, что на первом этапе необходимо действовать строго в конституционных рамках. Собирать Верховный Совет. Никаких боёв не предвидится — Анатолий Иванович не зря трудился все эти годы. Что делать с Ельциным? Крючков склонен его арестовать, еще до начала активных действий и пристрелить при попытке к бегству, объявив затем его скончавшимся от какой-нибудь болезни, тем более, что у него их полно. Члены Политбюро категорически против. Ни в коем случае! Из первого списка в 176 человек, подлежащих ликвидации, в первые дни не трогать никого. Не забывайте, что нам придется дальше жить в мировом сообществе. И кредиты получать тоже. Ельцину будет оказано недоверие на российском съезде, где преобладают наши товарищи, а разные там мэрии и префектуры — можно просто запретить. А убирать их всех потом — быстро, но без шума: болезни, самоубийства и все такое прочее. Хорошо. А что делать с Горбачевым. Как заставить его передать власть добровольно? Тут в принципе, поясняет Крючков, проблемы вряд ли возникнут. В начале августа Горбачев собирается в отпуск на свою дачу в Форосе. Место легко блокируется. В охране мои люди. Предполагается, что его удастся убедить обвешать чрезвычайное положение в стране даже от своего имени, благо он набрал себе достаточно полномочий. Затем он заболит, ну, а дальше видно будет. Рейтинг у него сейчас в стране нулевой, плакать никто не будет. Крючков имел право изучить Горбачева и знает, как легко убедить президента и самой нежелой информации, если она проходит по каналам его ведомства. 28 марта, когда коммунисты легально продолжают считать «законным» путем Ельцина с поста пред-

седателя Верховного Совета РСФСР, Крючков, убеждая Горбачева дать разрешение на ввод войск в столицу, сообщил президенту страшную информацию: демократы запаслись канатами с абордажными крючьями, чтобы штурмовать Кремль. Вид тысяч людей, взбирающихся по канатам на кремлевскую стену, ужаснул Горбачева и он дал просимое разрешение... Больше problem вызывал народ, которого по установившейся партийной фразеологии называли «населением». Анализ стекавшейся со всей страны информации, обработанный по всем правилам современной науки, показывал, что народ, т. е. население доведено продуманными и эффективно проведенными мероприятиями до такого уровня нищеты и бедствия, что одним институтом выживания обрадуется любым переменам, откуда бы они ни исходили. Немедленно надо будет объявить о повышении зарплат и понижении цен (особенно воду). Товарищ Стародубцев — председатель созданного месяца назад Крестьянского Союза СССР, состоящего из секретарей сельских райкомов и работающего под строгим теневым надзором знаменитого Егора Лигачева, получит указание наконец открыть домощинея от продовольствия склады и слегка подкормить изголодавшееся население. Товарищ Стародубцев — колхозный «бунтарь» 70-х годов, неожиданно показал себя решительным и инициативным товарищем, которому можно оказывать достаточно большое (не любовь, конечно) доверие. Все эти годы шли бесконечные разговоры о формах собственности на землю, сопровождаемые воплями демократов о полной несостоятельности изжившей себя рабовладельческой колхозной системы. Был проведен даже закон о земле и с опасной быстротой, разрушая колхозную систему, стали плодиться разные арендаторы и фермеры. Смотри на этих новых «кулаков» и другие сельские жители начали копить деньги, мечтая в будущем работать на земле самостоятельно и свободно. Повышение закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и подскоки рыночные цены позволили вчерашним рабам увериться в том, что их мечты не так уж беспочвенны. Вот тут-то товарищ Стародубцев и совершил свой подвиг, восхитивший всех на Старой площади. Дело в том, что в отличие от городского населения, сельские жители не хранили деньги в сберкассах, которых в сельских районах было мало, да и добираться до них было мытарно, а то и просто невозможно. Стародубцев и поддал Павлову идею замены крупных денежных купюр новыми, обрушив страшный новый удар на робко поднимавшее голову после десятилетий геноцида русское крестьянство. Кампания по раскулачиванию прошла быстро

и эффективно, а главное — почти совершенно незамеченной для страны, поскольку у крестьян не было другого рупора кроме самого товарища Стародубцева и стоящего за его спиной Егора Лигачева. Доказав, что с ним можно работать, Стародубцев должен был держать под контролем колхозно-кооперативную систему и быстро ликвидировать разные арендные и фермерские трудности. Конечно, необходимо было предусмотреть, что какая-то часть анисоциальных и уголовных элементов (только в одной Москве, по докладу Пуго, более 200 тысяч лиц каторгины БМЖ и З) попытаются организовать и какой-то форме протеста. Вероятнее всего, в виде стихийных демонстраций и митингов, которые быстро смутят перестрой и массовые беспорядки. Чтобы этого не случилось, по все крупные города страны необходимо сразу же ввести войска с видимыми атрибутами силы: танками и БТРами. Это даст понять, что мы не шутим. В случае необходимости ввести в городах режим комендантского часа. (Оно, по толпе открывать в случае крайней необходимости, помни однако замечательные слова Микояна, сказанные им после расстрела рабочих в Новочеркасске: «Необходимо было провозвести небольшое кровопускание, чтобы успокоить народ и избежать большой крови». Насколько надежна армия? В ушах товарища Шенина еще звучит набатная медь косящих оркестров. Несколько дней назад Шенин с Баклановым в сопровождении генералов Шляги, Овчинникова и Вареникова инспектировали Таманскую и Кантемировскую дивизии, а также подчиненную Крючкову знаменитую дивизию им. Дзержинского, переросшую по своему численному составу и насыщенности техникой общевойсковую армию. От КГБ присутствовали: первый заместитель Крюčkова генерал Шибаршин и начальник управления особых отделов КГБ генерал Каземир. По случаю пятидесятилетия со дня начала Великой Отечественной войны в частях проводились бесконечные парады и смотры. Части проходили церемониальным маршем перед трибуной с генералами и партийными вождями, послужно кричали «Ура». Генерал-полковник Овчинников неожиданно прокричал в микрофон: «Да здравствует наша родная коммунистическая партия — организатор и вдохновитель всех наших побед!» В ответ последовало громкое «Ура!» Оркестр, игравший марши, грянул гимн Советского Союза: «Партия Ленина — сила народная — нас к торжеству коммунизма ведет». Генералы и полковники еще не забыли и старые слова гимна: «Нас вырастил Сталин на просторах народа, на труд и на подвиги нас вдохновил!» Взяли красные флаги, гремела медь оркестров, заглушая салют.

Громкое «Ура» служило гарантией выполнимости задуманного. Вид у солдат и офицеров был бодрый, в глазах восторг и никаких сомнений. Позднее Шенни и Бакланов разговаривали в Министерстве Обороны с руководителями вооруженных сил страны. Присутствовали: сам маршал Язов, начальник генерального штаба генерал армии Моисеев, главный сухопутных сил генерал армии Вареников, начальник оперативного управления генштаба генерал-полковник Денисов, начальник штаба войск ПВО генерал-полковник Мальцев и бывший командующий воздушно-десантными войсками, ныне заместитель министра обороны по экстремальным ситуациям генерал-полковник Очадов. Хотели пригласить и начальника ГРУ генерала Владимира Михайлова, но КГБ был категорически против. В КГБ и ГРУ давно уже культивировалась, мастерски подогреваемая десятилетиями (из страха перед возможным объединением двух могущественных контор) взаимонеприязнь, переросшая в ненависть. Крючков не без оснований опасался, что Михайлов сорвет все дело, только чтобы напасть на КГБ. Генералы молча слушали Шеннина и Бакланова. Это были не партапаратички в военных мундирах, а боевые генералы. Большинство из них мальчишками, со школьной скамьи, были брошены в огонь второй мировой войны. Учеба в училищах и в академиях, долгий путь по крутым служебным лестницам, возрастающим ответственным не давали им не только возможности, но и времени усомниться в том, что им с детства вдували в голову полtruthки, замаскированные под истинные секретари. Привыкшие к суровой дисциплине, поклонники совершенно необходимого в армии строгого порядка, они меньше всех полагались на промахнувшегося в стране. Для них давно срослись понятия «партия» и «государство», которому они присягали и которое кланься защищать. Они свято верили в миф о капиталистическом окружении, об американских поджигателях войны, стремящихся уничтожить страну, которую им доверили защищать. Недавние посиделки самого Язова, Моисеева и Ахромеева в Соединенные Штаты и Европу только убедили военных в собственной правоте: Америка и НАТО вооружены до зубов. Могиноносный разгром огромной армии Хусейна встревожил их не на шутку. А что же творится в стране? Варшавский пакт прекратил свое существование, но НАТО существует. Гордость армии — Западная группа войск, дислоцированная на территории Германии, фактически разгромлена и разложена. Южная группа, грозно нависавшая над первым флангом НАТО, уже выведена в Союз. Ее негде размещать. Летчики-перехватчики — высочайшие профес-

сионалы своего дела — живут с семьями в бараках, неотпущенных и грязных. Их детям негде учиться, женам — работать. (Уставных разместили где пошло: в палатках и землянках). В национальных республиках солдат открыто называют оккупантами. Задержали и их самих назойливыми провокаторами дач, автомашин и садовых участков. Маршал (которого купил старый хододильник не по той цене — вся пресса подхватила вой, как будто он сдал противнику целую армию). После стольких лет мытарства по частям и гарнизоном неужели они не заслужили право на дачу или свое охотничье хозяйство. Никто не может измерить тяжесть их ответственности, бессонные ночи и бесконечные рабочие дни. Никто не имеет права попрекать их возможностью поохотиться или поудить рыбу в тишине и покое. Что у них было в жизни: спорт, охота и рыбалка. Все. И было, и осталось. Они согласны с Шенниным и Баклановым. Консервативные, как и все полковые военные, они согласны: страна гибнет и из-под страны сплещет. Сделай ее такой, какой она была до Африки, Индия, мучуей и угнетаемой миром атомной сверхдержавой, русофобской коммунистической партией страны. Никто не имеет на этого права... Гораздо больше тревожит идеала, пожелали революции мира. Товарищ Лазаров полагает, что революция, конечно, будет неизбежной, но все постепенно изменится. Примером может служить Китай. Когда танки в Пекине утопили в крови студенческие демонстрации, а затем начались массовые аресты и расстрелы активистов демократического движения, Запад сначала поднял крик («А разве мы с вами, товарищи, позволили вмешиваться в свои внутренние дела?»), затем успокоился, а оппозиция (США с КНР, в принципе, никак не изменились. Помните, как гениально сказал Ильич: «За деньги они продадут нам даже веревку, на которой мы их же и повесим»). В конце совещания встал вопрос о публикации какого-либо заявления обращенного к здоровым, патристическим силам общества. Крючков сомневался в целесообразности этого. Настал час — тогда и опубликуем. Однако товарищи Шеннин и Лазаров, поддержанные генералами из главпура, не согласившись с мнением товарища Крюčkова, еще раз продемонстрировали наличие демократического централизма в партии. Обращение нужно. Здоровые силы общества должны быть предупреждены. Крючков согласился, но предупредил, что никто от его ведомства обращение подписывать не будет. Не будет и не надо, — подпишет кто-нибудь от Цуто... Генерал Шенни немедленно соединился по телефону с главным редактором совместно финансируемой армией и КГБ газе-

ты «День» Прохановым, который еще во время афганской войны получил кличку «Соловей гештаба» и приказал составить «Слово к народу». Писать сам Проханов не умел и позвонил своему другу Бондареву, достаточно владеющему пером для выполнения поставленной задачи. Но работа не клеилась. Тогда к ней привлекли Распутина — талантливого писателя, непонятно как попавшего в эту компанию графоманов и проходившего... 23 июля «Слово к народу» появилось в «Советской России», «Московской правде» и в гласностной «Ленинградской правде». На следующий день «Слово» перепечатали региональные партийные и военные газеты, а также финансируемые ими, газеты «патриотов». «Слово» подписали двенадцать человек. Никого не удивили подписи Проханова, Бондарева и Распутина. Удивлялось скорее то, что из их группы примерно в 50 человек подписалось всего трое. Где Василий Белов? Где Станислав Кузнецов? Видимо, за них подписались Клыков и Володин. Стояла подпись и известной певицы Зыкиной. Что случилось в рядах патриотов, которые обычно трусят и страхуя друг друга, подписывают свои истерические письма количеством не менее пятидесяти человек? Почему они испугались на этот раз? Нанбольшее удивление вызвало то, что под «Словом» к народу стояли подписи: заместителя министра обороны, главнокомандующих войск генерала армии Варенникова, заместителя министра внутренних дел, неудавшегося рыжковского вице-президента генерал-полковника Громова, ближайшего сотрудника Бакашова по ВПК Тизикова (которого, кстати, почти никто не знал), председателя Крестьянского союза Стародубцева и члена Политбюро РКПЗюганова. «Слово к народу» по содержанию было прямым призывом к свержению законно избранной демократической власти в России. По форме — это было нечто энциклопедическое, метко названное журналистами «большевистско-аппаратным плачем». «Дорогие россияне! Граждане СССР! Соотечественники! — взывало «Слово». — Случилось огромное небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие». (Термин «небывалое горе» появился раз употребился газетами, когда умер Андропов. Даже Чернобыльская катастрофа не возродила этот термин, скромно называясь «аварией». Что же случилось сейчас? Догадаться было нетрудно — указ Ельцина о департизации и предстоящее подписание нового союзного договора, ликвидировавшего гигантские бюрократические структуры центральной власти.) «Братя, — взывает «Слово», — поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит

с четырех углов, когда тушить его приходится не водой, а слюнами слезами и кровью». Власть в России попала в руки «лукавых и волоречивых властителей», «умных и хитрых отщепенцев», «жадных и богатых стяжателей», «губителей и захватчиков», «фарисеев», «безответственных политиканов», «безнравственных лукавцев», «губителей Родины», «ликующих нуворисей». Армия и народ призывались подняться на борьбу с захватчиками, используя все средства вплоть до топора. Русь призывалась к топору! И хотя практически никакого общественного резонанса «Слово» не вызвало — народ уже не реагировал на партийные плачи — сам факт, что под прямым призывом к митингу стояли подписи заместителей министров обороны и внутренних дел и члена Политбюро компартии, не остался незамеченным. Все ждали реакции Президента, но тот не прооронил ни слова. В конце июля в Москву с официальным визитом прибыл президент США Джордж Буш. Он пронес с Горбачевым очередные переговоры по сокращению стратегических вооружений. На совместном пресс-конференции Буш заметил, что его очень беспокоит акция нацизма и Нацистские и он надеется на мудрость президента Горбачева и на его умение находить компромиссы. Горбачев энергично возразил, что полностью контролирует обстановку и работает в нужном направлении. Через несколько часов после пресс-конференции 31 июля, весь мир облетела страшная новость: на одном из литовских таможенных пунктов былбит белорусской границы расстреляны в упор из автоматов семь сотрудников таможи и полицейских. Их разоружили, поставили на колени и убили выстрелами в голову. Подписали похищали. Убийцы скрылись. Потрясенный Буш, скомкал свой визит, улетел домой, сказав на прощание: «Так кто же, черт возьми, правит в этой стране?» Горбачев заявил, что лично возьмет следствие под контроль, но на следующий день уехал в отпуск на свою дачу в Форосе. 4 августа наступил в силу Указ Ельцина о департизации, который никто не собирался выполнять. За нарушение Указа полагался штраф. В райкомах посмеивались: «Заплатим, если надо. Даже больше заплатим». Верховные советы разбегались на капитулы. Вслед за Горбачевым уехал в отпуск министр иностранных дел Бесмертных. Вместе со своей молодой женой и восьмимесячным сыном глава дипломатической службы решил отдохнуть в белорусских лесах у озера Нарочь. ЦК КПСС исключил из партии бывшего члена Политбюро и советника президента Александра Яковлева, а член Политбюро товарищ Дзасохов «пребывал» в Донецке, ожидая списания к высылке. Заместитель генерального

секретаря ЦК КПСС (заместитель Горбачева по партии) товарищ Ивашко, благодаря боглливости своих подчиненных и шестому чувству старого аппарата, понял, что товарища Щенна. Выгнанный с поста первого секретаря ЦК РКП Иван Полозов осваивался на посту замминистра сельского хозяйства, а его преемник Валентин Купцов уже успел продемонстрировать свои бойцовские качества Крюкову: коммунисты России насмерть заблокировали избрание нового председателя Верховного совета РСФСР. Руслан Хасбулатов их не устраивал в связи «с нерусским происхождением», а своего кандидата Бабурина провести не удавалось. Купцов демонстрировал Крюкову возможность «закононого» устранения Ельцина. Разгорелась война в Закавказье. Следствие по убийству литовских таможенников, как и ожидалось, моментально зашло в тупик, как и во всех предыдущих случаях. Президент США Буш отдыхал в своей резиденции в штате Мэн. Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов изучал новый союзный договор, находя его «недоработанным». Он ждал своего часа. Сорок лет Горбачев считал его своим другом, таща за собой по смертельно опасным горным тропам высшей партийной иерархии. Он был обязан президенту всем: и членством в Политбюро, и должностью председателя. И сорок лет он завыдал «старпопольскому выскочке», считая себя умнее и талантливее очень принципиального президента. Крючков знал это и не ошибся. Лукьянов должен был повернуть страну на обратный курс, став одновременно генеском и председателем президиума ВС, как были Брежнев, Андропов и Черненко. Он должен был вернуть всю полноту власти КПСС и КГБ, загнав народ обратно в стойло, а недовольных — по лагерям и психушкам. Такова была неадекватная идеология заговора, главным идеологом которого был даже не столько сам Лукьянов, сколько сама умирающая система. Это была утопия, но никто из них не понимал этого, как не понимает умирающий значения своих предсмертных конвульсий... В огромное здание на Лубянке стекается информация со всей страны. В Москве сосредотачиваются боевики, вооруженные автоматами и даже ракетами «Стингер». По какому-то, известным только ему каналам, Израиль засылает в СССР огромное количество автоматов «Узи», производство которых в самом Израиле подскочило в пять раз. В Нагорном Карабахе с армянской стороны начали действовать английские бронемашины «Салладин». Афганские партизаны переправляют в СССР часть своих огромных арсеналов, включая

нижние пулеметы и ракеты. Недавняя бомбежка афганскими самодельными советской территории совсем не трагическая ошибка, как пытается всех уверить Наджибулла. В мусульманских республиках резко увеличилась активность духовенства, призывающего правоверных сплотиться под зеленым знаменем пророка. Мечети набиты коммунистами, поющим корем, что нет Бога кроме Аллаха... На полях страны гибнет урожай. Никто не работает и не желает их заставить работать. Сорван призыв в армию. Вспыхивают страшные пожары на боевых кораблях. Стрел дотла ракетный крейсер «Стиггополь», с трудом удалось погасить пожар на имитационне «Киев». Эсминец «Безобязательный», идя с визгом дружба и Антверпен, врезался в причал. Оказалось, что на месте еще пьяны, включая командира. Под шумок один из честной экипажа — секретчик — сбежал с корабля, прихватив сего имеющуюся на борту валюту... Ельцин и Силаев прибыли в Алма-Ату. Просочилась информация, что туда съездили все президенты республик, кроме Горбачева, и будут подписывать какой-то свой «договор» вообще без какой-либо власти центра. На прямой вопрос журналистов министр иностранных дел России Козырев улыбувшись, ответил: «Можете считать, что здесь очень шумно, и я не слышу о чем вы спрашиваете». На грани забастовки «Аэрофлот» и железнодорожники, угроза транспортного паралича. Грозят забастовкой металлургические заводы, снова детонируя ядерные шахты... Обо всем этом Крючков постоянно докладывает президенту в Форос. «Что вы предлагаете?» — немедленно спрашивает президент. «В стране необходимо ввести чрезвычайное положение», — неизменно отвечает шеф КГБ. Президент, в принципе, не возражает. Он вернется из отпуска и можно поставить вопрос на Верховном Совете. Но зачем вводить по всей стране? Можно ограничиться рядом районов и некоторыми отраслями промышленности. Крючков начинает выходить из себя. Президент либо не понимает обстановки, либо делает вид, что не понимает. Или же реч, идет о промышленности? Необходимо вернуть полную власть партии, вернуть шестую статью конституции, отменить закон о печати. «Хорошо, разберемся» — добродушно отвечает президент всякий раз и вешает трубку. Через несколько часов Крючков снова вызывает Форос. Обкомы и тюрьмы бездействуют. 18 миллионов коммунистов ждут каких-то указаний, но ЦК не может принять решений без своего легендарного секретаря. «Безобразие», — соглашается президент, понариши просто самоустранились от политической жизни. Это, шесте ли, черовато. От народа отрываться нельзя. Это

еще Ильич предупреждал. Где Ивашко? В больнице? Нашел время». Президент обещает, вернувшись из отпуска, радикально изменить настроения в партии. Возьмите, например, Купцова. Какой энергичный товарищ. Стоило только сместить Погозкова — и видите! Прав был Ильич: главное — подбор кадров. Вы не согласны? В голосе президента сквозит раздражение. Товарищ Крючков, если у вас по Садовому колыбу бродят боевики с американскими ракетами, то зачем вам чрезвычайное положение? Вы председатель Комитета Государственной Безопасности. Вот и действуйте. Связитесь с Пуго, посоветуйтесь с военными. У вас достаточно власти и так. Если же вы не можете даже установить, по каким каналам Израиль засылает к нам оружие, то ведь можно поставить вопрос о вашем соответствии? Обеспечьте порядок в столице. Это ваша обязанность. Связитесь с Шениным и Дзасоховым. Дзасохова нет в Москве? А где он? В Донецке? Зачем он туда поехал? Не знаете? Как это вы не знаете, зачем член Политбюро выехал из Москвы? Это, знаете ли... Указ Ельцина о департизации взбудоражил всю страну? Да, да. Мы говорили с Борисом Николаевичем. Конечно, указ недостаточно продуман. Ну вы же знаете Ельцина. Он всегда слепча рубит, а потом уже думает. Что? Отменить указ? Как же я могу отменить указ? Я могу поправить, посоветовать, поставить вопрос на съезде. Да, ничего, все образуется. Подпишем новый союзный договор... У президента легкий приступ радикулита. Он просит Крючкова не беспокоить его по мелочам. Он работает над большой статьей о будущем Советского Союза и должен сосредоточиться. Вернется из отпуска и во всем разберется. Крючков вешает трубку. Его заместители Грушко и Щедаршин скоробно покачивают головами. И это Горбачев? Тот самый молодой первый секретарь Ставропольского крайкома, которого им представлял сам Андропов, рекомендуя будущего Президента в Политбюро, как совершенно надежного и своего человека. Он, что действительно возманил себя Президентом? У многих уже готово сорваться с языка страшное слово: «Предатели!» Но старые чекисты знают цену словам и молчат, сжав зубы. За них говорит Нина Андреева, спешно собравшая съезд основанной ею партии большевиков-ленинцев. Скромная преподавательница химии одного из ленинградских ВУЗов, известная ранее только склоками и анонимками, не выходящими за пределы института. Нина Андреева с начала перестройки получила почти всемирную известность своей статьей, опубликованной, конечно, «Советской Росней», с громким заголовком «Не

мону поступиться принципами». Анализ статьи мгновенно показал, что Андреева — запрограммированная кукла, через которую, как через громкоговоритель, вешают пока медлительные остатки анонимными мощные силы партийного и чекистского аппаратов. Любые робкие шаги Горбачева по пути демократизации страны вызывали буйную «пролетарскую ярость» Андреевой и предвидимых ею большевистских ленинцев. «Самый яростный оппонент Горбачева» конституировала западная пресса. После указа Ельцина о департизации Андреева собрала чрезвычайный съезд своей партии в Минске — заповеднике марксизма, как его стали называть, поскольку Москва и Ленинград (уже почти переименованный в Петербург) запретил съезд на своей территории. Игнорируя все законы о защите чести и достоинства президента, Нина Андреева в истерике редела в микрофон: «Горбачев сорвал с себя маску. Это класовый враг! Это предатель! Это агент ЦРУ!» Президент всесоюзной телекомпания Кравченко, уверявший, что он личный друг президента, а первая программа ЦТ — это президентский канал, с удовольствием транслировал речь Нины Андреевой на всю страну через программу «Время». Плюрализм мнений... Оставшийся за генсека КПСС Шенин уже не трогал премьера на разговоры со своим генсеком в Форосе. На все вопросы Горбачев отвечал трафаретно: «Осенью соберем съезд и обсудим». Получая информацию от Крючкова и лично собственному, Олег Шенин понимал, что КПСС загнана в угол. Все предыдущие попытки «выхода из окопов» кончились поражениями и слачей новых позиций. Сейчас, при действующем законе о департизации, КПСС боялась проронить слово, понимая, что уже любое слово может ее окончательно погубить. Надеюсь еще на КГБ и армию, Шенин не рисовал оптимизма Лукьянова, что все пройдет гладко, как в 1964 и 1982 гг. Кроме того, его совсем не радовала перспектива иметь упрямого, капризного и амбициозного Лукьяновского класского партия. А то, что тот пишет стихи (и даже публикует их под псевдонимом Осенев), даже пугало. Сталин, Мао и Андропов тоже багловались стихами. Поэтому Шенин дал команду в обкомы уничтожить наиболее секретные документы. В течение уже нескольких месяцев шла гигантская работа по приватизации партийной собственности. Манипулировались с помощью Павлова партийные счета, валюты переносились на личные вклады в зарубежные банки. Между Еироной и Москвой сновали «золотые» курьеры, как и последние дни Третьего Рейха. Все было настолько сложно и запутанно, что сам Шенин и его коллеги по Полит-

бюро перестали уже четко соображать, что и куда удалось расписать. На это существовал Управляющий делами ЦК КПСС Николай Кручина — все знающий и все фиксирующий, помнящий номера и шифры счетов даже в банках Кейптауна... На душе у Крючкова было неспокойно. Казалось, все было организовано и пора начинать. Но оставались вопросы, вызывающие беспокойство. Во-первых, Горбачев перед отлетом в Форос о чем-то в течение двух часов беседовал с Ельциным, прогуливаясь с ним по парку в Ново-Опарево. Разговор пытались прослушать, но аппаратура оказалась «забитой» какой-то штучкой, находящейся тогда у Ельцина, то ли у Президента. Было известно, что американцы передали охране Ельцина, насчитывавшей 300 человек, какие-то новые средства защиты информации. Часть аппаратуры удалось перехватить, но специалисты еще в ней не разобрались. Кроме того, появилась информация от руководителя аппарата президента — Болдина, что у Горбачева есть какие-то средства связи, не контролируемые КГБ. Сведения пришли из аппарата президента, руководитель которого Болдин, подчиненный Крючкова, проделал очень большую работу, специально отбирал информацию для президента и дозируя по прямым указаниям с Лубянки... Выводит из себя и поведение Янаева. Несмотря на приказ, с Горбачевым он связи не держит — не любит с ним разговаривать. Ждет, когда тот позвонит сам, а тот не звонит — Горбачеву тоже не о чем разговаривать с Янаевым. В субботу, 17 августа, вице-президент просто пропал. К телефону нам везде подходили помощники, уверяя, что им ничего не известно. Пришлось искать как следует. Нашли на одной закрытой точке ЦК ВЛКСМ, где вице-президент плескался в бассейне с какими-то голыми девками и был по обыкновению пьян. На вопрос о здоровье стереотипно ответил: «Жена не обижается» и, подмигнув девкам, пьяно засмеялся. Увезли на Лубянку, девок забрали. Проверили: девки оказались случайными — подарок благодарных московских фаришников, которых Янаев опекал еще в годы бурной комсомольской молодости. Девок допросили. Оказалось, Янаев хвастался, что скоро будет президентом. Удручало то, что девок, как выяснилось, было четыре, а взяли троих. Одна тихо исчезла. Может быть, случайность, но приходилось считать, что за Янаевым следит и чьей-то дружкой служба. Но кто? ГРУ или ЦРУ? Или Ельцин успел создать что-то свое? Доложили Крючкову. Тот только вздохнул, но Янаеву не сказал ничего, кроме главной новости: «Завтра начинаем». У Янаева задрожали руки. Попросил стакан

копьяка. Выпил, клыцкая зубами о стекло. Сделали укол, чтобы поспал... Утром 18 августа вице-президент Янаев позвонил в Форос. Поинтересовался у Горбачева, когда тот собирается вернуться в Москву. Президент ответил не сразу, подумал и сказал, что вернется во второй половине дня 19 августа, т. е. завтра, и приказал Янаеву оповестить через Павлова кабинет. Кроме того, заметил президент, он не может дозвониться до Болдина. Необходимо его разыскать, чтобы связаться с республиками и вызывать в Москву их президентов или председателей Верховных Советов для подписания Союзного договора. Янаев звонил из Кремля, где в этот момент шло бурное совещание. За огромным столом сидели, стояли, нервно ходили высшие должностные лица огромного государства: вице-президент Янаев, председатель КГБ Крючков, министр обороны маршал Советского Союза Язов, его заместитель генерал армии Варенников, заместители Крючкова генерал-полковники Грушко и Шебаршин, министр внутренних дел генерал-полковник Пуго, премьер-министр и глава кабинета Павлов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС по идеологии Шенин, руководитель аппарата президента Болдин, начальники управления охраны КГБ (бывшего 9-го управления) генерал-лейтенант Плеханов и его заместитель Лукьянов. Несмотря, председательствовал за ним привычке Лукьянов на этом совещании, но сидел он во главе стола рядом с Крючковым. Не было министра иностранных дел, отдыхавшего в Белоруссии, но за ним уже послали самолет. Обсуждался старый российский вопрос: «Что делать?» Мнения разделились. Многие считали, что лучше попытаться действовать через самого Горбачева. Путь объявит о введении в стране чрезвычайного положения и о создании Государственного Комитета по чрезвычайному положению. Кого включить в новый комитет персонально: Янаева, Язова, Пуго, Крючкова, Павлова, Бессмертных, конечно, Лукьянова и Шенина. «С ума сошли, — грубо отреагировал Лукьянов, — и же председатель Верховного Совета. Мне же придется утврждать и ваш комитет и режим чрезвычайного положения. Вспомнили о генеральном прокуроре Трубине, который находился на Кубе. Решили не включать, но информировать через первого заместителя Васильева. Шенин тоже извл отвод, заметив, что партии не следует прямо участвовать в этом деле и вообще, по возможности в заявлениях и постановлениях избирать упоминаний о КПСС и коммунизме. В этот момент на совещании появился еще один член Политбюро ЦК КПСС Бакалов. Он не только согласился

быть вписанным, но и попросил вписать и своего заместителя Тизякова — председателя созданной в июне 1990 года Ассоциации директоров предприятий, устроившей позднее промкий скандал Горбачеву. По аналогии вспомнили Стародублева, который куда-то исчез. Вписали его заочно. В спешке составлялись тексты «Обращения к народу» и «Постановления ГКЧП». Еще было не совсем ясно, на каком основании президент передает власть Янаеву. Шенин исправлял и редактировал тексты, пуская их по кругу. Лукьянов делал замечания, по которым спорили, но в конце концов принесли. Язова вызвали к телефону. На проводе был начальник генерального штаба генерал армии Моисеев. Из Крыма докладывали генерал армии Мальцев и генерал-полковник Денисов. Взлетная полоса, с которой мог бы взлететь самолет президента, блокирована тыпачами. Севастопольский полк КГБ поднят по тревоге и оцепляет район президентской дачи. Морские части пограничных войск КГБ направляются в район дачи четыре дополнительных сторожевика. Генерал Мальцев просил Моисеева быстрее «решить вопрос», пока информация не просочилась. После возвращения Язова стали думать, кого послать в Форос. Решили на удивление быстро. Полетят Болдин, Шенин, Багланов и главком Сухопутных войск Варенников. Последний напросился сам, уже, видимо, видя себя министром обороны. С ними полетели Плеханов и Генералов со своими людьми. Генерал Плеханов отвечал за охрану всех государственных и партийных деятелей, а также за охрану объектов государственной важности. Без него всю делегацию могли просто не пропустить на дачу Горбачева, а Плеханов имел право войти куда угодно и с кем угодно. Начальник личной охраны президента подчинился непосредственно ему... После отъезда делегации, направленной к президенту, оставшиеся в Кремле продолжали обсуждать тактику действий. Быстрый ввод войск в крупные города. Мобилизация коммунистов и возвращение к власти партийных структур. Наведение порядка на предприятиях. Мобилизация народа на общественные работы и уборку урожая. Возвращение республикам старых названий. Возстановление Союза Социалистических Республик. Приостановка, а затем и отмена закона о печати. Закрывание ряда газет. Полное взятие под контроль радио и телевидения. Возстановление через Верховный Совет шестой статьи конституции. Прекращение заигрывания с Западом, возстановление утраченных позиций в Восточной Европе. В этот момент пришло сообщение, что в Москву из Казахстана прилетел Ельцин вместе со всей своей коман-

дой и последовал в Архангельское, где находилась его резиденция. Начался спор, а не арестовать ли всю эту банду прямо сегодня ночью. Там, кстати, и Собчак — новоспеченный мэр Ленинграда. Кроючков был склонен поступить именно так, но Шенин и Лукьянов с сомнением покачивали головами. Нет, нет, нет. Это никогда непоздно сделать, но начинать с этого не следует... Язов сидит размякший и какой-то добродушный, совсем не напоминал ни маршала Жукова, оказавшегося примерно в такой же ситуации в 1954 году, ни тем более Пиночета... На своей даче в Форосе президент Горбачев работал в кабинете на втором этаже. С ним находился его ближайший помощник Черныев. Из окон кабинета открывался вид на искривляющуюся под солнцем рыба Черного моря. Черныев обратил внимание, что вместо одного сторожевика пограничной охраны стоит уже шесть — целая эскадра. Он не решился отвлекать внимание Горбачева подобными мелочами. Анализируя возможности выхода страны из кризиса, Горбачев гипотетически описывал ситуацию, способную привести к военному перевороту, и ее последствия. Отпуск с президентом проводили: его жена, раздражавшая всю страну Раиса Максимовна, дочь Ирина, зять Андрей и внучка Настя. В отдельном домике жила охрана под командованием неотлучного Медведева, личный врач президента Игорь Борисов, повар и водители. В соседнем сапатории жили: советник президента Шахназаров, стенографистка Ланина и несколько референтов. Президент приказал подготовить на завтра свой самолет ВВС 1. Его отпуск завершался, и он предполагал вернуться в Москву. Около половины шестого вечера в кабинете раздался звонок телефона внутренней связи. Докладывал заместитель Медведева полковник Голенцов. Из Москвы приехала группа товарищей и просит их принять. Президент удивился: он никого не вызывал. Кто такие? Голенцов назвал: Шенин, Багланов, Болдин и Варенников. Горбачев и Черныев переглянулись. Что же могло случиться, чтобы так безцеремонно, нарушая строгую этику общения с главой государства, на Форос прибыла такая странная компания? Президент схватил трубку телефона прямой связи с Москвой. Телефон не работал. Напрасно Горбачев поднимал трубку многочисленных аппаратов прямой и экстренной правительственной связи. Вся связь была отключена. Сопровождаемый Черныевым, он вышел из кабинета, но прибывшая из Москвы делегация уже поднималась по лестнице. Ни Голенцов, ни выскочивший к воротам Медведев не могли не пропустить на территорию дачи своего начальника Плеханова. Увидев

Плеханова и Генералова, Горбачев поблдедел. «В чем дело, Олег Семенович? — встревоженно спросил он Шенниа, — что случилось?» «Случилось, Михаил Сергеевич, случилось, — нервно ответил главный идеолог ЦК КПСС, — предмете в кабинет». Шипя и разбрасывая искры, загореleg бикфордов шнур, подсосиненный не знающими обстановки авантюристами к такому детонатору, которому вскоре суждено будет взорвать тысячелетнюю империю... Разговор в кабинете президента получился нервный. Начал Шенниа. Обстановка критическая. Надо спасать страну и партию, а для этого немедленно объявить чрезвычайное положение. Немедленно. Горбачев взглянул на Бакланова. Тот кивнул головой: «Другого выхода нет». «Если Верховный Совет...» — начал было Горбачев, но Болдин — руководитель его собственного аппарата перебил Президента: «Ждать созыва Верховного Совета уже нет времени. Москва набита вооруженными боевиками. Готовится захват власти. Надо действовать незамедлительно». Шенниа поддержал сообщника: «Верховный Совет дал все необходимые полномочия Горбачеву, чтобы тот мог сам ввести в стране режим чрезвычайного положения. Вот текст — его надо только подписать» Президент пробежал текст глазами. «Нет, — сказал он, — я этого не сделаю». «Вы — Президент, вы — Генеральный секретарь партии, — жестко произнес Бакланов, — и вы должны спасти страну на краю гибели». «Поймите, — ответил Горбачев, — так делать нельзя. Вы все погубите». «Что погубим? — зло спросил Шенниа, — и так уже все погублено. И если еще что-то можно спасти, то только с помощью мер, которые мы предлагаем». «Как хотите, — твердо ответил Горбачев, — но я этого делать не буду». «Тогда уходите в отставку! — неожиданно заревел генерал Варенников, — погубил страну и еще сидит здесь, поучает!» Главком сухопутных сил громко, по-солдатски, выругался матом. Президента взорвало. «Вы — мудак! — по-русски заявил он присутствующим, — и я с вами больше говорить не намерен. Завтра я вернусь в Москву и поставлю вопрос о...» «Никуда ты не вернешься! — продолжал орать Варенников, — или ты сейчас уйдешь в отставку или...» «Успокойсь, генерал, — раздраженно сказал Бакланов и обратился к Горбачеву: — Михаил Сергеевич, вы должны передать полномочия вице-президенту и подписать заявление об отставке». «Это кто же решил?» — поинтересовался Горбачев, стараясь выглядеть спокойным. Никто не ответил, не желая брать ответственности. Все отчаянно трусил. «Где Лукьянов? Где Крючков? Где Язов? — быстро стал задавать вопросы Гор-

бачев, надеясь перехватить инициативу, — почему приехали сюда вы, а не они?» «Вы подпишете Указ?» — вместо ответа спросил Бакланов. «Что с ним разговаривать! — снова заорал Варенников, — только время терять. Пусть сидит здесь, если такой трус...» «Товарищ Варенников, — поморщился Шенниа, — подождите. Дайте поговорить спокойно...» «Вы — авантюристы, — повысил голос президент, — если вы решили погубить себя, то и... с вами — это ваше дело. Но вы погубите страну и много людей. Все надо было делать на съезде...» «Нет, он не слышит, что ему говорят. — Так вы подпишете Указ?» — снова спросил Бакланов. «Если вы не согласны с моим мнением, — продолжал президент, — то должны были потребовать срочного созыва съезда и...» «Он над вами издевается, — вставил слово Болдин, хорошо знавший привычки своего шефа, — он вас сейчас зароворит так, что вы забудете, ради чего приехали». «Так подпишете ты Указ или нет? — снова рыкнул генеральский бас Варенникова, — или подписывай или пиши заявление об отставке!» «Нет, как хотите, но я вам ничего не подпишу, — твердо сказал Горбачев и добавил, — у вас Янаев — к нему и при- ставьте!» «Значит вы передаете свои полномочия Янаеву? — поинтересовался Бакланов. — Тогда подпишете это письменно». «Все, — отрезал Горбачев, — я с вами больше разговаривать не намерен. Соедините меня по конференц- связи с Лукьяновым, Язовым и Крючковым». Президент встал. Встали и все прибывшие, направляясь к выходу с красными от злости и возбуждения лицами. Президент выходил за ними, но путь ему преградил генерал Плеханов: «Посидите пока здесь». Люди Плеханова собрали все средства президентской связи и потрудили их в машину. Туда же посадили и начальника охраны Медведева. Плеханов с завидной непринужденностью подошел к полковнику КГБ Быстрову, у которого находился кодовый чемодан президента, и, жестом предложив полковнику сесть в машину, взял чемодан из его рук. Этот чемодан или, как его называют на американский манер, «КЕЙС ПРЕЗИДЕНТА», содержал специальную аппаратуру для активации и постановки на боевой взвод ядерного оружия и программ цифровых команд в ракетные части стратегического назначения, включая и подводные лодки. Сигнал, передаваемый этой аппаратурой, означал войну, а перехваченный противником, немедленно подставлял страну под ответный или упреждающий удар. После начала работы «КЕЙСА» время до атомной катастрофы начинало измеряться минутами. Где бы ни находился глава государства Горбачев, «КЕЙС» постоянно

находился при нем. На всей территории СССР не было более важного и тщательнее охраняемого объекта. Полковник Быстров по уставу должен был умереть, но не передавать «КЕЙС» в чужие руки. Но порядки в бывшем управлении КГБ были таковы, что генерал Плеханов отобрал у своего подчиненного «КЕЙС», как будто в этом чemoдане лежали термос с чаем и бутерброды. (Такие же «КЕЙСЫ» имелись у министра обороны маршала Язова и начальника генерального штаба генерала армии Моисеева. Их чemoданы охраняли полковники из ГРУ.) После отъезда незваных гостей помощник Горбачева Черняев и полковник Голенцов, подойдя к воротам дачи, обнаружили там караул из незнакомых офицеров, получивших приказ никого с территории дачи не выпускать. Плеханов перед отъездом предупредил Голенцова, что район дачи оцеплен спецназом КГБ из Севастополя. Внутренние телефоны дачи также оказались отключенными. Но на даче оставался полковник Голенцов и 32 офицера охраны, вооруженные автоматами и пистолетами. Личный врач президента в доминке обслуживающего персонала имел беседу с заместителем Плеханова — Генераловым, который убеждал Борисова составить медицинское заключение, свидетельствующее о недееспособности Горбачева. «Посильнее составьте, — советовал генерал, — Горбачев, видимо, скоро будет арестован. Медицинская справка ему пригодится...» Врач отказался, но в свою очередь спросил Генералова, что ему делать если кому-нибудь из оставшихся на даче понадобятся лекарства, которых нет в наличии. Может ли он съездить в Севастополь или хотя бы до ближайшего телефона, чтобы их заказать. «Нет, — твердо ответил Генералов, — отсюда никто не выйдет!» По дороге на аэродром Плеханов передал «КЕЙС» именно Генералову, а тот одному из своих подчиненных, даже не сообщив, что это за чemoдан. Чemoдан был слишком тяжелым, чтобы доставлять удовольствие, и офицер, зайдя в самолет, сунул его в отсек между туалетом и салонами. Между тем в Москве события развивались своим чередом. В Кремле продолжалось совещание. Генеральный штаб перешел оперативным дежурным в округа короткий сигнал, предупредивший, что в ближайšie несколько часов возможно повышение степени готовности вооруженных сил. В принципе, в этом сигнале не было ничего особенного, если бы не договор с американами, предусматривавший информирование друг друга о подобных мероприятиях. Сигнал был перехвачен разведкой США, о чем было немедленно доложено президенту. Президент Буш играл в гольф

на лужайке своего дома в штате Мэн. Выслушав сообщение, что русские повышают готовность вооруженных сил, президент отреагировал вяло. «О'Кей, — сказал он, — держите меня в курсе, но ничего не предпринимайте». Возвращающиеся с дач москвичи были удивлены невиданно большим количеством патрулей ГАИ на дорогах, ведущих к столице. Вопреки обычной практике гаишники были вооружены автоматами. Буквально на каждом километре машины останавливались и осматривались. На удивленные вопросы следовал стереотипный ответ: «Разыскиваем машины в угоне»... Около 10 часов вечера в Кремль вернулись посланные на горбачевскую дачу в Форосе. «Он отказался с нами разговаривать», — доложил Шенин. «Вот как? — удивился Крючков. — А с кем он будет разговаривать?» «С Вами, Язовым и Лукьяновым», — сообщил член Политбюро ЦК Крючков заинтересовался — привезли ли они какие-нибудь документы, подписанные президентом? Нет, не привезли. Кто-то высказал мнение: не слетать ли к Горбачеву тем составом, о котором шла речь. «Слетаем, — согласился Крючков, но позднее. Сейчас уже поздно». Опыт встал вопрос, что делать? Умный Лукьянов придумал замечательно: пока объявить Горбачева больным. Это даст возможность для маневрирования в любую сторону. «Даже в Кремлевскую стену», — сострил злой Вареников. Никто не смеялся: все хорошо знали правила подобных игр. Плеханов ответ своего шефа в сторону и доложил ему об обстановке в Форосе. Крючков слушал и кивал головой. За делами и волнениями Плеханов как-то забыл о «КЕЙСЕ» президента, а Крючков не вспомнил. Зато вспомнил, что в Москве остался пресс-атташе Горбачева Игнатенко и неплохо было бы установить за ним наблюдение... Около полуночи доставили Бесмертных, вынужтого прямо из леса, где министр иностранных дел собирал чернику. Своей быстрой карьерой Бесмертных был во многом обязан Крючкову. Впрочем, весь МИД был отчасти филиалом КГБ, отчасти — ГРУ. Бесмертных был из крючкововского филиала. Осмотрев встревоженным взглядом присутствующих, Бесмертных спросил, что случилось. Серьезно заболел Горбачев, сказали ему. Где он? На даче в Форосе. Инсульт или инфаркт — точно неизвестно. Медицинское заключение будет позднее — тогда узнаем точно. Тула уже летали Бахланов и Шенин. Раиса Максимовна в полубоморочном состоянии. Даже Володе Медведеву стало плохо — пришлось привезти его в Москву. Крючков отнес Бесмертных в другую комнату и сообщил о планах введения в стране чрезвычайного положения. Он показал ми-

нистру список комитета, где уже стояла его фамилия, и попросил расписаться. У Бессмертных потемнело в глазах. «Это необходимо, — пояснил Крючков. — Известные силы ждут только известия о болезни или смерти Горбачева, чтобы насильственным путем захватить власть». Бессмертных стал просить вычеркнуть его фамилию. Ему нужно руково- дить дипломатической службой, а не заседать в комитетах. Крючков пристально на него посмотрел, подумал и вычеркнул. Бессмертных поехал к себе в Министерство. Еще по дороге почувствовал себя плохо. В кабинете лег на жесткий кожаный диван, стоявший там еще со времен Громыко. Начались печеночные колики. Приехал врач из лечебно- оздоровительного объединения при кабинете министров СССР. Сделал укол, предложил госпитализировать. От гос- питализации Бессмертных отказался, но попросил больнич- ный... Бикфордов шнур продолжал гореть, приближая огонь к мощному детонатору. Около часа ночи уехали Лукьянов и Язов. Затем Шенин, Багланов и Павлов. Янаев и Крючков остались в Кремле. Самонадеянные, привыкшие к безгранич- ной власти, деградировавшие до полного ничтожества, они не подозревали, что взрывчатка, которой они хотели взорвать страну, подложена под них самих. Их время давно ушло, но они не понимали этого. Они не понимали и того, что более молодые и энергичные общественные силы страны могут ока- заться и умнее, и хитрее их, что они, желая поймать своих противников врасплох, сами идут в подготовленный для них капкан. Они не понимали, что их мотивы и реакции понятны и легко прогнозируемы, как реакция пса, которому наступа- ют на хвост, чтобы получить повод его прирешить. Отре- занные дубовыми стенами своих кабинетов от жизни и истин- ной информации, не зная ни фактического соотношения сил в стране, ни настроений народа, не зная даже толком соб- ственных сил, они были обречены... Ровно в час ночи зарабо- тали телефайны ЦК КПСС, КГБ и Министерства Обороны.

«Совершенно секретно. Копий не снимать. № 36/3. 19 ав- густа 1991 года. Всем секретарям республиканских ЦК, первым секретарям областных и краевых комитетов КПСС. В связи с введением в стране чрезвычайного положения и образованием Государственного Комитета по Чрезвычай- ному положению (ГКЧП) важнейшей задачей партийных комитетов всех уровней является обеспечение содействия претворению в жизнь решений ГКЧП, созданию на местах комиссий по чрезвычайному положению, срыву митингов и демонстраций, направленных против мероприятий ГКЧП, разъяснению трудящимся необходимости принятых мер и

мобилизации их на созидательный труд. Всем коммунистам пытаться и передавать в руки правоохранительных органов лиц, зарекомендовавших себя антисоциалистической и дест- руктивной деятельностью, а также оказывать содействие органам МВД, КГБ и Прокуратуры СССР по розыску антисоциальных и уголовных элементов. Организовать для этой цели рабочие дружины.

Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС
О. С. Шенин.

Секретариат ЦК КПСС».

«Секретно. Генеральный Штаб Вооруженных Сил СССР. Шифротелеграмма № 8825. Заместителем министра обороны СССР (всем): Главнокомандующим войсками направлений и Дальнего Востока (всем); Командующему Воздушно- десантными войсками; Командующему группами войск, войсками округов и флотов (всем); Начальникам Главных и Центральных управлений Министерства обороны СССР.

В связи с обострившейся внутрополитической обстанов- кой в стране ПРИКАЗЫВАЮ:

Объединения, соединения, части и учреждения всех видов Вооруженных Сил СССР на территории СССР привести в боевую готовность повышению. Руководящий состав окру- гов, флотов, армий, флотилий, корпусов, эскадр, соединений и учреждений из отпусков отозвать... Постоянно отслеживать обстановку в районах ответственности и принимать безотла- гательные меры по наведению должного порядка. Организо- вать взаимодействие со з д о р о в ь и ми силами местных органов власти, с органами КГБ СССР и МВД СССР. О всех случаях изменения общественного порядка и противоправ- ных действий немедленно докладывать по командной линии штабов и линий оперативных дежурных. В городах МОСКВА и ЛЕНИНГРАД комендантами гарнизонов назначить командующих войсками военных округов, в остальных гар- низонах — начальников гарнизонов.

Министр обороны СССР маршал Советского Союза
Д. Язов».

«Секретно. Снятие копий запрещается. Подлежит воз- врату в 4-й отдел 1-го Управления ГШ ВС. Исходящая шифротелеграмма № 8826. Заместителем министра обороны СССР: Главнокомандующим войсками направлений и Даль- него Востока; Командующим войсками военных округов, флотами; Командующему ВДВ. В целях консолидации всех родовых сил общества по сохранению Союза Министр обороны СССР ПРИКАЗАЛ:

Решко активизировать работу по разъяснению военно-

служащим, служащим Советской Армии и местному населению истинных замыслов оппозиции, направленных на дезинформацию и раскол общества, дестабилизацию обстановки в стране, на компрометацию и развал армии. Принять решительные меры по пресечению агитации среди военнослужащих, не допускать проникновения агитаторов и подстрекателей на территории воинских частей, учреждений и на кораблях. В целях перекрытия каналов поступления информации и агитации, направленных против мер, принимаемых ГКЧП, учесть и при необходимости взять под охрану все объекты технических средств передачи информации (телевидение, радио, звуковещательные станции, средства связи МПС, гидрометеослужбы, диспетчерские пункты метрополитена, таксопарков и другие). Максимально использовать все средства и методы работы по разъяснению правильности проводимых ГКЧП мер по стабилизации обстановки в стране, а также воспитания личного состава частей, подразделений и учреждений в духе патриотизма и их ответственности за судьбу Советского Союза. Постоянно поддерживать высокую степень готовности соединений, частей и подразделений к решению задач в условиях чрезвычайного положения и экстремальных ситуациях. № 312/27.

Начальник Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР

Генерал армии М. Моисеев

«Совершенно секретно. Копий не снимать. Председателям республиканских комитетов государственной безопасности, Начальникам областных и краевых управлений КГБ, Начальникам УКГБ Москвы и Ленинграда... В связи с введением в стране режима чрезвычайного положения вскрыть секретные пакеты с пометкой ЧП и, взаимодействуя с органами МВД СССР, партийными комитетами и здоровыми силами общества, принять меры по интернированию лиц, указанных в списках. Оперативно и четко реагировать на сигналы трудящихся по выявлению и изъятию лиц, замеченных в антисоциалистических настроениях, лиц, ранее отбывавших наказания по ст. 70 и 190-прим. УК РСФСР или по соответствующим статьям союзных республик... Находиться в готовности к принятию аналогичных мер к лицам, списки которых будут направлены к вам по каналам телевязи... Личный состав управления и служб до особого распоряжения перевести на круглосуточный режим работы... объявить всему личному составу о повышении зарплат в четыре раза... Крючков, Грушко».

В начале второго часа ночи президент Всесоюзной теле-

радио компании Леонид Кравченко был разбужен длинным и востановленным звонком в дверь. В подъезде дома всегда сидел дежурный милиционер и обычно о всех визитах предупреждал Кравченко по внутреннему телефону. Последнее время Кравченко подвергался яростной критике и даже угрозам за свою слишком «верноподданническую» политику на телевидении. В передвижениях по городу его даже сопровождала охрана, выделенная генералом Плетановым. Ходя от страха, Кравченко открыл дверь. Его срочно вызвали в Кремль. Машина у подъезда. В Кремле его приняли Крючков и Янаев. Кравченко обратил внимание, что вице-президент сидит в дымчатых очках, а Крючков очень бледен. В двух словах ему объяснили обстановку. Президент тяжело заболел. Антигосударственные и антисоветские силы хотят воспользоваться этим, чтобы свергнуть существующий строй. Поэтому в стране вводится режим чрезвычайного положения, главным образом, для спасения Союза. Вот пакет документов, которые Кравченко с шести утра должен объявить по всем каналам телевидения и радио. Все каналы перекрывать. Передавать только текст этих документов и классическую музыку, ожидая распоряжений. В студию ехать немедленно. По дороге один комплект документов просьба закинуть в ТАСС. Крючков отдал приказ с шести часов утра начать глушение западных станций. Его начали отговаривать, убеждая, что сразу это делать нецелесообразно. Надо подождать реакции Запада и не бросать ему с первых же минут столь недвусмысленный вызов. Пока шла дискуссия на эту тему, выяснилось, что станции глушения, по крайней мере в Москве, выведены из строя, все оборудование разворовано. Это конечно, не беда — можно использовать армейские средства РПД... На другом конце Земли президент США Буш, закончив свою традиционную прогулку верхом, принимал душ, когда его вызвали к телефону. Накинув халат, президент взял трубку и услышал голос генерала Паулла — председателя Объединенного Комитета Начальников Штабов Вооруженных Сил США: «Похоже, что в России что-то происходит, сэр. Такое впечатление, что там заработали сразу все телестанции закрытой связи и резко возрос уровень радиообмена. Может быть, ткнуть моих ребят в бок, чтобы они не так крепко спали?» Президент пообещал связаться с посекретарем Бейкером, прояснить обстановку по дипломатическим каналам, а затем дать указания. Однако не считал ни того, ни другого. Настоящие президенты всегда знают гораздо больше своих генералов... В два часа ночи Кингемировская и Таманская дивизии были подняты по

тревоге. В слепящем свете прожекторов и фар открывались тяжелые ворота ангаров и гаражей, ревели моторы танков и бронетранспортеров. Никто ничего не знал толком. Поступил приказ идти на Москву. Задача, не раз проработанная на штабных и командных учениях и достаточно часто выполняемая на практике в послевоенной истории прославленных дивизий. На этот раз неразбериха началась сразу. Грузить или нет боезапас. Поступил приказ — наоборот — выгрузить, если он есть. Выдавать ли боевые патроны к табельному оружию? Брать ли с собой части химзащиты и санитарные подразделения? Выяснилось, что Генеральный штаб эти вопросы не проработал. Подразделениям в страшной спешке ставилась задача «по оседланию» московских улиц. Тверская. Что за Тверская? Бывшая ул. Горького. Калининский проспект, Арбат, Краснопресненский мост. Конечно, Кремль, Красная и Манежная площади. Что случилось? Случи летели по ротам и батальонам: убит президент, в столице анти-советское восстание, сброшен американский десант. Тогда почему идем без боезапаса? Боезапас подвезут в Москву. Главное сейчас взять под контроль Кремль и другие правительственные здания. Штаб дивизии знал немногим больше. «Оседлать магистраль» и «противостоять действиям». Через 20 минут (место положенных восьми) танки и бронетранспортеры выехали на шоссе. Короткие команды, заглушенные проходом двигателей, и две гвардейские танковые дивизии устремились к Москве. Сигнал боевой тревоги сорвал с коек солдат и офицеров Тульской воздушно-десантной дивизии. Огромные транспортные самолеты, прогревая моторы, раскрыли свои гигантские грузовые люки, поглощая поток людей в полном боевом снаряжении и технику. Приказ гласил: высадиться на подмосковном аэродроме Кубинка и ждать дальнейших приказаний. Генерал-майор Либедь успокаивал офицеров своего штаба — обычные учения. Такое бывало уже не раз. Рязанская дивизия ВДВ, Псковская дивизия ВДВ, Витебская дивизия ВДВ, подчиненная КГБ, ОМОНы, спецназы, боевые группы по борьбе с терроризмом, голубые, черные, краповые и зеленые береты разбегались на боевые посты, перекрывая, оседлывая, охватывая, блокируя, контролируя... Начальники пограничных секторов и отрядов вскрывали секретные пакеты. В пограничных районах вводился особый режим, озабоченный закрытие границ. В пакетах оказались и списки лиц, подлежащих немедленному задержанию в силу особого статуса пограничных зон. Пограничные зоны СССР своей общей площадью превышают территорию всей Европы. Для управления этой территорией

при КГБ существовала почти миллионная армия пограничников, вымуштрованных столь же тщательно, как и их свирепые овчарки. Зазвонили телефоны, заработала связь. Под дай овчарок заставы поднимались «в ружье!»... Спавший в своем служебном кабинете командующий войсками Московского Военного округа генерал-полковник Калинин был разбужен порученцем. Из КГБ прибыли бланки, он должен расписаться в получении. «Что за бланки?» — не сразу понял генерал-полковник. Одна папка лежала уже на его столе. Калинин вскрыл ее и вынул лист бумаги:

Распоряжение коменданта г. Москвы
об административном аресте

В соответствии со ст. 9 Закона Союза Советских Социалистических Республик «О правовом режиме чрезвычайного положения» санкционируется административный арест гражданина _____ сроком на тридцать суток. Комендант г. Москвы генерал-полковник Н. Калинин. 19 августа 1991 года.

Генерала удивило, что на бланках уже стоит его подпись и печать... Начальник Управления КГБ по Москве и Московской области генерал Прилуков с радостью потирая руки. Все секретные пакеты были уже вскрыты, списки распечатаны, райотделы оповещены. Собрав своих заместителей и начальников отделов, Прилуков обратился к ним с краткой, но проникновенной речью. Перестройка, слава Богу, закончилась. Впрочем, пояснил он, перестройка закончилась еще в 1987 году, а затем началась махровая контрреволюция. Поздравив своих подчиненных с повышением окладов, генерал выразил надежду, что они будут действовать с той же решительностью и беспощадностью, что и в былые времена. Феликс Едмундович с гордостью смотрел со стены на продолжателей своего великого дела...

В Ленинграде первый секретарь обкома Борис Гидаспов уже несколько суток не покидал своего кабинета в штабе революции — Смольном, выполняя директивы Шенина по сортировке и уничтожению секретных документов. Около четырех часов ночи Гидаспов доложили расшифрованную телеграмму из ЦК КПСС. Гидаспов ждал этого часа давно, нагнетая обстановку в городе всеми средствами: через контролируемый им пропаганду «600 секунд», через свой офицюз «Ленинградскую правду», через финансируемую обкомом антисемитскую газету «Народное слово». Чтобы подготовить народ к этому светлому дню, он лично дал распоряжение опубликовать «Слово к народу» в «Ленинградской правде» и приказал создать новую «Народную правду»,

поскольку газета «Народное слово», появившееся в жидоборстве, уже не отвечала нуждам момента... Вместе с циркулярными документами из Москвы прислали и список лиц, из которых необходимо сформировать в Ленинграде комиссию по чрезвычайному положению. Кроме самого себя и командующего округом Гидасов с удивлением увидел в списке фамилии вице-мэра города Щербакова и председателя облсовета Язова. Однако вспомнил, что первый является до сих пор контр-адмиралом действительной службы, а второй до недавнего времени был членом бюро обкома, подавал в душе сомнения. (Списки в Москве составлялись в страшной спешке с включением туда порой, совершенно случайных сомнительных личностей, которых удавалось вспомнить по ходу дела.) Вместе с директивой от Шенниа пришла директива от ЦК РКП «всячески оказывать содействие всем мероприятиям ГКЧП». Однако у Кушова и Зюганова хватило ума или не хватило храбрости, но подписей своих под директивой они не поставили. В конце документа стояло: Секретариат ЦК РКП. Несколько минут Гидасов обдумывал ситуацию. Мэр города Собчак в Москве. Контр-адмирал Щербаков — вице-мэр — отдыхает на юге. Это хорошо. Приказав своему идеологу Белову собрать на 11 утра бюро обкома, Гидасов снял трубку и позвонил в штаб Ленинградского военного округа. Командующий округом генерал-полковник Самсонов был немногословен. Да, округ приведен в повышенную боевую готовность. Больше он пока ничего не знает. Связь работает. Он ждет приказов из Москвы. Секретарь обкома позвонил начальнику управления КГБ города генералу Куркову. Ему ответили, что генерала нет на месте — он дома. Гидасов набрал домашний телефон. Молодой женский голос сообщил, что товарищ Курков на даче, откуда отправится прямо на службу. Кипучая энергия Гидасова не находила выхода. Он не понимал, почему в такую ночь — ночь великой реставрации — кого-то нет на месте, а кто-то так вяло реагирует. Неужели нельзя было все подготовить более организованно?

В Киеве первый секретарь ЦК Компартии Украины Гуренко также находился на своем боевом посту. Получив шифрограмму Шенниа, Гуренко облегченно вздохнул. Последнее время все работники аппарата ЦК ходили встревоженные и нервные, как собаки перед землетрясением — чули беду, а откуда она придет, не знали. Гуренко сразу стал звонить председателю Верховного Совета Украины Кравчуку. Тот спал, а дежурный референт отказался его будить. Авторитет ЦК уже слишком пал. Гуренко пытался объяснить

ему ситуацию, но референт не понимал ничего. Кравчук любил поспать и все его подчиненные знали это. Никто не умрет, если пождем до утра. Гуренко стал звонить командующему округом генерал-полковнику Чичеватову. Ответил какой-то полковник — заместитель оперативного дежурного. Оказалось, что командующий на рыбалке вместе со своим начальником штаба. Кто остался за него? Командующий воздушной армией генерал Морозов, но он на учениях, оперативная связь занята. Генерал Чичеватов — премьер Громова — на рыбалке не был. Получив шифрограммы от Язова и Моисеева, он приказал ни с кем себя не соединять и, запершись в кабинете, обдумывал со своим начальником штаба ситуацию. Решили выполнить букву приказа и ввести в округ повышенную готовность. Пока не предпринимать ничего. На 8 утра командующий приказал собрать Военный совет... В шесть часов утра по Московскому времени, как обычно, заработали радио и телестанции Советского Союза. Одновременно с этим, путая спешащих на работу людей и создавая мертвые транспортные пробки, в Москву ворвались танки Таманской и Кантемировской дивизии. С миллионов телеэкранов, из динамиков приемников и трансляционных точек, из громкоговорителей на площадях и улицах гигантского города в непрерывной записи лился поток сообщений, обрушиваясь на людей как водопад. «Обращение советского руководства. В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127, пункт 7 Конституции СССР полномочий Президента Союза СССР вице-президенту СССР Янаеву Геннадии Ивановичу, в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитета, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества, исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик, руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей, заявляем:

1. В соответствии со статьей 127, пункта 3 Конституции СССР и статьей 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», и для навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечению законности и

порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок шесть месяцев с 4 часов по Московскому времени 19 августа 1991 года.

2. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР.

3. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе:

БАКЛАНОВ, первый заместитель председателя Совета обороны СССР.

КРЮЧКОВ, председатель КГБ СССР.

ПАВЛОВ, премьер-министр СССР.

ПУГО, министр внутренних дел СССР.

СТАРОДУБЦЕВ, председатель Крестьянского союза СССР.

ТИЗЯКОВ, президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР.

ЯЗОВ, министр обороны СССР.

ЯНАЕВ, исполняющий обязанности Президента СССР.

4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории СССР.

Москва, 18 августа 1991 года». Люди собирались толпами у громкоговорителей, у автомобильных приемников, возле случайных прохожих, имевших с собой транзисторы. Мимо потоком шли танки и БТРы. Стволы орудий и пулеметов грозно смотрели в окна домов. Покрытые камуфляжными пятнами боевые машины, черные шлемы танкистов, пятнистые масхалаты и комбинезоны, рев моторов, белые дымки выхлопов — все это какой-то страшной фантастикой выглядело на солнечных улицах города. А громкоговорители продолжали надирать глотки: «Обращение к советскому народу». Все читающие до этого «Слово к народу» уловили знакомые фразы: «Соотечественники, граждане Советского Союза! В тяжкий критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся к вам. Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность. Начатая по инициативе Михаила Сергеевича Горбачева политика реформ... в силу ряда причин зашла в тупик... Власть на всех уровнях потеряла доверие населения... Насаждаются злобное глумление над всеми институтами государства, страна по существу

становится неуправляемой... Визг гусениц на поворотах, трещаханный асфальт, стоящие без движения трамваи, троллейбусы и автобусы. Танки быстро занимают указанные позиции. Также быстро и четко они действовали в 1968 в Праге и в 1989 в Кабуле. Теперь они оккупировуют собственную столицу. Толпы у громкоговорителей растут. Многие даже забыли думать о работе. Что с Горбачевым? Где Президент? Толпу пронизывает слух: убили. Кто-то уже слушал Би-Би-Си: нет не убили, умер сам от инфаркта. А что за ГКЧП? Многие не могут выговорить, плюют. Помои продолжают литься пррзным потоком в уши людей: «Постановление № 1 Государственного Комитета по Чрезвычайному положению в СССР»...

1. Всем органам власти и управления Союза ССР, союзных и автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить неукоснительное соблюдение режима чрезвычайного положения в соответствии с ... постановлениями ГКЧП. В случаях неспособности обеспечить выполнение этого режима полномочия соответствующих органов власти и управления приостанавливаются, а осуществление их функций возлагается на лиц, специально уполномоченных ГКЧП...» Огромные толпы уже запылали улицы. Люди лезут на танки, спрашивают солдат и офицеров, что случилось. Никто из них ничего не знает. Где Горбачев, что с ним? Никто ничего не знает. Приказано было войти в Москву и встать вот на этом месте, где стоим. Командиры танковых батальонов даже не знают, где их дивизионные штабы, которые заблудились где-то в лабиринте московских улиц. Связь в городе работает плохо. Зажатые бастонами домов танки чувствуют себя неутоно. Из любого окна в любой момент может вылететь бутылка с горючей смесью, а то и граната. Их предупреждали о боязнях с гранатометами и «Сингерами» и бросили в Москву без безапааса. Сквозь шум толпы, урчание работающих на холостом ходу танковых двигателей, продолжает что-то капать и литься из громкоговорителей:

«...4. Приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений... Проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается. В необходимых случаях вводить комендантский час, патрулирование территории, осуществлять досмотр, принимать меры по усилению пограничного и таможенного режимов... Решительно пресекать распространение подстрекательских слухов, действий, провоцирующих нарушение правопорядка, неповиновение должност

ным лицам, обеспечивающим соблюдение режима чрезвычайного положения...»

На заводах и в учреждениях закончилась ночная смена. Люди хлынули на улицы. Где президент? Убит, арестован, умер, убежал в Штаты, погиб при катастрофе. Появляются портреты Горбачева. Горбачев — разочаровавшийся всех, предмет насмешек и анекдотов, политик с нулевым рейтингом, которому давно уже никто не верил и не доверял, вдруг слитый своим именем народ. «Горбачев! Горбачев!» — скандирует толпа в стихийном протесте против случившегося. Люди еще толком не поняли, что произошло, но мерзкое звучание фраз из репродукторов напомнило всем о временах, возвращения которых не желает никто. Горбачева убили за то, что он хотел уничтожить эту гнусную систему. Верните нам нашего президента!

«... 8. Установить контроль над средствами массовой информации, возложив его осуществление на специально создаваемый орган при ГКЧП...»

В Архангельском — резиденции президента России — Борис Ельцин и группа его сорудников слушали поток сообщений по радио. Среди них были и мэры Москвы и Ленинграда — Попов и Собчак. «Все ясно, — сказал Ельцин со своей странной улыбкой. — Началось...» Попытки связаться с Горбачевым ни к чему не привели. Линия правительства в военной связи не работала. Было решено пробиваться в здание правительства России на Краснопресненской набережной и действовать по обстановке. Охрана проверяла оружие. Она не собиралась сланать своего президента, как сдали своего мордастые гебисты генерала Медведева. Около 8 часов утра машина Ельцина выехала в Москву. Впереди и сзади, включая сирены, неслись машины с охраной, открывено выставляв автоматы наружу. Лавируя между танками — на Москву лавиной продолжала двигаться бронетехника — кавалькада въехала в Москву и под вой сирен, мимо молчаливо стоящих танков и безразличных солдат, направилась к «Белому Дому» России, которому вскоре суждено будет стать самым знаменитым зданием в мире.

В Ленинграде первый секретарь обкома Борис Гидаспов, слушая сообщения по радио, даже закрыл глаза от удовольствия, как будто из репродукторов лилась райская музыка. Вглянув на часы и увидев, что уже 8 часов утра, он понял, что больше не вправе сидеть вот так в Смольном, ничего не предпринимая. Машина первого секретаря выскользнула из ворот Смольного и помчалась в штаб военного округа. Генерал-полковник Самсонов встретил его без всякого восторга.

Дал, он начнет действовать, если в городе начнутся беспорядки и акты насилия. В его распоряжении есть достаточно сил и средств. А зачем он сейчас будет нагнетать обстановку, если все спокойно. В полученных им приказах нет ни слова о том, что он должен пугать армией народ. Но в стране объявлено чрезвычайное положение! — настаивал Гидаспов, — о нем надо хотя бы объявить! Зачем? Москва уже два часа ничем другим не занимается, как объявляет. И вообще неизвестно, на чрезвычайном положении город или нет. В указе сказано: в ряде местностей СССР. А о Ленинграде ни слова. В этот момент к ним присоединился начальник управления КГБ Курков. К великому удивлению Гидаспова чекист поддержал Самсонова. «Вы с ума что ли походили оба? — это спросил Гидаспов. — На этот счет есть специальное постановление ЦК КПСС, а вы не объявляете в городе чрезвычайное положение?» «А почему собственно это должен делать я, — не сдавался генерал-полковник, — вы секретарь обкома, вы и объявляйте!» «Товарищ Самсонов, — играл своими змеинными улыбками, произнес Гидаспов, — вы член бюро обкома. Я не понимаю вашей позиции. Вы назначены комендантом города, вы и должны объявить населению о чрезвычайном положении». Гидаспов совал Самсонову уже готовый текст, грозил позвонить самому Шляге, но командующий округом и его заместитель генерал-майор Миронов держались твердо. Курков сидел молча, дав только короткую справку, что он подчиняется председателю КГБ РСФСР генералу Иваненко, а тот пока никаких распоряжений не давал. Подъехал и Крамарев — начальник УВД Ленинграда. Тот также заявил, что он подчинен министру внутренних дел России Баранникову и ничьих других приказов выполнять не будет. Налицо был явный саботаж. Взбешенный секретарь, пообещав с одной из своих зловещих улыбок, сделать «орывоводы», уехал в Смольный. Все понимали, что сейчас Гидаспов будет названивать в Москву, и не ошиблись. Примерно в половине десятого Самсонов позвонил заместителю министра обороны Говорову и приказал зачитать гидасповский текст. Генерал-полковник поблагодарил. Сейчас он зачитает текст и будет отвечать за все, что произойдет в городе после этого. Он уже ненавидел этих хитрокопых партаппаратчиков. Гидаспов, конечно, выкрутится, как выкручивался до сих пор, и все шишки полетят на армию, которая, естественно, будет одна во всем виновата. В 10 часов утра звенящим от волнения голосом генерал-полковник Самсонов зачитал по городской радиотрансляционной сети гидасповский текст, слегка его изменив. С самого начала

в словах командующего звучали какие-то оправдательные нотки: «Товарищи! В связи с введением на территории Советского Союза чрезвычайного положения на меня, как на командующего войсками Ленинградского военного округа, возложены обязанности военного коменданта города Ленинграда». Пересказав далее своими словами заявление ГКЧП, где чисто гдастовским нововведением было запрещение увольняться с работы по собственному желанию, генерал перечислил созданную для управления городом комиссию по чрезвычайному положению: Самсонов, Щербаков, Храмов, Яров, Гдастов, Викторов, Курков, Саввин. Анатолий Собчака в комиссии не было, но был его ближайший заместитель Щербаков. Это удивляло, но вместе с тем и успокаивало возбужденных ленинградцев, которые, бросая работу, стали толпами собираться на улицах, стихийно формироваться в колонны и направляясь к Маринскому двору — резиденции Ленсовета и мэрии. Гдастов снова стал звонить Самсонову, требуя ввода войск на улицы города. Самсонов потребовал письменного распоряжения. Гдастов бросил трубку и стал звонить морскому начальнику ВМБ Ленинграда вице-адмиралу Селиванову. Адмирал сообщил Гдастову, что вообще не в курсе дела — у него нет никаких распоряжений. Надо обращаться к командующему флотом адмиралу Иванову в Калининграде. Гдастов пробовал уговорить адмирала вывести на улицы хотя бы морские училища города и учебные отряды Кронштадта, как в 1917 году. Адмирал заверил секретаря обкома, что просто не имеет права этого делать — он так, администратор, вроде завхоза. Гдастов снова позвонил Куркову, но оказалось, что генерал на совещании и подойти не может. Потеряв терпение, шеф боевого питерского обкома связался по связи с Шениным и сообщил, что город саботирует все указания из Москвы. Шенин пообещал принять срочные меры... Но если в Ленинграде дела шли на удивление вяло из-за явного нежелания должностных лиц брать на себя какую-то ответственность в столь непонятной обстановке, то подобным образом события развивались далеко не везде. В недалеком Пскове ни у кого сомнений не было. Местные обком и горком партии, дружно взаимодействуя с командованием гарнизона, быстро задавили слабые советы, провели аресты, разогнали хилую демонстрацию, и даже предложили в верноподданническом порыве к ГКЧП послать знаменитую Псковскую дивизию в поход на Ленинград, чтобы расшевелить нерешительного генерала Самсонова... Еще круче события развивались в Самаре. Командующий Приволжско-

от

Уральским военным округом знаменитый генерал-полковник Макашов — друг Саддама Хусейна и оскандалившийся кандидат в российские президенты — понял, что его час настал. Территория округа была огромной, охватывая почти всю территорию от Свердловска до Нижнего Новгорода. Не тратя времени на консультации с обкомами — Макашов хорошо знал цену этим разжиревшим трусам — командующий округом стал действовать с той быстротой и решительностью, которые неоднократно подчеркивались в его служебных характеристиках. В Самару сохodu ворвались танки и боевые машины пехоты, имевшие на борту полный боезапас. Пилоты бомбардировщиков и истребителей заняли места в кабинах в пятнадцатиминутной готовности к взлету. Игнорируя КГБ и МВД, Макашов сам распорядился о необходимых арестах и интернированиях. Камуфлированные десантные «джипы», набитые спецназом, ринулись по улицам Самары по указанным адресам. Облечившись в пятнистый камуфляж, сопя от нетерпения и возбуждения, Макашов, не доверяя столь важному делу штабным, лично продиктовал свой приказ № 337, который, растиражированный в тысячах экземпляров, полетел во все города огромного округа. Приказ гласил:

«1. Всеми формами работы среди военнослужащих разъяснять политику ГКЧП по спасению страны.

2. Эмиссаров, космополитов, предателей Родины, Союза задерживать, проводить допрос, сдавать правоохранительным органам.

3. Усилить патристическую работу среди солдат, офицеров. Основная теоретическая база для работы «Слово к народу» в «Советской России».

4. Продолжать поддерживать высокую боевую готовность, подготовить технику и вооружение к боевым действиям».

Крисисы всегда рождают Наполеонов... В Киеве первый секретарь ЦК КПУ Гуренко, возбужденный влетел в кабинет председателя Верховного Совета Украины Кравчука. На номенклатурном лице Кравчука — в недавнем прошлом крупного партийного функционера — появился надменное выражение гетмана Скоропадского, на губах заирала улыбка Петлюры, в глазах зажегся огонь Степана Бандеры. «Москва пусть там делает, что хочет. Нас это не касается». Гуренко взорвался: «Как это не касается? Как это не касается, если есть постановление ЦК КПСС!» «Кто подписал?» — заинтересовался Кравчук. Помнявшись, Гуренко продал Шенина, назвав его фамилию. «Кто такой?» — спросил Кравчук, хотя отлично знал. Гуренко стал сбивчиво

объяснить. «Не-е,— протянул Кравчук,— такие документы должен подписывать Генеральный секретарь, а не какая-то шпана». Гуренко помчался в ЦК и стал звонить в республиканское КГБ. Его бодро заверили, что все касающееся поддержания строгого порядка будет сделано. Командующий округом генерал-полковник Чичеэвов долго не мог понять, что от него хочет партийный босс Украины. Он не получал никаких указаний из Министерства обороны о введении войск в Киев или какие-либо другие города республики. У него есть приказ повысить боевую готовность войск. Она повышена. Вот и все. В отчаянии Гуренко позвонил в Москву Шенину. Тот заверил его, что меры будут приняты...

В Риге командующий Прибалтийским военным округом генерал-полковник Кузьмин, закончив изучение прибывших ночью документов, выругался и выпил стакан коньяка. Ему предписывалось взять на себя всю исполнительную власть членов правительства. Затем он должен был восстановить прежние структуры власти во главе с центральными комитетами компартии на платформе КПСС. После январских событий, когда его сделали козлом отпущения за действия, в которых его подчиненные практически не участвовали, он стал и умнее, и хитрее. Штурмовать парламенты, окруженные тысячами вооруженных людей и бетонными заграждениями — это значит развернуть в центрах Риги, Таллинна и Вильнюса настоящее сражение с тысячами жертв и огромными разрушениями. Что в конце концов, с ним сделают? Снимут с должности? Пусть снимают, но он не намерен ничего предпринимать. Связавшись по телефону с президентом Эстонии и Литвы, а также с Председателем Верховного Совета Латвии, генерал уведомил их, что он получил приказ взять на себя всю полноту исполнительной власти в республиках. Со свойственным прибалтам сдержанностью генералу ответили, что это решение незаконно и они будут протестовать. Кузьмин вздохнул и повесил трубку. Затем командующий дал приказ по всем частям округа: не выпускать ни одного военнослужащего за пределы гарнизона без его личного разрешения...

В Соединенных Штатах президент был поднят с постели. «В Москве переворот. Президент Горбачев либо убит, либо отстранен от власти». Вертолет быстро совершил посадку на лужайке перед Белым Домом. Президент вышел из него прямо на жерла телекамер и микрофонов целой толпы журналистов. «Как вы относитесь к произошедшему в СССР, г-н Президент?» «Я удручен», — последовал ответ. «Как вы оцениваете это событие?» Для своим быстрым, упругим

шагом через толпу корреспондентов, Буш неожиданно остановился. «Это переворот,— твердо сказал он и, помолчав секунду, добавил со своей знаменитой улыбкой, — но не все перевороты бывают удачными». То, что обычно осторожный в выражениях Буш сделал сразу столь резкое заявление, удивило многих, хорошо знавших президента (Соединенных Штатов...

В Москве Председатель КГБ СССР Крючков мучился от чувства какой-то неосознанной неудовлетворенности. Конечно, нужно было дать приказ об аресте Ельцина и всей его компании. И он этот приказ отдал, но оказалось, что это легче сказать, чем сделать. Дело в том, что за последние десятилетия славные чекисты деградировали, как и все общество, а пожалуй даже и сильнее. Имея постоянно дело с диссидентами, евреями-отказниками, валютчиками и контрабандитами, чекисты приобрели невероятный аллоб, цинизм и нахальство, но совершенно растеряли бойцовские качества. Одно дело идти вшестером обыскивать и арестовывать какого-нибудь бородастого очкарика за чтение Солженицына, а потом год кормиться на его следственном деле, другое — идти арестовывать человека, которого охраняют три сотни обученных головорезов, вооруженных, по уверениям самого Крючкова, гранатометами и «Стингерами». Никому не хотелось, да и было некому. Для подобной операции нужно было человек 500 минимум, обученных и вооруженных до зубов. Бой должен был стать ожесточенным и с совершенно непрогнозируемыми результатами. Тут бы «Альфа» не справилась из-за своей малочисленности. Кроме того, «Альфа» сидела на всякий случай прямо на Лубянке, поскольку Крючков не без оснований опасался, что какой-нибудь лихой комбат, войдя в Москву, тут же поведет свои танки на штурм именно Лубянки. Поэтому он и просил Язова, чтобы танки были без боезапаса. Что-то, а любовь армии к своему ведомству он знал хорошо. Крючков обратился к Путю, но все ОМОНЫ в мыле ездили по Москве, отключая радиостанции и опечатывая газеты по «Постановлению № 2 ГКЧП», которое еще не было опубликовано. В этот момент из Архангельской сообщили, что какие-то три БТРА без опознавательных знаков подъезжали к резиденции Ельцина минут через двадцать после отъезда президента России в Москву. Оттуда высочили какие-то люди в комбинезонах, ворвались в помещение, но тут же выскочили обратно и уехали в сторону Москвы. Хотелось бы думать, что они приезжали арестовать Ельцина, хотя уверенность в этом не было никакой. Но главным из утренних

сюрпризов Крючкова было открытие, что в Москве существует параллельная радиовещательная слаботочная сеть, имеющая возможность отключать официальную трансляцию. Где находится ее передатчики, было неизвестно. Крючков вызвал Прилукова и спросил шефа московского управления, что это значит? Из радиоточки в кабинете Крючкова отмодулированный бархатный голос диктора вещал: «Сограждане! В стране произошел военный переворот. Никакого подчинения незаконной хунте, именующей себя ГКЧП. Через несколько минут мы передадим обращение президента России Ельцина к народу! Сограждане, группа аппаратчиков свергла законного президента...» Затем в эфире снова появилась радиостанция «Эхо Москвы», уже трижды разогнаемая с раннего утра, когда одновременно с «Завтрашним» ГКЧП объявила, что в стране произошел антиконституционный переворот, а президент Горбачев сидит под арестом в Форосе. За станцией гонялись три спецназа разного подчинения, арестовывали дикторов, крушили аппаратуру, отключали ток. Но станция снова оживала и сейчас выяснилось, что она вещает уже из Белого Дома России. Крючков вдруг понял, что внезапность не удалась. Какие-то силы и структуры, о которых даже он не знал, оказались прекрасно подготовленными к событиям. Содержащие передачу радиостанций говорило об их прекрасной осведомленности, заставляло предполагать, что источники информации находятся где-то в недрах его собственного ведомства и генштаба... Между тем, танки и транспортеры двух бронетанковых дивизий, брошенные на улицах столицы, продолжали стоять без действия и без всякой пользы. Не евшие со вчерашнего дня солдаты нервничали. Обещанные кухни, конечно, не прибыли. Даже если кто-нибудь о них вспомнил, то пробиться к Москве уже не было никакой возможности. Все дороги, ведущие в столицу со всех направлений, были забиты войсками. Танки, бронетранспортеры, боевые машины пехоты, десантные танкетки, противотанковые джипы, подвижные радиолокационные станции, мобильные пункты связи, грузовики с патронами — все это грохотало и двигалось на столицу. Никто уже не мог разобратся в том, кто их вызвал, кто дал приказ, кто уточнял маршруты. Части перемешивались между собой, становясь огромным, неуправляемым броневым стадом. Окружная дорога мгновенно оказалась забитой, а войска все напирала и напирала... При этом продолжали по расписанию ходить пригородные электрички, отходили и подходили поезда дальнего следования, летали самолеты «Аэрофлота». В аэропорту Шереметьево в зале

депутатов Верховного Совета ждал вылета на Ленинград мэр города на Неве профессор Собчак — один из ближайших соратников Ельцина. Его немногочисленная охрана нервничала, ожидая «гостей» с Лубянки. Но вместо ожидаемых гостей к Собчаку прибыл корреспондент радио «Свобода» Максим Соколов. Собчак — блестящий оратор и правовец — искал с готовностью давал интервью западным радиостанциям. Не отказался он этого сделать и на этот раз. Еще никогда радио «Свобода», чье «грязное, бандитское гнездо» находилось в Мюнхене, не имело столько слушателей в СССР. Во всех домах необъятной страны радиоприемники были настроены на волну «Свободы». Она вещала в Белом Доме России, развернув свой корпус на 11-м этаже, ее слушал Крючков в своем кабинете, и президент Горбачев на своей даче в Форосе. «Это антиконституционный переворот, — звучным голосом университетского профессора разъяснил Собчак, — режим Чрезвычайного положения в нашей стране может быть объявлен только Верховным Советом при наличии объективных данных. Как-то...» Аудиторией профессора Собчака был весь мир... На вопрос, что ему известно о судьбе Горбачева, Собчак, без тени колебаний, отвечает: «Разговоры о болезни Горбачева — ложь. Президента пытались заставить отказаться от своего поста. После его отказа была использована версия о его болезни». Корреспондент не стал интересоваться у мэра Ленинграда источниками его информации. Собчак никогда не кидает слов на ветер и не пользуется слухами. Если он говорит, то значит так оно и есть...

Голодные солдаты начинают бродить по московским улицам в поисках пищи. Некоторые суются в магазины, которые, как правило, закрыты. Открытые — зияют уже привычными пустыми прилавками. Танки, БТРы и БМП окружены толпами людей. На танках пирляндами висят дети. Девушки обнимают солдат и офицеров. Сердобольные бабушки и домохозяйки суют в танки батоны и всякую снедь. В жерлах орудий букеты цветов. Некоторые матери находят среди экипажей танков своих призванных в армию сыновей. Слезы, объятия. Прижавшись к своим мамам, плачут несчастные мальчишки, почти дети, оторванные от них той же силой, которая сейчас бросила их убивать собственных матерей. Офицеры отводят глаза. Почти весь офицерский корпус армии славянский: русские и украинцы. То, что случилось в Средней Азии, в Закавказье и даже в Прибалтике, начинается буждаться в Москве. Ведь все русские! Что же тишится? На танках поднимаются русские трехцветные

флаги, танки медленно ползут по улицам столицы, древней столицы Руси и России. Начинает твориться что-то невообразимое. Люди кричат, обнимаются, целуются, бегут вслед за танками, направляющимися к Белому Дому. Многие плачут, не стыдясь слез. И хотя танков всего десять, хотя остальные еще мрачно и безучастно стоят вдоль улиц, но уже что-то произошло. Лица! Изменяются лица людей, превращенные семидесятилетней тиранией в нечто тупое и безликое. Какие прекрасные русские лица. Такие можно встретить наверное только во время катаклизмов и только в Москве. Уже никто не слышит и не слушает, что вещают громкоговорители, но они продолжают работать.

«Постановление № 2 ГКЧП СССР. О выпуске центральных, московских и областных газет...

1. Временно ограничить перечень выпускаемых центральных, московских городских и областных общественно-политических изданий следующими газетами: «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Московская правда», «Ленинское знамя», «Сельская жизнь».

2. Возобновление выпуска других центральных газет и общественно-политических изданий будет решаться специально созданным органом ГКЧП СССР. Москва, 19 августа 1991 года...»

Танки с подбитыми на башнях трехцветными флагами вползают на площадь перед Белым Домом России, окруженным несметными толпами людей. Из Дома выходят Ельцин, его вице-президент Руцкой, Руслан Хасбулатов и Иван Силаев. Кругом вооруженная охрана. Высоко на крыше снайперы зорко следят за крышами соседних домов. Народ ревет: «Ельцин! Ельцин!»

Президент России залезает на башню танка Таманской дивизии. И хотя по аналогии это напоминает легенду о Ленине на броневике, поведение Ельцина больше (до мелочей похоже) на действия Генриха IV Бурбона в период борьбы с левистами, а Москва — это уже Париж то ли до, то ли после Варфоломеевской ночи. Вот так, окруженный только кучкой преданных сторонников с благородными сердцами и длинными шпагами, мужественный король-гугенот бросил вызов всему европейскому католицизму и победил...

С башни танка Ельцин зачитывает обращение к народу: «К гражданам России. В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение,

мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом... Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти, так называемый, комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета...

Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам... Уверены, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным законам и Указам Президента России... Мы абсолютно уверены, что наши соотечественники не дадут утвердиться произволу и незаконию потерпевших всякий стыд и совесть путчистов. Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участие в реакционном перевороте...»

Крючков выключил радио. Неизвестная станция продолжала транслировать речь президента России и обнаружил ее не удавалось. Результаты уже начинали сказываться. Генерал Прилуков, идя после крючковой головомойки по коридорам своего управления, обнаружил, что все его оперы, изнывая от безделья, пьют чай по кабинетам, хотя им было приказано начать работу по спискам. Оказалось, что приказ Прилукова отменил председатель КГБ РСФСР Иваненко, сославшись на распоряжение Ельцина. Московское управление КГБ подчиняется РСФСР, а не СССР. Это уже было что-то новое. А где сам Иваненко, никто не знал. Ходил слух, что где-то около Ельцина. Кроме того, проводить оперативные мероприятия, когда улицы забиты военной техникой и толпами народа, просто невозможно. Вероятны всякие эксцессы. Прежде всего надо убрать народ с улиц, разгромить это осиное гнездо в Белом Доме, а затем начинать спокойно работать. А для этого надо объявить Москву на чрезвычайном положении, ввести комендантский час и интернировать ельцинскую банду. Он призывает население к бессрочной забастовке. Бывший секретарь обкома! Какой позор! Пока Крючков обдумывал свои дальнейшие шаги, Янаев, Пуго, Бакланов, Тизяков и Стародубцев, опять же по идее Крюкова и при согласии Лукьянова, давали в пресс-центре МИД СССР пресс-конференцию для «советских и иностранных журналистов». На удивление пропустили всех журналистов, кто был аккредитован в Москве, да и своих не обидели — пропустили даже тех, чьи газеты уже были официально закрыты постановлением ГКЧП. Сразу же бросились в глаза, что отсутствуют Язов и Крючков, а остальные очисти, сильно нервничают. Даже желтый Пуго все время то снимал, то одевал очки, то протирает их, то клал на стол.

У Янаева так дрожали руки, как будто он давал пресс-конференцию накануне смертной казни. Бакланов и Тизяков также выглядели удрученными. Расплывался в улыбку только один Стародубцев, имея на общем фоне весьма дурацкий вид. Открывший пресс-конференцию Янаев говорил соживчиво, да и никто его толком не слушал, предоставив это магнитофону. Когда и. о. президента закончил, посыпались вопросы, где Горбачев и что с ним? Янаев, то снимая, то одевая свои дымчатые очки, участливым голосом стал объяснять, что Михаил Сергеевич Горбачев находится на отдыхе в Крыму. За эти годы он очень устал, и требуется какое-то время, чтобы он поправил здоровье. «Полатаю, — пообещал Янаев, — в свое время медицинское заключение о состоянии здоровья Михаила Сергеевича Горбачева будет опубликовано». «Почему, полатаю?» — посыпались вопросы. «А как ваше здоровье?» — спросил итальянский корреспондент. Все затихло, ожидая стереотипного янаевского ответа: «Жена не жалуется», но вице-президент ответил иначе: «Вот, посмотрите, двое суток неспали». Но выглядел Янаев неважно. На вопрос, почему нет Язова и Крючкова, ответил уклончиво. В прямой эфир пресс-конференцию не пустили. Телевидение Кравченко по всем программам передавало классическую музыку, прерывая ее только для оглашения постановлений ГКЧП. Крючков, как мы знаем, не появился на пресс-конференции, поскольку был занят подготовкой к введению в Москве чрезвычайного положения, которое бы облегчило работу его людям по наведению в столице революционного порядка. Но Язов отсутствовал по совсем другой причине.

В шесть часов утра Язов собрал на совещание главнокомандующих вооруженных сил. Поднятые в половине пятого главы министры обороны, становились все мрачнее. Маршал был краток. Он сообщил, что президент Горбачев болен и Янаев выполняет его обязанности. Что нужны чрезвычайные меры по наведению порядка. Главком ВМФ адмирал флота Чернавин спросил, что случилось с Горбачевым. Язов ответил, что что-то серьезное, но он сам толком ничего не знает — медицинское заключение будет позднее. Главком ВВС генерал-полковник Шапошников и главнокомандующий войсками стратегического назначения генерал армии Максимов выразили Язову недоумение по поводу танков на улицах. Танки на улицах, пояснил министр, нужны для обеспечения порядка. Есть данные, что в Москве готовились крупные вооруженные провокации. Радости по поводу случившегося

не скрывал только главнокомандующий ПВО генерал армии Третьяк. ПВО имело личные счеты с Горбачевым, когда после полета Руста этот вид Вооруженных Сил был публично опозорен на всю страну. В штабе ПВО искренне считали, что весь полет Руста является провокацией президента для расправы с руководством армии, а секретное расследование, проведенное по приказу Третьяка, только подтвердило эти подозрения.

Вернувшись к себе, главнокомандующий ВМФ Чернавин и его заместитель адмирал флота Капитанец отдали приказ командующему Балтийским флотом адмиралу Иванову блокировать порты Прибалтийских республик. Так было приказано Язовым. Затем Чернавин снял трубку и позвонил в Севастополь командующему Черноморским флотом адмиралу Хронопуло. «Что у тебя там случилось с Горбачевым, Хронопуло?» — поинтересовался Чернавин. Командующий флотом доложил, что с Форосом почему-то нет связи. Командир Балаклавской бригады сторожевых кораблей капитан 1-го ранга Алферьев доложил ему, что связь пропала вечером 18 августа. Отключилось электропитание, прекратилась работа аппаратура обнаружения. Но поскольку эти вопросы в компетенции органов, он не вмешивался. В Крыму находится генерал Мамышев из ПВО и генерал Денисов из генштаба. Они устанавливают новый режим подъезда, полета и подлета к даче президента. Он связался с ними и получил информацию, что президент тяжело болен. У него инсульт в очень тяжелой форме. Однако со сторожевых катеров видели Горбачева на пляже с семьей. Он купался в море. Так что непонятно, что происходит.

В Варне стоит американский ракетный крейсер «Белк-нэп», пришедший туда 17 августа. С него потоком идет какая-то информация через канал спутниковой связи. Вся электроника американца включена на боевой режим. Чернавин повесил трубку и сказал Капитанцу: «Что-то не правится мне вся эта история, Иван Матвеевич». Посовещавшись, приняли решение: флоту никакие приказы ГКЧП не выполнять без санкции главнокомандующего. Кораблим оставаться на базах по дислокации. Блокаду Прибалтийских портов отменить. Морякам и частям, подчиненным флоту, ни в каких действиях не участвовать. Кораблям, находящимся в открытом море, продолжать выполнение задач. Флот обильно нейтралитет. Адмирал флота Чернавин — в прошлом командир атомной подводной лодки, облучившийся и сдвинувший от приступов лучевой болезни, сделал все, что мог...

Главком ВВС генерал-полковник Шапошников, вернувшись в свой штаб, немедленно дал команду не поднимать в воздух ни одного самолета без его приказа. Самолетам стратегической авиации, находящимся на круглосуточном боевом дежурстве, продолжалась выполнение задачи. Карьера Шапошникова была стремительной. В прошлом отважный летчик-истребитель, он в 37 лет был уже генералом, а в 1990 году сменил на посту главноком ВВС престарелого маршала Ефимова. Военно-Воздушные Силы страны имели собственные традиции. В частях почти не было дежурщины. Поддерживалась строгая, но разумная дисциплина, которая сама образуется в коллективах, где от действий каждого зависит жизнь всех. Возвращаясь от министра Шапошников был потрясен количеством танков и солдат на улицах. Казалось, что столица была оккупирована не своими войсками, а каким-то неведомым противником. Остановив машину у одной колонны, главком ВВС приказал порученцу найти командира и привести к нему. Через несколько минут порученец вернулся в сопровождении молодого капитана в лихо сдвинутом на затылок танковом шлеме. Увидев генерал-полковника, капитан отпороговал, что является заместителем командира танкового батальона какого-то полка Кантемировской гвардейской дивизии. На вопрос, кто приказал им войти в город, капитан ответил, что не знает. Командир батальона поехал разыскивать штаб полка и пропал. Что происходит в стране, он тоже не знает. Говорят, умер президент и американцы могут сбросить десант на Москву. Шапошников понимал, что происходит что-то невиданное еще в истории страны, когда рушатся все стереотипы выработанных годами правил поведения и ориентиров. Из задумчивости главкома вывел резкий телефонный звонок. Шапошников взял трубку и услышал взволнованный голос своего заместителя, командующего стратегической авиацией дальнего действия генерал-полковника Петра Дейникина. «Евгений Иванович! Товарищ командующий! захлебываться от волнения, почти кричал всегда спокойный почти до флегмы генерал, — у нас пропал сигнал с «первого!» «Что?» — считая, что он что-то не понял, в ужасе переспросил главком ВВС. «Пропал сигнал с «первого», — подтвердил командующий АДД, — его нет уже несколько минут!» «Первым» на сленге высшего военного руководства назывался «КЕЙС» президента. Специальные, круглосуточные, особо секретные посты постоянно следили за связью стратегических систем с «КЕЙСОМ». «Петр, ты меня слышишь? — мгновенно среагировал главком, — немедленно всех, у кого

на борту «дыни» — на посадку. Освободи все полосы. Все КПИ на аварийный режим! Отключить все РЛС дальнего наведения!» Ни одного из перечисленных приказов Шапошников не имел права отдавать самостоятельно. Вся ситуация стала ему совершенно ясной. Президент свернут, а возможно и убит. Власть в руках авантюристов, безответственных настолько, что в погоне за своими политическими выгодами, они не постеснялись поставить и свою страну, и весь мир на грань ядерной катастрофы. Обливаясь холодным потом, Шапошников схватился за трубку прямой связи с Язовым. Линия была занята. В этот момент зазвонил другой телефон, и Шапошников услышал в трубке густой бас генерала армии Максимова — командующего ракетными частями стратегического назначения. «Шапошников, — спокойно сказал Максимов, — у меня пропал сигнал с «первого» и у тебя, наверное, тоже. Я уже доложил Язову. Тот растерян и ничего не может сказать толком. Я убираю мобильные ракеты с позиций и разъединяю цепи на шахты. Звоню тебе вот по какому вопросу. Что происходит, Евгений Иванович? Позвони Язову, ты его лучше знаешь. Вразуми его, что его вправили в очень пакостное дело. Мы же ядерная держава!» Вместо Язова, линия которого была по-прежнему занята, Шапошников позвонил Янаеву. В таких ситуациях главкомы имеют право обращаться непосредственно к главе государства. Его долго соединяли, наконец в трубке зазвучал звонкий, комсомольский голос вице-президента. «Где «КЕЙС» Горбачева?» — не тратя времени на какие-либо вступления, спросил Шапошников. Янаев растерялся: «Что за «КЕЙС»? — и, видимо, не поняв в чем дело раздразненно ответил, — не знаю, генерал. Сейчас есть дела поважнее!» Он хотел еще что-то сказать, но Шапошников повесил трубку и снова стал звонить Язову. Министр был на месте. «Где «КЕЙС» президента?» — повторил вопрос Шапошников. «У Крючкова», — немного помолчав, ответил Язов. «Как так у Крючкова? — не понял Шапошников, как он попал к Крючкову? Разве Крючков глава государства? Почему он отключил сигнал? Они перешифровывают схему, не предупредив вас? Что происходит, Дмитрий Тимофеевич?» «Не знаю, — устало ответил Язов, — я уже ничего не знаю. Я знаю, что мой «КЕЙС» («второй») еще при мне. Я понимаю тебя, Евгений Иванович. Действуй, но будь бдительным». Маршал повесил трубку и приказал соединить себя с генералом Моисеевым. Он сообщил начальнику генштаба, что очутив плохо себя чувствует и немного отключнет, и уехал на дачу. У него только что был разговор с Крючковым. Получив

доклад генерала Максимова, Язов немедленно соединился с шефом КГБ «Где «КЕЙС» Горбачева?» — спросил министр обороны. «У меня, — ответил Крючков, — а в чем дело?» «С него перестал поступать сигнал на наши системы», — объяснил Язов. «Вот как? — удивился Крючков, — любопытно». Голова Председателя КГБ была занята совсем другими делами и он туго соображал, что от него хочет Язов и пообещал разобратся. Язову стало ясно, что и Крючков не знает, где «КЕЙС». Тем более, что Крючков тут же перевел разговор на другую тему: все ли готово для введения в Москве режима комендантского часа? Язов, вздохнув, сказал, что дал все указания коменданту Москвы генералу Калинин. После того, как министр обороны повесил трубку, до Крючкова стал доходить смысл сказанного. Он вызвал Плеханова. В первый момент начальник всеобщей охраны не мог ничего вспомнить, но когда Крючков на него заорал, грозя немедленно пристрелить в подвале, вспомнил сразу. Вызвали полковника, которому Плеханов передал чemoдан. Тот поблeднел, потому что забыл чemoдан своего начальника (как он думал) в самолете. Что это «КЕЙС» президент, полковнику было знать не положено. Помчались во Внуково. «КЕЙСА» в багажном отсеке не было. Плеханов приказал полковника немедленно арестовать. Тот покорно подставил руки под наручники — у Плеханова, наверное, были какие-то ценные вещи в этом проклятом чemoдане, раз он так осерчал. Надо было предупредить. Крючков уже начал понимать, что сделал крупную ошибку, не арестовав Ельцина. Из Белого Дома потоком сыпались постановления и угрозы, начинавшие уже раздражать. Посоветшались и все-таки решили послать сегодня ночью «Альфу» захватить этот рассадник. Ельцина, Хабсбургатова, Рущикo и Силаева — либо захватить, либо убить — как получится. Хватит миндальничать. И так уже доминдаляничались до ручки. Карпунин осмелился напомнить, что вокруг Белого Дома «гусуется» огромная толпа народа. «Толпу разметать!» — приказал Крючков. У «Альфы» было достаточно средств. Прикинули план. Одна группа высаживается с вертолетов на крыше, вторая начинает огонь из гранатометов по окнам первого и второго этажей, используя осколочные гранаты и гранаты с нервно-паралитическим газом. Где находится сам Ельцин, уточним по ходу дела — в здании достаточно наших людей. Но проклятый горбачевский «КЕЙС» уже не уходил из головы Крючкова. Еще не хватает, чтобы на Москву стали падать водородные бомбы. Самое время. Он вызвал начальника 15-го (бункерного)

управления и приказал привести подземный бронированный атомный бункер, где вожди надеялись отсидеться в случае ядерной войны, в боевую готовность. Хотя приказ был секретный, он немедленно стал известен всей Лубянке. Началась паника. Все руководство уходит в подземный бункер. Тут же распространился слух, что взбунтовались ракетные части стратегического назначения, грозя обстрелять Москву атомными ракетами, если немедленно не вернут Горбачева. Личный состав столичных управлений КГБ (как, впрочем, и везде) состоял из блатников, попавших в «контру» по путевкам партии и комсомола, из МИМО и прочих элитарных заведений. У них не было никакого желания даже рисковать карьерой, а уж тем более погибать за честолюбивые планы своего начальства. Многие стали потихоньку покидать здания, ссылаясь на оперативные дела. Весь день на Лубянке непрерывно звонили телефоны. Огромная армия «стукачей» непрерывно сообщала об обнаружении все новых и новых «агентов влияния», которых необходимо было фиксировать. Напрасно сам Крючков выступал по внутреннему телеканалу, успокаивая сотрудников. Никто ему не верил. У рядовых чекистов не было своих бункеров. Те, кто был поумнее, понимали, что случилось что-то неожиданное, если Крючков вспомнил о бункере, и тоже нервничали. Тут с Крючковым со Старой площадью связался Шенин и стал сообщать очень неприятные новости. Главный идеолог был подавлен. Партийные директивы, переданные ночью, спустились до райкомов, а дальше идти уже было некуда. Мобилизовать коммунистов не удалось. Первыеки либо уже были разогнаны на предприятиях, либо сидели тише мыши, парализованные страхом. На требование первого секретаря МКК Прокофьева к Моссовету и мэрии явиться, как в старые, добрые времена в горком для получения инструкций, ответили матом. Пуго — изменник. Подчиненный ему ОМОН охраняет Моссовет, имея приказ здание захватить, но это еще были цветочки. В Ленинграде прилетевший из Москвы Собчак просто разогнал местную комиссию по чрезвычайному положению, сформированную первым секретарем Гидасповым. Неожиданно явившись на заседание комиссии, Собчак напомнил всем присутствующим, что они государственные преступники и их ждет суд похуже Нюрнбергского, перечислив при этом все соответствующие статьи и сроки. Это подержали не только Самсонов, но и Курков с Крамарчиным. Более того, во главе омовцев и «чекистов-предателей» (Собчак явился на ленинградское телевидение, отстранял и очерканой раз от должности местного начальника,

подлого труса Петрова (бывшего работника обкома) и объявил всему городу, что в ГКЧП сидят преступники, чьи приказы нельзя выполнять, а тот, кто это собирается делать, сам автоматически становится преступником. Обком просит прислать откуда-нибудь войска, чтобы навести порядок.

Из Риги звонил Рубикс. Он уже провел пресс-конференцию, объяснив, что отныне будет существовать только КПСС, а остальные партии запрещены. Не очень умно, конечно. Но дело в другом. Генерал Кузьмин ничего не предпринимает. Флот исчез. В других республиках все то же самое.

Из Киева звонил Гуренко. Кравчук — изменник и сепаратист. Генерал Чичеватов ничего не предпринимает. В городе идут митинги. Снова готовятся встать все шахты в стране и не только шахты. Крючков выслушал Шенина спокойно и позвонил Язову. Подошел Моисеев. Выслушал. Взглянул на карту — электронную карту обстановки — гордость Генерального штаба. Подумал. Из Пскова на Ленинград можно двинуть примерно 150 танков и 50 БТР Псковской дивизии. Остальные пойдут на Таллинн. Неплохо бы сейчас переподчинить Витебскую дивизию снова Министерству обороны. Она составит второй эшелон в действиях на Ленинградском и Прибалтийском направлениях. Позвонил Кузьмину в Ригу. Командующий Прибалтийским округом стал объяснять, что нет достаточных сил, чтобы выполнить возложенную задачу. Подойдут танки из Пскова и Витебска — начнем действовать. Необходимо будет поддержка флота, а с морскими весь день не установить связи. Никто не знает, куда девались адмиралы. Похоже, что все вызваны в Москву к Чернавину.

В Киеве Чичеватов стал объяснять, что не понимает задачи. В Киеве все спокойно. Зачем ему туда вводить свои части. К тому же против все руководство республики. Нет, он не возьмет на себя такой ответственности. Присылайте кого-нибудь из Москвы — пусть распоряжается. В Киев вылетел главный Сухопутных войск Варенижков.

Ожидал результатов переворота, в Кремле сидел будущий генсек и Председатель Президиума Верховного Совета Лукьянов. Немногочисленные депутаты Верховного Совета, сумевший пробиться к нему, ничего толком не могли понять, кроме того, что сессия Верховного Совета назначена на 26 августа. На вопросы о Горбачеве Лукьянов одним ответом, что президент тяжело болен — у него инфаркт, обширный инфаркт, Раиса Максимовна в обмороке. Другим — что

президент здоров, он в курсе дела и ожидает развития событий на даче. Вы же знаете Горбачева...

Сам президент в Форосе слушал радио «Свобода». В кладовке «нашли» старый приемник, сменили батарейки. Узнав, что объявлено о его тяжелой болезни, Горбачев все понял. Он тяжело болен, а завтра объявят о его кончине. Быстро приняли решение не принимать извне никаких продуктов — могут отравить. (О, наше средневековье!) Справились у повара — продуктов оказалось на три дня. Решили продержаться. У зятя нашлась (?) телекамера. Записали на пленку заявление о случившемся на даче и стали думать, как передать пленки «на волю»...

Радио «Свобода» слушал с немалым удивлением и майор Владимир Дегтярев — замполит спецподразделения пограничников, охраняющих дачу Горбачева по периметру колючей проволоки, опоясывающей несколько квадратных километров дачной территории. Ссылаясь на какие-то источники в Москве, «Свобода» сообщила о двух полках КГБ, опекавших дачу президента. Линный состав этих полков — настоящие «зомби» — убивают каждого, кого прикажут. Это было странно. Никаких дополнительных команд спецподразделение, вооруженное только штык-ножами, не получало. Не получало и подкреплений. Режим охраны оставался прежним. На трассе Севастополь — Ялта тоже все было спокойно. Два милицеевских поста, как обычно. Никаких войск. Дегтярев позвонил начальнику пограничной заставы Форос майору Виктору Алымову, чтобы узнать обстановку. Видимо, Алымов тоже слушал радио, поскольку спросил Дегтярева: «Что это за «Севастопольские полки КГБ»? Никто о них ничего не знал, но КГБ — есть КГБ — может быть и существуют какие-то спецчасти. Но в районе дачи их нет. Это точно. Дегтярев спросил Алымова, что с Горбачевым? Он болен или арестован? Если арестован, то собственной охраной. Но не похоже. Не похоже, что и болен. Люди Алымова, расположившись на высотах, наблюдали дачу и подходили к ней в мощные бинокли. Президент гуляет по территории и выходит даже на пляж. Как люди военные, однако оба майора понимали, что не всегда нужно где-то ставить мины, чтобы блокировать дорогу или пролив. Достаточно объявить, что они поставлены. Мало найдется охотников проверить это на себе... Не меньше удивление царило и в Москве на Ходынке в огромном «Аквариуме» Главного управления уголовного управления. Сообщения сыпались на стол генерала Михайлова одно за другим: стратегические бомбардировщики с ядерным оружием на борту покидают зоны

боевого дежурства и один за другим следуют на посадку. Мобильные стратегические ракеты уходят с позиции в парки, ракетные лодки уходят из зон боевого патрулирования, держа курс на базы. СССР можно брать голыми руками. Что случилось? «Похуже, что эти «педерасты» потеряли «КЕЙС» президента или захватили его». «Педерасты» — это КГБ. «Мы предупреждали, что им нельзя доверять ни одного «КЕЙСА» из трех!» Михайлов долго говорил по телефону с Шапошниковым и Максимовым. В его подчинении были небольшие, но прекрасно обученные группы знаменитого спецназа ГРУ, подготовленные для действий в глубоком тылу противника в случае войны. «Надо все это вырубать!» — приказал Михайлов, — ребята, найдите «КЕЙС» президента, а то будет страшный скандал. Нам никогда уже не удастся отмыться как ядерной державе. А по дороге скажите Крючкову, что он придурок». (Ядерный код Горбачева — президентский «КЕЙС» был найден на следующий день в автоматической камере хранения аэровокзала. «КЕЙС» был открыт — точнее взломан. Открывавшие не знали шифра замков. Такой вариант был предусмотрен создателями «КЕЙСА» — сработало ликвидационное устройство, уничтожившее схему.) После разговора с Язовым генерал Шапошников не терял времени. Он послал одного из адъютантов, на которого мог положиться, в Белый Дом с приказом во что бы то ни стало разыскать там вице-президента России Александра Руцкого и попросить его, если это возможно, прибыть к нему, сказав, что едет, скажем, в Кремль или куда-нибудь в другое место. Он хорошо знал Руцкого по прежней службе в авиации и был рад, что именно такой человек сейчас находится около Ельцина. Пока искали Руцкого, Шапошников связался с командующим воздушно-десантными войсками генералом Грачевым. Не теряя времени на зондирование настроения главного ВДВ, Шапошников напрямую спросил Грачева: «Как тебе все это нравится, Павел?» Они хорошо знали друг друга, и Грачев административно подчинялся главному ВВС. «Совсем не нравится», — сознался Грачев. Приехав в штаб ВВС, Грачев застал у Шапошникова Руцкого. Через двадцать минут Руцкий уехал обратно в Белый Дом, а оба командующих быстро, как на войне, стали принимать решения. В Кубинке находится воздушно-десантная бригада генерала Лебеда. Сейчас наиболее важная задача — обеспечить безопасность правительства России и захватить еще пару аэродромов, куда вывозить все имеющиеся в наличии части десанта. Нейтрализовать штабы находящихся в Москве

подразделений, а если понадобится — и сам генштаб. Вернуть запрудившие Москву войска в казармы и освободить Президента. Пальцы генералов чертят по карте Москвы и Московской области одни им понятные кривые линии и кружки. Офицеры штаба кивают головами, иногда вскакивая замечания. Быстрый просчет времени с выводом возможных случайностей и накладок — 27 часов. Прямо из кабинета Шапошникова Грачев соединяется со своим сослуживцем по Афганистану и бывшим начальником генералом Громым — заместителем Пуго, ведающим Внутренними войсками и ОМОНОм. «Боря, — говорит Грачев, — сиди тихо. Понял?» «Понял», — глухим голосом отвечает несостоявшийся вице-президент России. Он уже много понял. ОМОНы, стояль свирепые в Закавказье и Прибалтике, ничего не хотят делать в Москве и заливаются слезами при виде русского трехцветного флага. Это был просчет. Столько твердили через все патристические газеты: русские, русские, русские. Вот подтвердился, что все и вспомнили — они русские и вокруг русские. Хорошо было в Афганистане. Там были интернационалисты... Вернувшись в Белый Дом, Руцкий немедленно отозвал Ельцина и они заперлись в кабинете Президента. Вскоре туда были вызваны Хабзугатов и юридический советник президента России — Шахрай. Через полчаса был обнародован Указ Президента РСФСР № 63. Он гласил:

«Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР — Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР, Вице-президент СССР — Янаев Г. И.,
Премьер-министр СССР — Павлов В. С.,
Председатель КГБ СССР — Крючков В. А.,
Министр внутренних дел СССР — Язов Д. Т.,
Председатель Крестьянского Союза Стародубцев В. А.,
Первый заместитель председателя Государственного комитета по обороне — Бакланов О. Д.,
Президент Ассоциации промышленности, строительства и связи — Тизяков А. И. и их сообщники совершили тяжелейшее государственное преступление, нарушив статью 62 Конституции СССР, статьи 64, 69, 70, 70-1 и 70-2 Уголовного кодекса СССР и соответствующие статьи Основ уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик.
Измев народ, отчизне и Конституции, они поставили себя вне Закона. На основании вышеизложенного ПОСТАВЛЯЮ:

Сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы народа и государства, не желавшим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития, дается право действовать на основании Конституции и закона СССР и РСФСР. Как президент России от имени избравшего меня народа гарантирую вам правовую защиту и моральную поддержку. Судьба России и Союза в ваших руках. Президент РСФСР Борис Ельцин. Москва, Кремль, 19 августа».

Проклятая радиостанция, изводившая Крючкова весь день, кажется, была наконец обнаружена, поскольку уже два часа молчала. Голова у шефа КТБ шла кругом. Это проклятый «КЕЙС» президента. Отправившийся на его поиски П्लеханов куда-то пропал. Пропал и Язов. Моисеев явно утратил управление войсками, хотя и не признается, продолжая уверять, что все в порядке. Но более всего удручало то, что во всех городах и всех бездействуют комитеты государственности, на которые возлагалась основная надежда. Ссылаются на приказы Иваненко и его заместителя Поделякина. Копия одного из приказов была доставлена Крючкову. Это была шифrogramма генерала Иваненко, разосланная во все территориальные управления КТБ РСФСР с требованием не оказывать никакой поддержки самозваному ГКЧП. Самых этих предателей нигде не найти. Мелькнули в Белом Доме и куда-то пропали. Службу знают. За весь день пришли донесения только об аресте Гдлана, Уражцева, Комчатова и Просекова. Последний, бывший полковник авиации, забаррикадировался в квартире, огред одного из оперов топором. Избитого, в наручниках привезли в Балашиху. Народный депутат топором от чекистов отмахируется. Дожили!

Таинственная радиостанция неожиданно ожила. Диктор, точно понимая, что его слушает Крючков, с каким-то садистским смаком стал зачитывать Указ Ельцина № 63 об объявлении ГКЧП, включая Крючкова, вне закона. Перечислять статьи Уголовного кодекса, по которым полагался расстрел. Да, это была громадная ошибка, что сразу не уничтожили Ельцина. А почему? Надо честно признаться, что он сам никогда к Ельцину серьезно не относился и был уверен, что попав в подобную ситуацию, президент РСФСР покорится судьбе и вспомнит, что он не более, как бывший секретарь обкома. Надо с этим делом кончать. Крючков вызвал Карпухина. Ночью захватить Белый Дом. Захватим, пообещал Карпухин. Зачем сто раз повторять одно и то же? Задача

поставлена — выполним. Позвонил из машины Пляханов: «Не нашли». «Ищите, — приказал Крючков, — и на глаза мне не показывайся, пока не найдется». В этот момент появился Крушкко с бланком шифrogramмы, пришедшей из Киева от генерала Варенникова. Крючков пробежал глазами: «Промежуточные смерти подобно тчк Немеленно берите Ельцина тчк Обстановка выходит из-под контроля тчк Варенников». Что-то у него там в Киеве не клеится, наверное. У Крушкко тоже были новости нерадостные. Радиостанция «Голос России», которую Крючков приказал запустить в эфир для дезинформации общественности, обнаружилась, что ее частота заглущается. Судя по почерку, работает военная радиопункт из района Кубинки. Там крупный аэродром и центр сосредоточения Воздушно-десантных войск. Затем пошли рапорты, что по всей Москве солдатам раздают Указ Ельцина. Позвонили Моисееву. Начальник Генштаба явно нервничал. У него пропала связь со штабом Таманской дивизии...

Темпело. Продолжали поступать сведения, что огромные толпы заперли улицы, переторживая их баррикадами. Для этого используются, главным образом, автобусы и троллейбусы. Армия бездействует. Обнаружено несколько брошенных экипажами танков, БТР. В них сидят какие-то длинноволосые «панки» и нюхают бензин, брэнча на гитарах. Попутно выяснилась весьма интересная новость: постовые милиционеры сознательно направляли танковые колонны в ложном направлении не на те улицы. В итоге никто не знает, где какая часть. Выходит и Пуго — предатель? Пуго ответил, что он вынужден заниматься Прибалтикой из-за преступного бездействия армии. В Прибалтийских столицах действует только его ОМОН, но одному ОМОНу явно не справиться с обстановкой. Кузьмин все ждет каких-то танков из Пскова. Московскими милиционерами командует генерал Миркин. Пуго знал о пропаже «КЕЙСА» и позволял себе с укоризной глядеть на Крючкова, покачивая головой.

Только к полудню пришли более-менее радостные новости. Со стороны проспекта Калинина к Белому Дому, прорывая баррикады и стреляя в воздух боевыми патронами, движется колонна БМД (боевых машин десанта). На бортиках машин парашюты и крылья — опознавательные знаки В/В. Их около двадцати. Наконец армия зашевелилась. Крючков взглянул на часы. Было 00-25, 20 августа 1991 года...

Машина генерала Пляханова с притусенными фарами мчались из Внукова в Москву. Поиски ничего не дали, но удалось выяснить всех, кто имел доступ к самолету. С их

адресами П्लеханов мчался в Москву, позвонив из машины Крючкову, чтобы тот подготовил группу из десяти толковых оперативников. С самим генералом, не считая арестованного полковника и шофера, было трое. Неожиданно машина резко затормозила. Поперек дороги стоял БТР. Его башня была направлена на машину П्लеханова. Выросшие из-под земли люди в пятнистых комбинезонах окружили плехановский «Мерседес». Всем выйти из машины! Руки на затылки! — последовала резкая команда, которую, понятно, не мог выполнить только полковник в наручниках. «Что это все значит?» — спросил упавшим голосом П्लеханов, считая, что арестован по приказу потерявшего терпение Крюčkова. «Следуйте за мной!» — прозвучал голос какого-то человека в комбинезоне без знаков различия, в голубом берете десантника. Всю компанию не очень вежливо затолкали в БТР, который, взвывая дизелем, помчался куда-то в ночь...

Генерал Карпухин перестал что-либо понимать. Ровно в два часа ночи группа «Альфа», выйдя на исходные позиции и начав охват Белого Дома со всех сторон, неожиданно дала сигнал, означающий резкую негативную перемену обстановки. Карпухин примчался лично. Спрашивать, что случилось, не было нужды. Вокруг дома Российского парламента, ошестинившись пушками и тяжелыми пулеметами, стояли десантные бронемашины. На их башнях были подняты трехцветные флаги России. Под их защитой бушевала ликующая толпа. Карпухин решил подождать полета вертолетов, которые должны были обстрелять здание неприступными реактивными снарядами и высадить десант на крышу, а затем действовать по обстановке. Неожиданный удар из гранатометов по БТРам мог быть эффективным. Да, но ему напомнили, что за машинами, кроме вооруженной до зубов ельцинской охраны, может быть и батальон десантников. «Альфе» совершенно не хотелось лезть в атаку на пушки и пулеметы. Лазутчики в здании просигнали Карпухину обстановку: это батальон Тульской Воздушно-десантной дивизии, приведенный лично командиром дивизии генерал-майором Лебедем. По чьему приказу действовал Лебедь, пока было не совсем ясно. Не исключено, что просто по собственной инициативе. И в довершении всего не прилетели вертолеты. Оказалось, что прекратили внезапно работу наведения и радиомаяки, подчиненные ВВС. Перестал работать и радиомаяк наведения, размещенный предварительно в самом здании. Чувствовалась рука предателей... «Да что за бардак творится в нашей армии?» — совершенно справедливо воскликнул Крючков, звоня в 4 часа ночи Моисееву. Язов

сиче отдыхал. Отдыхал уже подозрительно долго. Моисеев, кик и подobaет настоящему генералу, был спокоен. У него уже была потеряна связь с Кантемировской дивизией, но Крючкову это было знать не обязательно. На вопрос, почему десантники вместо того, чтобы захватить Белый Дом, его охраняют, Моисеев ответил, что его это удивляет так же, как и Крюčkова. Десантники не получали никаких приказов входить в Москву вообще. Утром разберемся. Моисеев знал, что в Кубинке один за другим садятся военно-транспортные самолеты, набитые десанниками, но почему — не знал. Это была очень интересная ситуация — начальник генерального штаба Вооруженных Сил страны не знал, чьим приказом перемещаются такие крупные армейские контингенты.

Радиомаяк, установленный в машине Плеханова, показывал, что генерал тоже поехал куда-то в Кубинку. Крючков позвонил ему по телефону в машину, но никто не ответил. В машине было и радио. Пытались связаться. Снова без результата. Однако и сигнала тревоги из машины не было. Крючков понимал, что введенные в Москву лучшие правительственные, «придворные», как их называли, армейские части, распропагандированы и толку от них не будет. Их надо выводить из столицы и вводить спецназы КГБ. Но вывести такое количество войск из Москвы было еще сложнее, чем ввести. Он позвонил в Балашиху, где квартировалась целая бригада спецназа и приказал быть готовыми к походу на Москву. Там все поняли и ответили «есть». Спросили, что делать с арестованными Гдьяном и прочими. Пока пусть сидят, ответил Крючков, понимая, что этой бригады будет совершенно недостаточно.

Серое, дождливое утро, встававшее над Москвой, блеклым светом проливало оккупированный город. На мокром асфальте чернели танки, улицы были загромождены опрокинутыми тролейбусами и строительным мусором. Через громкоговорители передавался Указ за подписью Янаева, объявлявший Москву на чрезвычайном положении: «В связи с обострением обстановки в г. Москве — столице Союза Советских Социалистических Республик, вызванным невыполнением постановлений ГКЧП по чрезвычайному положению в СССР № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан... ПОСТАНОВЛЮ:

1. (Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в г. Москве...» Генерал Калинин ввел в Москве комендантский час с 23-00. Обстановка была напряженной до

преддела и мало кто понимал тогда, что все уже было кончено. Пutsch провалился.

Уже взорвался возмущенный мир. Приостанавливались программы помощи, обрубались кредиты, отзывались послы. Уже снимали со стен портреты Горбачева, уже трусливый павловский кабинет полностью одобрил переворот, как это сделали почти все советские послы за границей, уже на имя Янаева пришли три поздравительные телеграммы — от Саддама Хусейна, Муамара Каддафи и Нейра Арафата, уже Станислав Куняев в порыве вдохновения читал свои стихи:

«От объятий швейцарского банка,
Что простерся до наших широт,
Защити нас ЦК и Лубянка,
А иначе никто не спасет!»;

уже, как клопы из щелей, во всех газетах и издательствах снова появились цензоры... но все уже было кончено. Четыре дня оставалось генералу Шапошникову до назначения на пост Министра Обороны СССР, но он уже доказал, что вполне соответствует этой должности. Десантники окружили Москву, захватив все ключевые объекты жизнеобеспечения столицы. Захват генерала Плеханова открыл без выстрелов неоткрываемые двери многих узлов связи и управления. Совсем без шума повязали штабы Таманской и Кантемировской. Отключили знаменитую электронную карту генерала Моисеева. Уже утром 20 августа растерявшийся Язов был готов дать приказ об отводе войск в места постоянной дислокации. На подступах к Ленинграду были остановлены войска. Куда не доставали приказы министра, там действовали указы Ельцина.

Командиру танковой колонны, входившей в Таллинн, был предъявлен указ президента России и он послушно увел танки из города. Еще по инерции хулиганили прибалтийские ОМОНы, еще бушевал генерал Макашов, еще президент Акаев раздавал населению автоматы, призывая к восстанию, но это уже была инерция.

Генерал Шапошников вовсе не желал делать из себя спасителя Отечества. Он не собирался делать из себя ни Вашингтона, ни Бонапарту и, видимо, посовествовавшись с Ельциным и Руцким, дал возможность народу самому почувствовать себя победителем.

Конечно, были совершены ошибки, неизбежные в таких ситуациях. Попытки вывести войска из столицы приводили к совершенно обратным результатам. Стоило танкам начать движение, как назлегуризованные толпы преграждали

им движение, ложась под гусеницы, блокируя траки, а то и нуская в ход бутылки с горючей смесью. Солдаты зверели, офицеры психовали. Ничего не помогало. Глухи стенным пожаром распространялись по столице, достигая пика у Белого Дома. Рокот танковых моторов, доносящийся с ближайших улиц, приводил огромную толпу, окружившую Российский парламент, в неистовство. Танки идут, чтобы раздавить их свободу. Перед микрофонами и видеокамерами возникали встревоженные лица и звучали тревожные голоса генерала Кобеца и Бэллы Курковой, радио «Свобода» на весь мир передавало предсмертную, можно сказать, исповедь своих мужественных корреспондентов Андрея Бабицкого и Михаила Соколова. Есть точные данные, что сегодня ночью будет штурм Белого Дома. Охрана следила за вентиляционными отдушинами и канализационными люками — ходил слух, что знаменитая «Альфа» прошла подготовку по программе японских «ниндзя» — людей-призраков, умеющих материализоваться где угодно. Разворачивались медицинские пункты первой помощи. Священники причащали молодых ребят с автоматами и в бронежилетах, готовых драться до конца. С площади просили удалиться женщин. Плечом к плечу стояли вооруженные пенсионеры, афганские ветераны, рабочие, студенты, сбежавшие из частей офицеры и солдаты. Работали видеокамеры всех крупнейших телеканалов мира. Вдвигались русские флаги, вдвигались руки с автоматами. Так делается история, так рождается нация, символизируя, что раздавленный народ встал с колен. «Они не пройдут — Но пасаран!» С балконов читались указы Ельцина, объявившего себя до возвращения Горбачева Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами. К Краснопресненскому мосту время от времени подбегали танки и уезжали обратно, простояв некоторое время под прицелом телекамер. Плоты на крышах с тревогой поглядывали на небо, давая на ходу интервью журналистам, что в случае появления вертолетов, они не продержатся и 10 минут. В такие моменты с балкона звучали командный голос вице-президента Руцкого: «Внимание, охрана! Огонь открывать без предупреждения!» Вдали продолжали рокотать танковые моторы — танкисты-гвардейцы выполняли урочный приказ о возвращении в места постоянной дислокации. Обстановка у Белого Дома, накаленная до предела, накалялась еще более. Штурм начнется через полчаса, через 10 минут, он уже начался. А в самом здании собрался цинт столицы: мэр Попов, Эдуард Шеварнадзе, Александр Яковлев, Елена Боннер... Ельцина постоянно звали к теле-

фону Звонили: президенты Буш и Миттеран, премьер-министр Мэйджер и канцлер Коль. Звонили и Маргарет Тэтчер. Разговоры были длинными и, выражаясь дипломатическим языком, «полезными и конструктивными». (Давая через несколько дней интервью, Борис Ельцин, на вопрос, какой из зарубежных лидеров вызывает у него наибольшее восхищение, без колебаний ответил: «Президент Буш».)...

Трагическое биополе, нагнетаемое у Белого Дома, стало-вылось уже осязаемым. Тысячи людей готовились к неизбежной гибели. Депутаты Верховного Совета СССР, находившиеся в здании, звонили Лукьянову, прося его использовать свое влияние, чтобы предотвратить кровопролитие. Лукьянов ответил, что и подбавляет истинному партийцу: «Ельцин сам спровоцировал эту ситуацию... Еще надо разобратся, откуда у его людей столько оружия!» Не понимал обстановки умнейший Анатолий Иванович. Но не все были такими дураками.

Премьер-министр Павлов понял все гораздо лучше. Беседуя с Янаевым, он печально сказал: «Влипли мы с тобой как два дурака». «Не бзди! — сказал исполняющий обязанности президента СССР, — провремся!» Янаев был полон оптимизма. Несколько часов назад он встречался с лидерами автономных республик, призывая их поддержать ГКЧП. Представители автономий потребовали объяснений и прежде всего: где Горбачев и что с ним? Суть случившегося Янаев изложил так: группа руководителей попросила Горбачева навести порядок в стране. На что тот ответил: «У меня есть заместитель Янаев, пусть он и наводит порядок». Но Павлов больше не хотел участвовать в наведении порядка. Теряя сознание от страха, он поехал в больницу. Диагноз врачей был однозначным: острый гипертонический криз. Перевозновался за судьбу страны. Заместитель Павлова — Щербатов — в ужасе и в полном бездействии сидел у себя в кабине, слушая сыпавшиеся со всех концов мира сообщения о приостановке помощи и кредитов СССР. Он то знал самое страшное, чего не знали другие участники событий: 40% потребности страны в самом необходимом удовлетворялось до сегодняшнего дня импортом. Это конец! С огромным трудом в Москве удалось собрать банкиров, доказывая им, что страна изменилась, положение стабильное и вполне благоприятное для инвестиций. Банкиры, заблокированные в гостиницах, со страхом смотрели в окна: стабильность была налицо! Собравшийся в Москве в эти дни «Конгресс соотечественников» из потомков родовой российской знати тоже оказался в центре событий. Долгие годы эти люди — Голи-

цини, Шереметьевы, Воронцов, Толстые — боялись возвращаться на Родину. Их уговаривали, убеждали, стыдили — демократия необратима. Сейчас, шарахаясь от танков, издвигаясь от визга гусениц и рева моторов, они поняли, что приехали вовремя. Милая Родина преподнесла им очередное чудо. Умом Россию не понять...

В Белом Доме появился Гдлан и другие ранее арестованные депутаты. Гдлан доложил Ельцину, что спецназ КГБ в Балашихе блокирован, сидит без связи и не собирается ничего предпринимать. Ельцин уже знал это лучше Гдлана. В этот момент произошла сенсация — в Белом Доме появился сам Мстислав Растропович — великий музыкант, изгнанный в свое время из СССР. Растропович давно приобрел всемирную известность и как первая виолончель мира, и как негнблемый борец за права человека. Он и его жена — певица Галина Вишневская — давно уже были гражданами США, гордостью Америки. Неоднократно их принимали в Белом Доме президенты Соединенных Штатов. Будучи на гастролях в Берлине, Растропович узнал, что делается в Москве и бросился в аэропорт. Он прилетел в Москву и, оформив визу, заявил, что прибыл на «конгресс соотечественников». «Вас на конгресс?» — спросил шофер заказанной машины. «... я этот конгресс!» — ответил Растропович, направляясь в Белый Дом, на этот раз Российский. К нему была приставлена специальная охрана, поклаившаяся погипнуть, но защитить великого соотечественника... Получив сообщение, что в Белом Доме появился Растропович, Крючков побегдел, наверняка — это личный посланник президента Буша. Посол США в Москве Метлок как раз накануне путча уехал в Вашингтон, завершив выполнение своих обязанностей. Новый посол — Страху еще находился в Вашингтоне, заявив, что не собирается вручать верительные грамоты «хунте». Что привез Растропович Ельцину? Какие инструкции? А может быть и не инструкции, а что-нибудь почище? Из сообщений и по радио, и из собственных источников Крючков знал, что вокруг Белого Дома и в самом здании нагнетается истерия неизбежного нападения на резиденцию Ельцина. Революции нужна кровь, нужны мученики. Циничный ум председателя КГБ уже предвидел, чем это кончится. Где-нибудь «случайно» взорвется граната или прозвучит из темноты автоматная очередь. Попишет человек легитим, а остальные разнесут Москву по кирпичику. Нападать Крючкову на Белый Дом было уже нечем. «Альфа» после событий прошедшей ночи вбзунтовалась. Зомби-роботы обманились людьми. Часть исчезла, а остальные, собравшись

в спортище на своей базе, наотрез отказались больше участвовать «в этих играх». В них хватило воспоминаний о Вильносе. У них сложилось впечатление, что вчерашняя операция (неожиданное появление десантников у Белого Дома и неприбытие вертолетов) была задумана специально, чтобы уничтожить их всех как опасных свидетелей. На секретных частотах их передатчиков звучали угрозы и призывы сложить оружие. Связь со спецназами в Багдахе и других подмосковных базах была прервана. Что там случилось, Крючков еще не знал, но внезапное появление Гдлана и Урашьева в Белом Доме говорило о том, что в лучшем случае спецназы объявили нейтралитет. Пропал Плеханов. Три оперативные группы, посланные на его поиски, еще не вернулись. Сама собой выстраивалась логическая цепь: Плеханов нашел «КЕЙС» Президента и был захвачен противником. Прошибал холодный пот. Если же его захватили люди Ельцина, то это, пожалуй, еще хуже. Крючков понимал, что попал в ловушку. Он дозволился до Язова. Маршал был подавлен: он отдал приказ отводить войска в места постоянной дислокации. Он постеснялся сказать Крючкову, почему он так поступил. Все центры связи министерства обороны уже контролировались Шапошниковым. Именно этому на бесконечных учениях обучались десантники генерала Грачева и спецназ генерала Михайлова. Быстро, без шума захватить все средства контроля, управления и связи потенциального противника. Главкомы видов вооруженных сил и командующие направлениями звонили Язову, врываются в его кабинет, убеждая маршала поврать с «хунтой». Это испанское слово было у всех на языке. «Но я же не мальчик,— не поднимая глаз, отвечал Язов,— чтобы бегать туда-сюда. Буду отвечать...» Кровь у задняя Белого Дома, как и предполагал Крючков, уже не могла ни пролиться и она пролилась. Откуда-то из темноты появились несколько БТР. Водители были пьяны. Часть из них успела остановиться, но один с бортовым номером 306 врезался в баррикаду. Когда он дал задний ход, на него выпрыгнули добровольцы, пытались ослепить обезумевшую бронемашину брезентом. В суматохе солдаты открыли стрельбу (двое суток они ждали нападения боевиков со «Стингерами»). В итоге от пуль и под гусеницами погибли три человека, обесмертив навсегда свои имена... Военные патрули, поддерживающие режим комендантского часа, испуганно жались к стенам домов. На неосвещенных улицах горели танки. Слышалась стрельба. Потерявший голову генерал-полковник Калинин понимал, что его песенка спета. Связь с войсками округа

и комендантами районов пропала (десантники перестарались). Понимая, что именно его следуют ответственным за происходящее на улицах Москвы, Калинин сел писать рапорт, обвывая в случившемся «хулиганские элементы, находящиеся в нетрезвом состоянии». В этот момент к нему прибыл порученец от Язова. «Комендантский час отменить, войска с улиц убрать». «У меня нет связи»,— сказал Калинин. Связь обещали наладить. В кабинете Крючкова мигнул и погас свет. Он сразу же включился снова, но красная лампочка на табло обстановки показала, что заработала внутренняя электростанция Лубянки. Электроэнергия, идущая из города, была вырублена. Секторная связь с запасным КП пропала, по каналу связи с райотделами доносились чьи-то крики и матерная ругань. Крючков стал понимать, что все кончено. Точнее все кончено на этот раз. Кому-то удалось парализовать КГБ. Но он еще в этом разберется. Может быть, были использованы какие-нибудь новые и неизвестные ему психотропные средства? Недаром ближайший советник Ельцина — генерал-полковник Кобец до недавнего времени занимал пост командующего войсками химзащиты. Он отбросил эту идиотскую мысль и постарался успокоиться. Пока нет оснований для паники. Не получится на этот раз — получится позднее. Есть системы связи и базы, о которых не знает и Плеханов. На секретных вкладах в СССР и за границей лежат сотни миллиардов рублей и десятки миллиардов долларов. Экономика страны приведена в хаос. И наш час еще не настанет. Конечно, нужно ликвидировать несколько ненадежных людей из партаппарата и армии. В первую очередь Николая Кручину — тот знает все счета на Западе. Впрочем, зачем впадать в панику. Все что он хотел сделать — это спасти страну и партию, стабилизировать экономику. Кто может поставить ему подобные действия в вину? Надо срочно всем собраться и обсудить ситуацию. Он позвонил Пуго. Оказалось, что министр внутренних дел почувствовал себя плохо и уехал домой. Но дома никто к телефону не подходил, и в машине — тоже. Багланов и Стародубцев тоже куда-то исчезли. Позвонил Павлову в больницу. Премьер спросил слабым голосом: «Владимир Александрович, скажите, кто дал приказ о вводе войск в Москву?» «А зачем тебе?» — насторожился Крючков. «А потому что это все и погубило». И премьер осмелился первым повесить трубку. Действительно, кто же отдал этот приказ? Конечно, он обсуждался, но ни в одной директиве Иччи и Моисеева не было ни слова об этом. Либо кто-то инсценировался, либо... Крючков снова позвонил Язову.

«Ну, что еще?» — не очень вежливо поинтересовался маршал. «Надо искать достойный выход из положения!» — сказал Крючков. «Вы считаете, что его можно найти?» — спросил Язов. «Думаю, что еще можно», — пообещал Крючков. А вот Янаев, молодец, не унывал. «Чем занимаешься?» — поинтересовался Крючков. «Указы пишу, — бодро отозвался вице-президент. — О понижении цен». Ну, пусть себе пишет. Не будем его беспокоить. Шенин был на месте. У него все спокойно, но здание оцеплено какими-то людьми. Кажется, ОМОНОМ. Почему «кажется»? Они отказались разговаривать с внутренней охраной. «Интересно, — сказал Крючков, — а я-то почему об этом не знаю? Приходи в зеленую гостиную, — сказал он Шенину. Подумаем, что делать дальше». А потом взял и позвонил Ельцину в Белый Дом. «Борис Николаевич, что у вас там происходит? Ничего понять не могу. Что за митинг?» «Где Горбачев» — спросил Ельцин. «Господи, — сказал Крючков, — у себя на даче Горбачев. Хотите, вместе со мной полетели к нему, хоть сейчас». «Немедленно дайте возможность президенту обратиться к народу», — потребовал Ельцин. «Вы, что, считаете меня виноватым в том, что вышла из строя президентская система связи?» — проредил Крючков. «Я считаю вас преступником, которого ждет суд», — со свойственной ему прямолинейностью ответил президент России. Крючков повесил трубку. Ельцин никогда не понимал хорошего к себе отношения... 21 августа в 4 часа 30 минут утра Крючков, Шенин и Язов собрались в так называемой «зеленой гостиной» — гостинице ЦК КПСС «Октябрьская». Крючков и Шенин, не желая рисковать, пробрались туда системами подземных ходов. Язов приехал на своей служебной бронированной машине, превосходящей по размеру президентский «ЗИЛ». Вместе с ним был полковник ГРУ — хранитель ядерного «КЕЙСА» министра обороны. Совещание началось со взаимных упреков, переходящих в оскорбления. В комнате висел тяжелый мат. Навел порядок Крючков. Выяснять, кто виноват, будем потом. Сейчас нужно действовать, чтобы хотя бы спастись. Сегодня Ельцин собирает сессию Верховного Совета РСФСР. Есть точные данные, что на этой сессии будет запрещена деятельность КПСС и РКП, а партийная собственность — национализирована. Это вам уже не указ о департизации. Это конец социализма в стране! Шенин сидел бледный как смерть. Что же делать? Выход один: надо лететь к Горбачеву. Скажем, порочились. Но он же Генеральный секретарь ЦК КПСС. Он должен спасти партию и сплотить ее вокруг себя, объявив указы Ельцина недействи-

тельными, как делал уже неоднократно. «Я знаю Горбачева, — сказал Крючков, — он хорошо понимает, что без партии он — никто». Поэтому нужно немедленно лететь в Форос, пока Ельцин не послал туда своих людей, а нас здесь не арестовал. Все согласились, что другого выхода нет. Но принципиально нужно включить президентскую связь. Мы повисим там, как его освободители и постараемся запутать обстановку так, что он ни в чем не разберется. В любом случае он должен понять, что интересы партии важнее сведения личных счетов. Они все еще ничего не понимали. Желая запутать обстановку, они сами уже запутались в ней настолько, что потеряли всякую связь с реальностью. В этот момент Крючкова позвали к телефону. Вернулся он повешенно нервным. Арестован Янаев. За Пугчо поехали на квартиру. К Павлову в больнице приставлен караул. Нельзя терять времени. Быстро нужно лететь в Форос. Самолет готов. На машине Язова помчались во Внуково. Опытный шофер затормозил прямо у трапа. Двигатели уже были запущены, и самолет сразу же стал вырывать на старт. Все произошло так быстро, что Язов забыл в машине своего полковника с «КЕЙСОМ» ядерного кода, чего он ни при каких обстоятельствах не имел права делать и только за одно это мог быть отдан под суд. Когда самолет оторвался от земли, по рулеткам с воем понеслись машины российской прокуратуры, не успевшие перехватить «путыштов» по дороге. Полковник — абонент кода был арестован. Он также не собирался гибнуть за свой чемадан. «КЕЙС» у него отобрали с такой легкостью, которая и не снилась составителям инструкций. Все и думать забыли о судьбе страны, а уж тем более о судьбе мира. Вот такая мы оказались ядерная держава. Даже в Уругвае или в Чили генералы были ответственнее в подобных ситуациях, хотя у них и нет ядерного оружия, способного 100 раз уничтожить всю планету. Нельзя говорить о какой-то ответственности в разлагающейся обстановке тотальной безответственности..

НО БОГ УБЕРЕГ НА ЭТОТ РАЗ

А ведь можно было осуществить слова Ленина: «Если нам придется уйти, мы так хлопнем дверью, что вздрогнет весь мир!» Да так бы вздрогнул, как Ильич и не мечтал! Но ушли, позабыв про заветы вождя мирового пролетариата, хотя мир и вздрогнул от шока, пусть кратковременного... Десантники генерала Грачева «освободили» президента еще до прилета Крючкова с компанией. Хотя они уверяли,

что Горбачев сам просит их приехать 18 августа, у президента хватило ума их не принимать, а распорядиться об аресте затоворщиков. Александр Рупкой, срочно вылетевший в Форос, привез в Москву растерянного и перепуганного Горбачева. Он еще что-то говорил о социалистическом выборе, о возможности реформировать партию, где есть такие прекрасные люди, как первый секретарь РКП Валентин Кушов. Но его уже никто не слушал. На всех флажках столицы уже развевались трехцветные флаги, объявленные Ельциным национальными флагами России. Компартия была запрещена, а ее собственность национализирована. Все руководители затовора были арестованы, включая Лукьянова, не сумевшего, несмотря на всю свою хитрость, доказать, что он более всего ценит сорокалетнюю дружбу с Горбачевым. Генерал Шапошников стал министром обороны, генерал Грачев — его первым заместителем. За четыре года Отечественной войны мы не потеряли ни одного маршала, а тут за три дня потеряли двоих: Язов был арестован, Ахромеев — повесился у себя в кабинете. (Это, видимо, первый случай когда крупный военачальник повесился. Обычно военные стреляются. Поэтому самоубийство маршала Ахромеева выглядит весьма странно.) Путо — застрелился или, что более вероятно, был убит женой по чьему-то приказу. И, конечно, Николай Кручина — управделами ЦК КПСС — выпал из окна собственной квартиры. Золото партии должно быть неприкосновенным. Арестованный Кручков, садясь в машину, сказал, усмехаясь: «Я скоро выйду на свободу, не радуйтесь». Арестованный маршал Язов, швырнув фуражку на сиденье, зло провознес: «Жалко, что не успел...» Что не успел? Возможно, нажать кнопку своего забытого в аэропорту «КЕЙСА». Ценил при аресте плакат и просил встречи с Горбачевым, а генерал Варенников, напротив, бушевал и громко сожалел, что не пристрелил на месте «этого труса и предателя». Янаева арестовали в Кремле. Он очень удивился: «За что, ребята? Я же хотел только стабилизировать экономику и понизить цены».

Все. Остановимся и переведем дух. Что же произошло? «Инсценировка!» — со свойственной ему безапелляционностью заявил полковник Алкснис, убедившись, что никто не собирается возражать его на «первом попавшемся фонаре». Заявление полковника-провокатора было подхвачено и повторилось неоднократно теми, кто якобы потерпел поражение. Инсценировка предполагает сценарий и режиссера. Многим бы очень хотелось, чтобы режиссером и

автором сценария был Горбачев. А многие в этом просто уверены и переубедить их невозможно. Так и видишь, как в тиши своего кабинета Горбачев и Кручков пишут сценарий. Этого — в Марросскую тишину, этого — в окно, этот пусть застрелится, а этот — повесится. «Меня, что ли, тоже в тюрьму?» — удивленно спрашивает Кручков. «Так надо, — мягко говорит генсек. — В этом суть всего сценария». Кручков вздыхает, но подчиняется и тут же звонит в Марросскую тишину, чтобы в одной из камер сделали ремонт «Михаил Сергеевич, — говорит верный Лукьянов, ознакомившись со сценарием, — меня, пожалуйста, тоже надо в тюрьму». Спасибо, Анатолий Иванович, — со слезами на глазах обнимает старого друга Горбачев, — ты настоящий друг!», — и вносит в сценарий необходимые дополнения, шлифуя его окончательно, как и подобает настоящему режиссеру.

Ну, а какую же роль в сценарии умный, хитрый властолюбивый и очень дальновидный Горбачев оставил себе? Неужели он не понимал, что президент, позволивший себя арестовать и изолировать даже в рамках собственного сценария, это уже не президент, тем более такой страны как Советский Союз. Значит, нам нужно делать вывод, что Горбачев сознательно пошел на политическое самоубийство самого себя и страны. Ибо, увидев на экранах телевизоров жалкого и растерянного Горбачева, привезенного спецназовцами из Фороса, лидеры союзных республик поняли, как ослабла Москва и прочли в бледном лице и лихорадочно блеснувших глазах своего, идущего в сопровождении автоматчиков, генсека, сигнал разбегаться. Чтобы Горбачев сам, по собственной воле такое с собой сотворил, может считать только тот, кто хочет принимать желаемое за действительное, не зная простейших критериев, по которым КПСС ковала своих лидеров.

Может быть, режиссер — Ельцин? Не его методика. Ему бы просто таланта не хватило на все эти мудрености. Это человек прямых (даже слишком прямых) ходов.

Ответ лежит в следующем. Семьдесят с лишним лет нас приучали к мысли, что столицей КПСС является Москва. Но это вовсе не так. Столица КПСС была совсем в другом месте, а Москва была чем-то вроде полевого штаба огромного полiglтона, где отработывались на практике бредовые идеи Владимира Ильича. Кто со мной не согласен, пусть читает Ленина. Но вечно ничто продолжаться не может. Ибо вовемя смыться — основа основ таких организаций, к которым принадлежала КПСС. Операция по трансформации КПСС в новое качество принадлежала КПСС. Операция

по трансформации КПС в новое качество и получила название «Перестройка». Горбачев осуществил ее блестяще. Он увел свою партию, как горьковский Данко, в то самое светлое будущее, которым нам так долго морочили голову. С той лишь разницей, что сердце для освещения дороги он вырвал не у себя, а у страны. Но страна — это было последнее, что всегда интересовало большевиков. «У большевиков нет отечества», — раз сто отмечал Ленин, но почему-то этого самого главного в его учении, никто так и не запомнил. Сделав свое дело, превратив КПС в нового, respectable-ного члена мирового бизнес-клуба, Горбачев, естественно, счел свою миссию оконченной и уехал в Форос, чтобы привести собственные дела в порядок. При этом он передал управление всеми делами в ликвидирваемой стране своему единственному надежному партнеру — Борису Ельцину. Не потому, что больше было некому, а потому, что команда Горбачев — Ельцин — тандем старый и великолетно сыгранный. Когда Горбачев завяз в непроходимом болоте московских партийных интриг — в этих поистине Авигиевых конюшнях КПС — роль Геракла, расчистившего эти конюшни выполнил Ельцин. Выполнил и эффектно ушел, оставив после себя громкий кухонный скандал на XIX партконференции. Когда пришел пора уходить Горбачеву, его сменил Ельцин. И поверьте моему прогнозу: если президент России столкнется с ситуацией, в которой ему придется уйти, его сменил Горбачев. Почему, спросите вы? А вот сейчас именно потому, что больше некому. Попречисляйте, не обманывая себя, всех наших политиков и выберите сами кого-нибудь на роль главы государства. Желаю вам успеха, поскольку я никого выбирать не смогу.

Все было бы хорошо, но тогда, в августе 1991 года, собралась группа людей, вскоре получившая известность как ГКЧП, которая почему-то решила, что ее обделили и политически, и материально, разумеется. Группа не протестовала против главного, что пора уходить с политической сцены, просто эти люди сами не хотели далеко уходить от столь сладкой кормушки. Они считали себя силой, забыв, что все уже решено без них. Они не знали даже того, что их и подбিরали долго и тщательно с одной только целью, чтобы было не жалко в случае необходимости всех вместе посадить в тюрьму, используя их болезненное тщеславие в собственных интересах. Вспомните, как бился в свое время Горбачев, чтобы проташить Янаева в вице-президенты на потеху всей стране. Как вытащил он Язова из небытия и туда же его и вернул. Как вовремя он убрал из-под удара своего друга

Илькитина и подставил бедняку Пуго. Как, невидя на все провалы, держал на посту Крючкова. Вспомните знаменитую улыбку Горбачева, когда друг — Лукьянов примерял на себя кресло генсека. Вспомните, и вы поймете, наконец, что знаменитый Августовский путч был по сути своей очередной интригой партийным мероприятием. Антипартийная группа Янаева, Крючкова и К⁰ почему-то посчитала себя вправе не подчиниться решению Партии И была за это наказана. Ибо партийная дисциплина, как неоднократно указывал еще Ильич, это основа основ всего партийного строительства. А партийное строительство идет не только вверх, но и в глубину. Об этом антипартийная группа почему-то забыла. Но нам бы этого не следовало забывать. Ибо ПЕРЕСТРОЙКА продолжается.

СПб, август—сентябрь 1991 года

В своей книге «Золото Партии» я показал весь путь, начиная с 1917 года, который вел Коммунистическую державу к гибели.

Воскресить СССР так же невозможно, как невозможно воскресить Ленина и Сталина, хотя многие хотели бы и этого. Страна погибла, но на ее останках еще не создано ничего.

И в этом суть сегодняшнего дня. И об этом я напишу в своей следующей книге с рабочим названием «Брепсдел». А пока я хочу подвести некоторые итоги на вторую годовщину «Путча», то есть на 19 августа 1993 года.

На осколках погибшей Коммунистической Империи власть захватили (а скорее — сохранили) представители высшей коммунистической элиты. Это ясно всем, но почему-то всех и удивляет. Хотя иного и быть не могло.

Пройдемся беглым взглядом по обломкам СССР.

Российская Федерация: Ельцин — бывший Первый секретарь Свердловского обкома КПСС, кандидат в члены Политбюро, правая рука Михаила Горбачева по спасению партии.

Украина: Кравчук — член Политбюро КПУ по идеологии, член ЦК КПСС.

Белоруссия: Шушкевич — секретарь ЦК БКЛ, член ЦК КПСС.

Казахстан: Назарбаев — Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, член ЦК КПСС.

Узбекистан: Каримов — Первый секретарь Компартии, член ЦК КПСС.

Туркменистан: Низзов — Первый секретарь Компартии, член ЦК КПСС.

Кыргызстан: Акаев — Первый секретарь ЦК ВЛКСМ, второй секретарь Компартии.

Таджикистан: коммунисты, чтобы сохранить власть, разожгли в республике гражданскую войну, физически истребили оппозицию и сохраняют власть, сидя на российских штыках.

Азербайджан: как мина образца 1912 года, которую уже никто не знает как разрядить, к вершинам политической власти всплыл Гейдар Алиев — Первый секретарь ЦК Компартии республики, член Политбюро ЦК КПСС, правая рука Брежнева и Андропова.

Грузия: грубо устранив не очень умного президента Гамсахурдия, к власти пришел Эдуард Шеварднадзе — член Политбюро ЦК КПСС, правая рука Горбачева и левая рука Ельцина.

Молдова: Снегур — секретарь ЦК Компартии, член Политбюро, член ЦК КПСС.

Даже в прибавке к власти умудрился прийти Браздаскас — бывший Первый секретарь Компартии Литвы, в Латвии — Ульманис, с двадцатипятилетним стажем парработника. Только Эстония и Армения пока составляют исключение. Но — пока.

ПЬСТЬ КТО-НИБУДЬ СКАЖЕТ, ЧТО НА ТЕРРИТОРИИ СССР НАСТУПИЛА ПОСЛЕКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

Вернемся в Россию. После крушения Союза, в России, как впрочем и везде на территории бывшего СССР, не создано никакого государственного образования. Бывшая РСФСР без всякого управления плывет по воле волн среди обломков бывшей Империи, грозя ежесекундно наскочить на какой-нибудь риф и развалиться вслед за Советским Союзом.

Почему подобное происходит?

Да потому, что в стране нет власти, и подобное состояние культивируется. Президент, считающийся главой исполнительной власти, окруженный элитарной партноменклатурой, которая составляет скорее не правительство, а двор средневекового короля, куда помимо старой знати пробилась и авантюристы «послеавгустовского» периода, дремлет, просыпаясь только тогда, когда грубо, за шиворот пытаются его стащить с трона. Проснувшись, он громколасно заявляет о божественных prerogативах своей власти, любителю впечатлений и засыпает снова.

А кого только не встретишь при его дворе! Там и Пастухов — первый секретарь ЦК ВЛКСМ еще брежневских времен, до которого хотел, но не успел добраться покойный Андропов, и Поленичко — бывший второй секретарь Компартии Азербайджана, ответственный за Сумгаит, автор операции «Кольцо» в Афганистане по истреблению мирного населения, с успехом примененной им же в Нагорном Карабахе.

Среди «послепутчевых» авантюристов резко выделился бывший друг и соратник президента и его вице-президент — Руцкой. Сделав себе рекламу на защите Белого дома, который никто и не пытался атаковать, капитулировавший из кабинеты бомбардировщика в кресло второго лица в государстве, дважды событий в Афганистане полковник вдобавок побоев кессонной болельзью, неизбежной от столь стремительно восхождения по служебной лестнице. Заболев, он немедленно попал под полное влияние наших и загра-

ничных аферистов и, что говорится, пошел в разное и, конечно, вскоре сломал себе шею своими акробатическими плясками. В любом государстве президент и вице-президент соотносятся как пилот и второй пилот в самолете. Представьте, что должно произойти с самолетом, если второй пилот неожиданно затеет драку с первым пилотом за штурвал. В любой стране вице-президент, не согласный с президентом, уходит в отставку. Но только не у нас. У нас принято цепляться за ступ до самого расстрела.

Вот и сообразите, куда может прилететь такой самолет? Правильно, никуда. Он будет стоять на рулежке, из кабины будут доноситься мат и визг, и в конце концов самолет сорвет, подожженный одновременно президентом и вице-президентом, чтоб никому не достался.

А пассажиры, то-бишь население? Кто о нем когда думал и кому оно нужно. Пусть сторает вместе с самолетом и ничего лучшего не ждет!

Но это только так называемая исполнительная власть. А она у нас не одна, а, как положено в демократическом государстве, имеется еще и власть законодательная. Это Верховный Совет, доставшийся по наследству от коммунистических времен, который любит называть себя «Парламентом». Когда партия уходила в тень, она вытаскивала на авансцену тогда еще никому не известных людей, которыми надеялась управлять из-за кулис, как марионетками. И не ошиблась. Во главе парламента очутился Хасбулатов, аналог которому можно искать только в европейском средневековье, когда заезжие итальянцы, пленив ирой на лютне неаполитанскими песнями вдовствующих или пребывающих в вечном девичестве королей, становились первыми министрами.

Чеченец по происхождению, но лишенный чеченского гражданства специальным указом лихого генерала Дудаева, не имеющий российского гражданства авантюрист, возглавляет парламент «свободной» России! Более того, он присвоил себе титул, которого нет и не было в номенклатуре должностей, стал называть себя «Главой законодательной власти»! Подобные изумительные шутки могут проходить только в нашей стране. Назвал бы он себя «Светлейшим герцогом законодательной власти» — тоже бы сошло. И никто ухом не повел по поводу того, что законодательная власть на то и представительная, что нет у нее главы — и в этом ее суть как коллективного органа. А спикер — это председательствующий на собрании, регулирующий регламент и процедуру. Но это там — у них. А у нас парламент таков, что по неволе

вспоминаешь историю развития в России представительной власти.

Еще в середине 15 века один заезжий иностранец сделал интересное наблюдение: «Московское царство есть абсолютная монархия, ограниченная институтом кородивых». Юродивые и кликуши всегда были носителями общественного мнения в нашей стране. Они пользовались правом неприкосновенности и отлично это понимали. Их иммунитет уважал даже Иван Грозный, которому Никола Салос, Василий Блаженный и другие кородивые в лицо высказывали все, что о нем думает страна. Они собирали уличные митинги, бродили по городам и весям, вечно предупреждая беду, мор, неурожай, нашествие, голод и почти всегда оказывались правы. Петр Великий институт юродивых прикрыл, лишив их парламентского иммунитета, начав вешать и сжигать на костре. Но стоило Николаю II создать Думу, как оказалось, что это вовсе не парламент, а возрожденный институт юродивых. Достаточно прочитать речи Милокова, Гучкова и прочих господ, чтобы убедиться в этом.

В период большевистского правления Верховный Совет молча поднимал руки, а все речи, коли в них была необходимость, заранее писались в ЦК КПСС и раздавались «депутатам».

Но стоило объявить свободу слова, как в Верховном Совете снова возродился институт юродивых, кликушествующих и брызгающих слюной в радостном энтузиазме от сознания собственной безнаказанности, то есть неприкосновенности. Послушайте Павлова, Константинова, Исакова, Бабурина, Андропова, Саенко и самого «главу представительной власти» — Хасбулатова, и сразу же создается впечатление, что вы попали на Красную площадь во времена Бориса Годунова или, в лучшем случае, царя Михаила Федоровича. Хасбулатов и почти все юродивые, попав к государственно-номенклатурной кормушке прямо из дерьма повседневной жизни рядовых «совков», просто на глазах умирают от кессонной боли.

Сам «глава представительной власти» въехал в квартиру, в которую в свое время постеснялся въехать не отличавшийся особой скромностью Леонид Брежнев. Покойный генсек почел ее слишком роскошной.

«Юродивые», дорвавшись до номенклатурного корыта, просто ошалели, как от восторга, так и от страха. От страха, что это все можно потерять, если кто-нибудь более толстой интуицией отгеснит их от корыта. Более смерти все они боятся изувечивать и принимают все меры, чтобы этого не произошло.

шло. Они рады бы превратить депутатские мандаты в пожизненные и наследственные. Они приватизируют ведомственную жилплощадь, устанавливают сами себе чудовищные оклады, и немислимые в полугодной стране льготы, покупают по ценам 1990 года (сохранные специально для них) машины, дачи и прочее имущество. Участвуют в самых темных аферах и, дабы закрепить на своем месте, придумывают все новые и новые анти-демократические законы.

Как бы им замечательно жилось, если бы о их делишках никто не знал, а новый «Сталин» сделал бы их пожизненными депутатами, как в былые времена! Для этого прежде всего нужно обуздать прессу и выбрать нового диктатора, но такого, который бы их сразу не разогнал, а чего доброго не поставил бы к стенке. «Средства массовой информации надо либо закрыть, либо заставить служить народу!» — изрек не так давно Хабсбургов, собираясь совершить «хладж» в Саудовскую Аравию. Четкости изложения мысли и ее идеальной направленности позавидовал бы и сам Сталин, будь он жив.

При этом господа-товарищи «народные депутаты» не жалеют ровным счетом ни за что отвечать. Даже за собственные голоса, придумав небывалую в мировой практике процедуру тайного голосования в парламенте. Чтобы никто, ни их избиратели, ни их коллеги, никогда бы не узнали «за» они голосовали или «против». Вот какая у нас представительная власть.

Главной мишенью визита юродливых и их «главы» является президент и его окружение. Сутью визита является призыв «не выполнять указов Ельцина». Президент отбивается вяло, время от времени давая понять, что Верховный Совет ему не указ — собака лает — ветер уносит. В итоге в стране безвластие. То что хотят провести в жизнь правительство и президент запрещает Верховный Совет и Съезд Народных депутатов — гениальная выдумка Горбачева. И наоборот.

В безвластии идет разворовывание страны в масштабах, которые не снились никому и никогда. Разоблачения средств массовой информации разве что шокируют обывателя, но не приводят ни к каким мерам. И это естественно. Меры правительства блокируются Верховным Советом и наоборот. В случае патовой ситуации обе стороны апеллируют к улице, советем как во Франции во времена гугенотских войн. Но в отлучки от последних, власти воюют друг против друга довольно вяло. Отчетливо видно, что обе стороны подобная ситуация вполне устраивает, ибо и те и другие сразу же после распада СССР попали в хищные лапы «теневиков», созданных и взлелеянных КПСС, которая под конец своего существования

намертво с ними срослась. В этих условиях они получили возможность грабить страну в масштабах еще невиданных.

Все разоблачения вице-президента Руцкого закончились недоуменным вопросом его спонсора — русско-израильско-канадско-швейцарского миллиардера Бориса Биштейна: «Ты чего, мент?». Сам воруеть и другим дай. Вице-президент сник и отправился призывать к мятежу давно купленный китайцами и японцами Тихоокеанский флот, уверяя, что он через два месяца придет к власти, выбросив из окна президента. Все слушают, и никому не стыдно.

Не стыдно и третьей власти — Конституционному суду. Это вообще очень интересно: иметь Конституционный суд в стране, в которой нет конституции. Но это детали. А главным является то, что Конституционный суд, в лице своего председателя Зорькина — бывшего профессора академии МВД — делает все возможное, чтобы подобная ситуация в стране сохранилась, как можно дольше. Помните, когда Ельцин селал робкую попытку ввести в стране президентское правление, Зорькин был срочно вызван... в Вашингтон. Вернувшись оттуда, он немедленно, вместе с подпрыгивающим от возбуждения вице-президентом, появился на экране телевизора, объявив, еще не читая никаких документов, о выходе президента «за пределы конституционного поля», и призывая его на это поле вернуться. Подобная терминология была вполне уместна, ибо Ельцин нарушил правила глобальной игры, согласованной еще Горбачевым в его бесконечных беседах с лидерами «Семерки».

Затем, принимая решения по апрельскому референдуму, Зорькин совершил тройное сальто юридической эквилибристики. Президент побеждает по проценту от явившихся на голосование, а парламент распускается по проценту от общего списочного состава избирателей. Всем было ясно, что в подобной игре улегоют и президент, и Съезд. То есть ничто ровным счетом не изменится.

А при чем тут Соединенные Штаты? А при том, что даже великое воображение отцов-основателей этой страны не могло нарисовать подобного воплощения в жизнь «американской мечты». Всю свою поступательную и созидательную историю, набирая на трех основах свободы невиданную мощь, Соединенные Штаты всегда зависели от дешевых цен на стратегическое сырье. Ныне это дешевое сырье потоком идет из поврежденного и, фактически, оккупированного Советского Союза. Но мало того! Деньги, которые Соединенные Штаты платят за это сырье, остаются в их же банках, поскольку и, кто им это сырье продает, с полным основанием опасается

хранить эти деньги «дома». Украдут! И сырье, и деньги остаются в американском (читай — западном) обороте.

Тот, кто понимает, что оборот денег в экономике можно без всяких допущений сравнить с человеческим кровообращением, тот отлично поймет и от чего почил в бозе Советский Союз, и в каком положении оказался сейчас Россия. Тот без сомнения поймет и то, почему всем выгодно бесконечно долго поддерживать нынешнюю ситуацию в стране. На постоянных склоках президента и Верховного Совета, усилении византийскими интригами Конституционного суда, наживается все та же номенклатурная верхушка, которая привела к гибели СССР, а сейчас продолжает жадно обгладывать все, что еще осталось на российских костях.

Но подобная ситуация, как бы она ни была выгодна всем, бесконечно долго продолжаться не может. Прежде всего потому, что от постоянных склок и параллельных властей с каждым днем слабеет центр и усиливаются регионы, которые уже фактически, в силу целого ряда причин, отрезаны от центра. Это неизбежно приведет к излому территории, особенно такой гигантской, которую имеет Россия, и в этот излом могут провалиться и исполнительная, и законодательная, и судебная власть, замененные губернатором, который придет из Вашингтона для надзора за резервацией с тем, чтобы через пару сотен лет поднять эту территорию до статуса 51 штата. Это шутка, потому что действительность может быть много хуже.

Санкт-Петербург
1993 г

Б-31

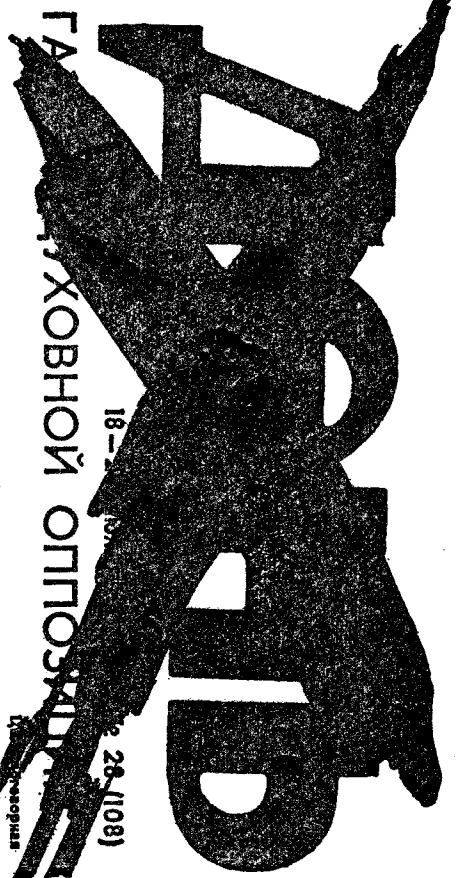
Бунин Игорь Львович
КЕИС ПРЕЗИДЕНТА: Историческая хроника. —
С.-Пб.: Фирма «Шанс», 1993. — 128 с.

Остроумный текст. Малоизвестные и неизвестные факты, изложенные бывшим офицером ВВС, у которого, как и у М. С. Горбачева, в первый день путча (19 августа 1992 г.) отключили телефон.

Где бы не находился президент Горбачев, кеис постоянно был при нем. Полковник Востров по уставу должен был умереть, но не передавать кеис в чужие руки. Порядки в бывшем 9-ом Управлении были таковы, что генерал Пелеханов отобрал у своего подчиненного кеис, как-будто в этом чемодане лежали термос с чаем и бутерброды.

Кеис президента, напоминавший обычный дипломат, содержал специальную аппаратуру для активизации и постановки на боевой вызов ядерного оружия и программному шифровальным командам в ракетные части стратегического назначения, включая подводные лодки. Сигнал, передаваемый этой аппаратурой, означал войну

«О многом у меня просто не хватило духу написать, о многом в умолчал сознательно, чтобы избежать кривотолков. Кое-какие моменты я упростила для большей понятности»

БУНИЧ ИГОРЬ ЛЬВОВИЧ
«Кейс президента»

Издатель — Сердобольский Александр
Референт — Туржова Ольга
Дирекция — Ванин Михаил
Карасев Николай
Корректор — Алексеева Зоя
Техническая редакция — Клепикова Нина
Белова Ольга
Художник — Ванин Михаил

В этом номере газеты было опубликовано интервью анонимного корреспондента — некого журнала «Золото России», со мной, по поводу моей книги «Золото Партии».

Категорически заявляю, что никакого интервью, тем более анонимным корреспондентам, ни какому неизвестному журналу я не давал. А этой газете рекомендую поискать хоть каких-нибудь корреспондентов, способных подписывать свои статьи.

Выражаю глубокое сожаление за отсутствие дееспособных корреспондентов.

И. Бунич

Подписано в печать с диапозитивов 25.08.93 г
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая.
Тарнитура литературная. Тираж 100 000 экз.
Заказ 406.
Фирма «Шанс» г. Нарва, ул. Энергии, 6—110
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГПП «Печатный Двор».
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

Издательство «Шанс» предлагает организациям разместить заказы на издание книг Игоря Бунича. Вы можете заказать книги из серии «Флот России».

1. «Мученики Цусимы» — 300 авторских листов.
 2. «Трагедия Порт-Артура» — 300 авт. л.
 3. «Броненосцы в войне и революции» — 200 авт. л.
 4. «Таллиннский переход» — 1-ый том — 350 авт. л. А также переводы книг иностранных авторов:
1. Сборник «Линейный корабль „Ямато“» — 400 авт. л.
 2. Людвиг Кеннеди «Погоня за Бисмарком» — 500 авт. л.
- По Вашему заказу мы можем выполнить репринтные издания в подборках или отдельными листами уникальных коллекций открыток к церковным праздникам, открыток и календарей по фотографиям, посвященных Военно-морскому флоту, напечатанных в прошлом веке.

Игорь Бунич «БЕСПРЕДЕЛ (ЗОЛОТО ПАРТИИ II)»

Разлагающийся труп коммунистической системы, уничтожив и развалив СССР, пустил смертельные метастазы по России и всему миру. Новая книга Игоря Бунича, несмотря на то, что она написана в беллетристическом жанре остроумного детектива, может считаться продолжением книги «Золото Партии», поскольку охватывает период от августовского путча до наших дней. Разваливающаяся страна, напуганная ядерным оружием, рухнувшая экономика, нищающий народ на фоне страшного клубка, в котором сплелись старая и новая номенклатура, потерявшая голову от новых возможностей разграбления страны и уничтожения ненавистного им народа. Удавка на горле в виде змеи, закусившей собственный хвост.

S M publishing house

Телефон (812) 245 90 11

факс (812) 245 90 17

Игорь БУНИЧ

"ЗОЛОТО ПАРТИИ"
"КЕМС ПРЕЗМАЕНТА"
"БЕСПРЕДЕЛА"

ВАША РЕКЛАМА В КНИГАХ НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Это некая дико поновляя структура в популярных изданиях, которые читают вся страна и знает весь мир. Репетиции в газетах, теле- и радиопередачах, письма и телефонные звонки в редакцию свидетельствуют об этом. Книга И. Бунича "Золото Партии" названа во многих российских "бестселлером". На нее составляется чужая прайм-тайм, парламент, известные истории, писатели и журналисты.

Реклама в нашей книге это не газета, которую выбросят, не телевидение, которое переключат на другой канал,

«Chance» publishing house can offer to your attention the unique collection of post cards devoted to religious dates and days printed in last century. Publishing house takes orders on publication of this collection and collection of post cards devoted to Navy copied from the photos of last century, and also on any publication of that kind.
fax (812) 245 9017.

ЭТО НАШЕ МНОГО !

Тиражи наших книг выходят ежемесячно и раскупаются мгновенно.

Мы ждем Вашего заказа.

С уважением, Редакция

